

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

КОТЯЕВА Надежда Сергеевна

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА
(на материале комедий)**

Специальность 10.02.01 – русский язык
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доктор исторических наук
А.А.Бурькин

Тамбов 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	4
Глава 1. Лексические заимствования в истории развития русского литературного языка XVIII века (к постановке вопроса)	14
1.1. Некоторые теоретические вопросы лексических заимствований.	14
1.1.1. Лексические заимствования XVIII в. и отношение к ним современников. Галломания. Языковой пуризм.	16
1.1.2. К проблематике изучения заимствованных слов в современной лингвистике.	18
1.1.3. Основные научные подходы в определении понятия «лексическое заимствование». Характерные признаки заимствованных слов.	28
1.1.4. О фонетической, морфологической и семантической адаптации иноязычных слов в русском литературном языке XVIII в.	33
1.1.5. Лексические заимствования в лексикографической практике.	36
1.2. Новая русская комедия второй половины XVIII в. как источник изучения заимствованных слов.	41
1.3. Выводы по 1 главе	43
Глава 2. Лексические заимствования в русском литературном языке второй половины XVIII в. (на материале комедий): семантика и функционирование	45
2.1. Лексико-семантические группы заимствованных слов как основной вид их систематизации	45
2.2. Семантическая адаптация и семантическое развитие заимствованных слов, их лексикографическая интерпретация	57
2.2.1. Развитие переносных значений у слов отвлеченного характера.	57
2.2.2. Формирование и развитие переносных значений у слов, обозначающих	57

чающих лиц, конкретные предметы.	79
2.2.3. Стилистическая переквалификация заимствованных слов, их употребление в разговорно-просторечном значении.	89
2.2.4. Детерминологизация, метафоризация значений заимствованных слов, относящихся к различным сферам.	102
2.3. Особенности функционирования заимствований в драматургическом диалоге комедий второй половины XVIII в.	150
2.3.1. Стилистические функции иноязычных слов в комедиях различных авторов, жанров.	150
2.3.2. Заимствованное слово как важнейший структурно-семантический компонент диалога комедий.	163
2.4. Выводы по 2 главе.	177
Заключение.	184
Список использованной литературы.	188
Словари.	206
Список источников.	210
Список условных сокращений.	216
Приложение.	218

ВВЕДЕНИЕ

XVIII век – важная эпоха в истории России, ознаменованная реформами Петра I, в становлении русской государственной системы, экономики, науки и культуры, и самое главное – в развитии русского литературного языка нового времени, формировании и дальнейшем обогащении его словарного состава. Существенную роль в этом процессе сыграли лексические заимствования, и в первую очередь – из западноевропейских языков.

Вопрос о заимствованиях в русском литературном языке – один из самых актуальных в лингвистике, привлекавший внимание многих ученых и литературных деятелей еще в XVIII в. и особенно интенсивно разрабатываемый как в 50–80-е гг. XX в. [Виноградов, 1956; Сорокин, 1965; Крысин, 1968; Биржакова, Войнова, Кутина, 1972; Князькова, 1977, Елисеева, 1984], так и в наши дни [Какорина, 2000; Малышева, 2001; Катаева, 2005; Крысин, 2004, 2011 и др.; Маринова, 2008, 2013; Макеева, 2009; Барышникова, 2010; Гончарова, 2011; Анциферова, 2014; Бурькин, 2015; Рузметов, 2015]. На самом разном материале исследователями освещаются семантико-стилистические и грамматические особенности иноязычных слов, их этимология, функциональные возможности и мн. др. Вторая половина XVIII в. явилась переломным моментом, положившим начало активным семантическим процессам в кругу заимствованных слов, их адаптации, формированию новых значений, стилистическому развитию, что обуславливает перспективы его изучения. Известное воздействие на вхождение иноязычных слов в русский язык и их дальнейшее функционирование оказал стремительный расцвет жанра русской комедии, подлинно национальной, представляющей галерею типических образов.

Однако лексические заимствования не были предметом детального изучения на большом фактическом материале комедий, в том числе опубликованных в уникальном многотомном издании XVIII в. – «Российском феатре», не описаны в

полной мере семантические группы слов, их смысловые и стилистические преобразования, развитие и дифференциация новых значений, входящих в структуру диалога, особенности лексикографической интерпретации слов, авторское своеобразие. Учитывая сказанное, можно утверждать, что **актуальность** данного исследования определяется:

1. Необходимостью системного изучения заимствований в русском литературном языке второй половины XVIII в., – языке нового времени, – их семантики, способов адаптации, этимологической и лексикографической интерпретации, функциональных возможностей, что способствует дальнейшему развитию таких лингвистических направлений, как историческая лексикология, лексикография, лингвокультурология, функциональная стилистика, лингвистика текста, генристика, антропоцентрическая лингвистика.

2. Насущными требованиями современной лингвистики к обобщению и систематизации материала по новым лексическим заимствованиям и включения их в корпус Словаря русского языка XVIII в., Драматического словаря и другие источники.

3. Открывающимися возможностями исследования процессов семантической адаптации заимствованных слов, недостаточно изученных, но являющихся чрезвычайно важными для получения новых сведений о функционировании не только отдельных слов, но и всей лексико-семантической системы русского литературного языка.

4. Необходимостью дальнейшего лингвостилистического изучения заимствований в структуре новой комедии, отражающей реальную языковую ситуацию эпохи, жаргон определенных социальных групп.

5. Значимостью и перспективностью исследования влияния жанра комедии, авторского идиостиля на состав, семантику и особенности функционирования заимствованных слов, их смысловую трансформацию.

6. Актуальность темы диссертационного исследования связана также с тем, что непосредственно сам стиль различных по тематике и жанровой направленности комедий представляет большой интерес в плане проникновения в них

разнообразных заимствований из европейских и других языков, отражения наилучших образцов авторской языковой рефлексии.

Научная новизна данного исследования заключается в следующем:

1. Лексические заимствования рассмотрены на большом фактическом материале (89 комедий, ранее детально не изученных) в динамике их семантического развития, что дает возможность наметить основные тенденции развития лексической системы русского литературного языка нового времени, словаря эпохи.

2. Исследован сложный и многообразный состав заимствований, а также особенности их семантической адаптации – процессы детерминологизации, формирование новых, переносных значений, развитие синонимических, антонимических и фразеологических связей, стилистическая переквалификация и трансформация значений, разнообразные способы вхождения слов в образную структуру драматического диалога.

3. Установлены особенности функционирования лексических заимствований как неотъемлемых компонентов диалога, в том числе стихотворного, их стилистические возможности, роль в развитии сюжета, художественного образа, в отражении авторского идиостиля.

Новизна работы также состоит в том, что выявленная из комедий иноязычная лексика была соотнесена с корпусом заимствований САР¹, САР², Словаря русского языка XVIII в. (21 выпуск), частично его Картотеки, хранящейся в Институте лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), электронной «Библиотеки лексикографа», составленной А.А. Бурыкиным (2008–2013 гг.), и другими лексикографическими источниками.

По материалам исследования составлен «Словник иноязычных заимствований», содержащий 104 лексических единицы, вошедших в русский язык непосредственно во второй половине XVIII века. Многие слова, их значения оказались за пределами академических словарей, но именно эта лексика и является ценным источником, позволяющим пополнить представления о реальном лексическом составе русского литературного языка данного времени.

Объектом исследования являются лексические заимствования в русской комедии второй половины XVIII в., являющиеся одним из важнейших источников обогащения и развития русского литературного языка на этапе его становления, формирования и развития лексико-семантической системы, языковых норм.

Под термином «лексическое заимствование» в данной работе понимаются слова, структурно совпадающие с прототипами, т.е. измененные графически, переданные соответствующими фонемными и морфологическими средствами заимствующего языка, а также слова с частичной морфологической субституцией [Крысин, 1968].

Предмет исследования – состав и типы лексических заимствований, их лексико-семантические группы, способы семантической адаптации и развития, этимология и история слов, характер лексикографической интерпретации, функциональные и стилистические возможности в структуре драматургического диалога комедии.

Цель данной работы заключается в исследовании лексических заимствований в русских комедиях второй половины XVIII в. с точки зрения их лексико-семантических, стилистических и функциональных возможностей в драматических диалогах различных авторов, особенностей лексикографической интерпретации в словарях русского языка XVIII века.

Поставленная цель определяет конкретные **задачи** исследования:

1. Представить основные концепции и проблематику исследования лексических заимствований в современной лингвистике, определить их роль и степень влияния на формирование лексико-семантической системы русского литературного языка.
2. Изучить лексические заимствования в комедиях различных авторов, жанровой направленности, выявить их состав, важнейшие сферы, разработать лексико-семантическую классификацию с учетом контекстуальной трансформации значений.
3. Создать картотеку и Словник иноязычных лексем, содержащий лексические новации эпохи.

4. Соотнести выявленную из комедий заимствованную лексику, ее значения, варианты, этимологию, степень употребительности и новизны с корпусом заимствований САР¹, САР², Словаря русского языка XVIII в., его Картотеки, электронной «Библиотеки лексикографа» А.А. Бурыкина.

5. Выявить специфику семантической адаптации заимствованных слов, относящихся к различным функциональным сферам, их стилистическую переэквивалентацию путем анализа значений, способов вхождения в метафорические контексты комедий.

6. Проанализировать особенности заимствованной лексики в структуре диалога комедии, обусловленные диалогической формой речи, в том числе стихотворной, влиянием разговорной речи данного времени, речевой моды.

7. Осветить стилистическую роль заимствований в комедиях, приемы их использования в идиостиле автора для создания художественного образа персонажа, жаргона петиметров, языковой игры.

Материалом для исследования послужили комедии второй половины XVIII в. – А.П. Сумарокова В.В. Капниста, В.И. Лукина, Д.И. Фонвизина, Я.Б. Княжнина, М.А. Матинского, М.М. Хераскова и др., из которых были выявлены лексические заимствования. Всего использовано 89 комедий и комических опер, как прозаических, так и стихотворных, начиная комедиями А.П. Сумарокова 1750 г. и заканчивая комедией В.В. Капниста «Ябеда» 1798 г. Все произведения равномерно распределены внутри указанного хронологического периода, анализу подвергнуты также комедии малоизвестных и неизвестных авторов, в настоящее время не исследованные.

Фактический материал составил около 3,5 тыс. диалогов из комедий, в которых выявлено 1420 заимствованных лексем, из них более 300 слов являются заимствованиями второй половины XVIII в. Полученный обширный материал был соотнесен с корпусом заимствований Академических словарей – САР¹, САР², Словаря русского языка XVIII в. и его Картотеки, электронной «Библиотеки лексикографа» А.А. Бурыкина, частично с данными современных словарей. Ряд слов,

выявленных в комедиях, не зафиксированы в САР¹, САР², Словаре русского языка XVIII в., многие из них войдут в словарную практику лишь в XIX веке.

За единицу лингвистического описания принимается иноязычное слово и, в ряде случаев, его дериваты, функционирующие в исследуемых комедиях. Кальки и экзотизмы не являются предметом детального рассмотрения.

Методы исследования, применяемые в работе: описательный метод, методы сравнительно-исторической лингвистики, метод идентификации экспрессивного фактора [Балли, 1958]. Используются элементы компонентного и статистического анализа, приемы культурологического, контекстуального и этимологического исследования.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается:

- разработкой понятийного аппарата проблематики исследования лексических заимствований в русском литературном языке второй половины XVIII в., на материале комедий, и его комплексным научно-теоретическим обеспечением на общенаучном и методологическом уровнях;
- опорой на фундаментальные лингвистические, лингвокультурные, сравнительно-исторические концепции и теории, позволившие разработать положение о лексических заимствованиях в русском литературном языке данного времени;
- репрезентативностью выбора объекта исследования, использованием филологического анализа текста, обеспечивающего объективность научного подхода к лексическим заимствованиям данного времени;
- осуществлением количественного и качественного анализа, получением статистических данных зафиксированного фактического материала в комедиях различных авторов, жанровой направленности.

Теоретической и методологической базой послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по различным областям языкознания – истории русского литературного языка, исторической лексикологии, лексикографии, теории языковых контактов и заимствований. Важными в методологическом отно-

шении являются труды В.В. Виноградова, Л.П. Крысина, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, Ю.С. Сорокина, Ф.П. Филина, Г.П. Князьковой, Н.А. Мещерского, П.Н. Беркова, М.Б. Борисовой, Ю.Т. Листровой, Е.В. Мариновой, А.А. Бурыкина и др. исследователей.

Гипотеза исследования состоит в том, что лексические заимствования в русских комедиях второй половины XVIII века, семантически адаптируясь на русской почве, способствуют формированию и развитию лексико-семантической системы русского литературного языка, пополняют понятийные сферы словаря эпохи, создают специфику авторского идиостиля, жанра комедии.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно вносит вклад в изучение лексических заимствований в русском литературном языке второй половины XVIII в. Составленный по результатам исследования «Словник иноязычных заимствований», содержащий иноязычную лексику, и особенно новые заимствования, не вошедшие в словари, их варианты, дериваты, контекстуальные формы, поможет воссоздать реальный круг лексических единиц данного времени. Материалы Словника могут послужить одним из ценных источников для новых выпусков Словаря русского языка XVIII в. и Драматического словаря.

Результаты исследования представляются важными для решения актуальных задач исторической и современной лексикологии, формирования словарного состава русского литературного языка, становления и развития его семантической системы. Они могут быть учтены при научном описании различных процессов, сопровождающих заимствование, в лексикографической практике, исследовании разговорной речи эпохи и принципов ее стилизации в драматическом диалоге комедии, а также при изучении жанра комедии и авторского идиостиля в диахронии.

Практическая значимость. Материалы и результаты проведенного исследования могут использоваться в вузовских курсах истории русского языка, стилистики, лексикографии, лингвистики текста и межкультурной коммуникации, спецкурсах по исторической лексикологии, заимствованиям в русском литератур-

ном языке XVIII в., языку драматургии, а также для пополнения новых выпусков Словаря русского языка XVIII в. и его Картотеки, Драматического словаря эпохи.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов и сообщений, с дальнейшей публикацией, на Международной научно-практической конференции «Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии», проводившейся в г. Элисте в рамках «Немецкой недели в Калмыкии», 2010 г.; на заседании Академической школы-семинара по русской лексикографии для молодых ученых в Институте лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург (2010, 2011 гг.), на региональных научно-практических конференциях «Виноградовские чтения» и «XXI Виноградовские чтения» в г. Зарайске Московской области, 2014 и 2016 гг.

Содержание диссертационного исследования отражено в одиннадцати опубликованных статьях в сборниках научных трудов и периодических изданиях: в Межвузовском сборнике научных трудов «Языковые единицы: семантика, структура, функционирование» Московского областного социально-гуманитарного института (г. Коломна, 2011 г.); в Межвузовском сборнике научных статей «Русская речь в инонациональном окружении» Калмыцкого государственного университета (2011, 2013 гг.).

В их кругу статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, – «Известия Волгоградского государственного педагогического университета», серия «Филологические науки» № 7(61) и № 10(64) 2011 года, «Мир русского слова» № 2 2014 года.

Работа обсуждалась на заседании Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, а также на заседании кафедры русского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

Положения, выносимые на защиту:

1. В русском литературном языке второй половины XVIII в. продолжается процесс активного заимствования и освоения иноязычных слов, в основном,

западноевропейского происхождения, нашедший свое отражение в комедиях различных авторов.

2. Круг иноязычных слов в комедиях пополняется новыми лексемами, их формами, не зафиксированными в лексикографической практике XVIII в., существенно изменившимися количественные и качественные характеристики русского словаря данного времени, важнейших понятийных сфер.

3. Заимствованная лексика образует богатые и разветвленные лексико-семантические группы, внутренне организованные и перекрещивающиеся, развивает обширные деривационные и аналого-синонимические ряды, вариантность, свидетельствующие о расширении функциональных возможностей иноязычных лексем, сфер их употребления.

4. Лексические заимствования в русских комедиях претерпевают разнообразные семантические и стилистические изменения – развивают новые, переносные значения, детерминологизируются, приобретают разговорно-просторечный статус, фразеологизируются, что является показателем их семантической адаптации и активного внедрения в лексическую систему русского литературного языка.

5. В исследуемых комедиях происходит индивидуально-авторская трансформация значений заимствований, обусловленная тематикой текстов, диалогической ситуацией, спецификой художественного образа, а также речевой модой общества. Важным фактором в отборе иноязычных лексических единиц является творческая манера драматурга, специфика его идиостиля и отношение к заимствованиям.

6. Заимствованная лексика, являясь полноправным компонентом драматургического диалога комедии, выполняет разнообразные стилистические и конструктивно-семантические функции, способствуя обновлению традиционной рифмы русского стиха.

Структура работы. Диссертация объемом 225 стр. состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы (221 наименование, из них 5 – на иностранных языках), Списка словарей (44 наименования), Списка

источников (69 наименований, содержащих 89 комедий), Списка условных сокращений и составленного по результатам исследования «Словника иноязычных заимствований», включающего 104 лексических единицы.

ГЛАВА 1

Лексические заимствования в истории развития русского литературного языка XVIII века (к постановке вопроса)

1.1. Некоторые теоретические вопросы лексических заимствований

Проблема изучения заимствований в русском литературном языке является одной из наиболее актуальных историко-лексикологических проблем современной лингвистики. Изучение словарного состава XVIII в. представляет большие трудности – слишком много неясного остается в представлениях о путях, способах, характере и хронологии заимствований. К тому же, литература XVIII в. – «забытая словесность памятного века» – все еще остается в «мертвой точке читательского внимания» [Зорин, 2001: 5]. Однако, интерес ученых к языку XVIII в. начинает постепенно возрастать, появляется ряд разнообразных работ по теории заимствований.

Язык новой русской комедии второй половины XVIII в. дает четкое представление о реальной языковой ситуации, формировании лексико-грамматических норм, процессах активного вхождения заимствованной лексики в словарный состав русского литературного языка. Многие лингвисты сходятся во мнении, что «проникновение в любой язык иностранных слов – явление вполне естественное и закономерное, не ущемляющее национальной самобытности народа, обогащающее его язык» [Ковалевская, 1992: 100]. Сам М.В. Ломоносов дает схему путей заимствования слов в различные периоды, называет семь этапов и столько же пластов иноязычности в русском языке.

Основной поток лексических заимствований из западноевропейских языков относится к концу XVII – первой половине XVIII вв. в связи с реформаторской деятельностью Петра I. В это время в русский язык входят слова из самых разных сфер – общественно-политической, административной, военной, науки и культуры, быта, это была «первая волна заимствований, в основном, западноевропейско-

го происхождения» [Сорокин, 1965: 43], но активизация данного процесса была подготовлена еще в предыдущую эпоху. В XVII в. слова из европейских языков заимствовались чаще всего через посредство польского языка, но «увеличившееся знакомство с латинским и вообще с западноевропейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригиналов, минуя польское посредство» [Соболевский, 1903: 61]. В качестве причин появления заимствований отмечается и стремление отделить старые формы жизни и восприятия мира от новых, с новыми светскими формами просвещения, с новыми тенденциями в речевом употреблении. Особенно необходимыми были иностранные слова как «средство ухода от тяжеловесной книжности и просторечия, сближения книжного литературного языка с разговорной речью светского общества» [Левин, 1964: 273].

Во второй половине XVIII в. процесс заимствования продолжается, хотя и наблюдается некоторое сокращение его интенсивности, параллельно со сложением двуязычия дворянской части русского общества. В то же время, отмечается усложнение самого характера заимствования, семантические изменения в кругу иностранных слов, их адаптация. Главными источниками теперь становятся французский и немецкий языки, влияние же других европейских языков ощущается слабее, хотя и прослеживается итальянское, голландское и позднее – английское влияние. Продолжается процесс проникновения латинской и греческой терминологии.

В это время заимствованная лексика начинает активное передвижение в разговорную речь, в результате – углубляется процесс внутреннего сближения русского языка с западноевропейскими языковыми системами, создаются русские тождесловы, или аналоги иноязычным словам. Этими словами насыщается и разговорная речь, и соотносительные с ней формы литературной речи, воспроизводящие диалоги, отражающие узус разговорной речи.

1.1.1. Лексические заимствования XVIII в. и отношение к ним современников. Галломания. Языковой пуризм

В русском обществе второй половины XVIII в., и особенно дворянском, начинается сильное увлечение всем французским, получившее название «галломании». Историк той поры И.Н. Болтин писал, что в русский язык было введено много французских слов, не по нужде, а по буйственному пристрастию ко всему французскому. И русская интеллигенция – поэты, писатели, общественные и литературные деятели – выступает в печати с призывом беречь чистоту русского языка, не употреблять чрезмерно иноязычную лексику. Так, А.П. Сумароков написал по этому поводу ряд статей, в одной из них («О истреблении чужих слов из русского языка») говорится, что «восприятие чужих слов без надобности есть не обогащение, но порча языка!». В трудах М.В. Ломоносова также звучит предостережение не засорять русский язык «дикими и странными нелепостями, входящими к нам из чужих языков» [Ломоносов, 1952: 591], а Н.И. Новиков в 1774 г. даже издает еженедельное сочинение «Кошелек», в котором вступает в борьбу с соотечественниками, предпочитающими вместо «своего» – «чужое». У некоторых консервативно настроенных деятелей науки и культуры пуристические взгляды достигали крайности. А.С. Шишков в любом иноязычном слове видел угрозу национальной самобытности и настаивал на изгнании из русского языка всех французских, немецких, голландских, английских и др. слов, замене их славянскими [Шишков, 1803: 366]. В этой связи в переводной литературе и словарях широко использовались «однословы», и многие писатели считали, что новизна в языке – явление преходящее. Господство языкового пуризма проявлялось и в Академии Российской, члены которой решили на собрании «сколько возможно избегать иностранных слов и стараться заменять их или старинными словами, хотя бы они были и обветшалыми, или словами, находящимися в языках, от славянского корня происшедших; или же вновь по свойству славяно-русского языка составлен-

ными» [Сухомлинов, 1888: 109]. Этим фактом и объясняется отсутствие многих иностранных слов, бытующих в русском обществе, в САР¹, САР².

Убеждение в необходимости замены галлицизмов русскими соответствиями росло даже среди западнически настроенной русской интеллигенции (Карамзин, Попов, Чулков). В то же время, Н.М. Карамзин, следуя тенденциям западноевропейского космополитизма, советует писать не только для россиян, но и для всех людей, а П. Макаров, наиболее последовательный сторонник карамзинской реформы, отмечал, что невозможно удержать язык в одном состоянии, люди должны выражать свои мысли на современном им языке, «умствуя как французы, как немцы, как все нынешние просвещенные народы» [Сорокин, 1965: 52]. Однако, чрезмерно далеко идущие пуристические устремления встречали осуждение со стороны некоторых литераторов, общественных деятелей. Так, член «Вольного русского собрания» М.И. Плещеев заявлял, что обычай отбрасывать всем понятные иностранные слова и употреблять российские, которые никто не «разумеет», очень плохой, т.к. «нет народа, который бы не заимствовал от других языков» [Опыт трудов Вольного русского собрания, 1776: 35–36]. Аналогичную точку зрения высказывает и Я. Козельский [Козельский, 1788: 22].

При этом надо отметить, что в XIX веке представители карамзинской школы, молодые поэты во главе с Пушкиным вынуждены были бороться уже за использование лексических заимствований на русской почве, поскольку данная лексика и понятия, стоящие за ней, отчетливо отражали смысл передовых идей французского просветительства.

Сам А.С. Пушкин, признавая большую роль иноязычных источников в обогащении словарного состава русского литературного языка, все же подчеркивал, что далеко не всегда нужно это влияние, особенно, когда достаточно развита собственная культура. Показательно его высказывание: «Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством». И далее, в связи с вопросом о татарском влиянии на русский язык в эпоху ига, поэт пишет: «Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло при-

нести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства?...» [Пушкин, 1965: 32–33]. Таким образом, поэт справедливо оценивает самый факт чрезмерного обилия иностранных слов в русском языке как его искажение.

В результате споров и борьбы мнений выработалось единое понимание необходимости развития русского литературного языка на национальной основе, но с разумным использованием иностранных слов, обогащающих его лексическую систему. Одним словом, как писал известный русский историк С.М. Соловьев, рассуждая о путях развития России XVIII века, в данную эпоху «начертана была программа на много и много лет вперед, начертана не на бумаге: она начертана была на земле, которая должна была открыть свои богатства перед русским человеком, получившим посредством науки полное право владеть ею; на море, где явился русский флот; на реках, соединенных каналами; начертана была в государстве новыми учреждениями и постановлениями; начертана была в народе посредством образования, расширения его умственной сферы, богатых запасов умственной пищи, которую доставил ему открытый Запад и новый мир, созданный внутри самой России» [Соловьев, 1962: 114].

1.1.2. К проблематике изучения заимствованных слов в современной лингвистике

Вопрос о лексических заимствованиях в русском языке имеет довольно большую и давнюю традицию как в российском, так и в зарубежном языкознании. Остановимся на трудах, наиболее близких теме данного исследования.

Начиная примерно со второй половины XVIII в., русские историки, филологи, общественные деятели, писатели интересовались процессами вхождения ино-

странной лексики в русский язык, причем часто эти споры выходили далеко за пределы узколингвистической сферы, отмечает Л.П. Крысин [Крысин, 1968: 7]. И важное место здесь занимали вопросы, связанные с необходимостью этой лексики в русском языке или, напротив, с нежелательностью, с особенностями ее освоения и адаптации. Говоря о разработке теории заимствований, автор отмечает, что для работ конца XIX – нач. XX вв. было характерно рассмотрение лингвистических вопросов в тесной связи с культурно-историческими, и мало внимания уделялось динамике этого процесса, анализу соотношения лексического и других видов заимствования, семантическим сдвигам. Рассуждая о судьбах русского литературного языка второй половины XVIII в., В.В. Виноградов писал, что процесс европеизации русского быта привел к широкому распространению фр. языка в «лучших обществах», к «образованию разговорно-бытовых и литературных стилей, носящих яркий отпечаток французской культуры» [Виноградов, 1938: 148]. И русская комедия хорошо отразила сложный процесс смешения языков, особенно в щегольском жаргоне, служащем средством сатирического пародирования.

Немецкий лингвист Г. Пауль считал главным речевое поведение отдельно взятой личности. Он высказывает мысль о том, что заимствованные слова укрепляются в языке после некоторого минимума двустороннего контакта языков, поэтому их анализ должен начинаться с исследования поведения билингвов [Пауль, 1960: 460]. Ряд интересных положений выдвигают и другие немецкие ученые – Э. Рихтер, Кр. Мёллер, называющие основной причиной заимствования необходимость в наименованиях вещей и понятий [Möller, 1933]. Выдвигается идея деления иноязычной лексики по степени ее освоенности в языке, нашедшая отражение и в трудах российских лингвистов, – И.И. Огиенко [Огиенко, 1915], Я.К. Грота [Грот, 1885], называющих следующие разновидности заимствований: усвоение слов без всякого изменения; переделка слов по-своему; перевод слова, составленный по чужому образцу. В немецкой лингвистической традиции существует разделение заимствованных слов на две группы – «Lehnwörter» – заимствованные слова иноязычного происхождения, адаптированные в языке, и «Fremdwörter» –

«чужие слова», то есть иноязычные слова, обозначающие инокультурные понятия.

В дальнейшем интерес ученых усиливается непосредственно к иноязычным лексемам и понятиям, которые они обозначают, к способам их лексического освоения. Л.М. Грановская высказывает мысль о том, что «словарные заимствования Петровской эпохи отражали нужду, прежде всего, в терминологических обозначениях и отвлеченных понятиях» [Грановская, 1964: 371]. Приводя примеры цветовых заимствований, автор утверждает, что одним из способов освоения был перевод. Иноязычные цветообозначения находили яркое воплощение в языке модников, в *салонном* жаргоне. «Высмеивая быт петиметров, русская сатирическая литература великолепно пародировала модный жаргон, в котором обычная русская речь как бы растворена в бессмысленном нагромождении арготических терминов галантного быта, иноязычных, преимущественно, французских заимствований» [там же: 390]. Предметом рассмотрения в других исследованиях становятся иностранные слова, используемые в качестве каламбуров в произведениях русских писателей XVIII в. [Ходакова, 1968: 201–254].

В 1972 году выходит в свет монография ленинградских исследователей Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.. Языковые контакты и заимствования», начинающая цикл очерков по исторической лексикологии XVIII в.

На большом материале рассматриваются лексические заимствования XVIII в., называются их культурно-исторические предпосылки: борьба за возвращение Балтийского и Черного морей, появление разнообразных контактов с Европой, создание армии и флота, промышленности, послужившие мощным толчком к преобразованию экономической и государственной сферы, развитию духовной и материальной культуры, русского языка. Важнейшей предпосылкой является открытие в 1724 г. Академии наук, Санкт-Петербургского (1724 г.) и Московского университетов (1755 г.) – центров научной мысли, первого публичного государственного театра в 1756 г.

Во второй половине XVIII в. государственные, научные и культурные реформы продолжают, европеизация русского быта приобретает все больший размах, распространяется французский язык, литература. Знание иностранных языков становится не только признаком высокой культуры и образованности, но и главным условием контакта с цивилизованным миром. Вторая половина века ознаменована литературной деятельностью целой плеяды русских писателей, поэтов, драматургов – М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, В.В. Капниста и мн. др., внесших свой вклад в развитие русского литературного языка. Лишь на совокупности данных внешней истории и языка, взаимно дополняющих и корректирующих друг друга, следует ответить на три важных вопроса истории заимствований: когда, откуда и куда (хронология заимствования, источник, сфера словаря, наиболее проницаемая для заимствований), утверждают ученые [Биржакова и др., 1972: 23]. Данное фундаментальное исследование дает нам ответы на многие проблемные вопросы заимствований, авторы приводят обширную классификацию работ, связанных с их изучением в русском языке XVIII в. Заимствованиями считаются слова «во всех или некоторых частях своего морфемного состава обнаруживающие свою былую принадлежность к языку-источнику» [там же: 20].

В ряду важнейших называются исследования Н. Смирнова – «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» [Смирнов, 1910] – и В. Христиани [Christiani, 1906], дающие этимологические характеристики заимствованным словам, вызвавшие впоследствии поправки у многих ученых [Огиенко, 1915; Хютль-Ворт, 1956; Рейцак, 1963; Соболевский, 1891; Грот, 1899; Гальди, 1958; Аристова, 1968].

Второй тип работ – исследования различных групп Словаря русского языка XVIII в. [Тузов, 1955; Кутина, 1964; Замкова, 1973 и др.]. В них изучается состав словарных единиц и иноязычные элементы в различных терминологиях. Еще одно направление в изучении лексического состава XVIII в. – исследование различных жанров литературы [Маргарян, 1956; Князькова, 1974; Веселитский, 1972; Винокур, 1959; Петрова, 1966 и др.]. Однако при всем многообразии исследова-

ний менее всего изучен лексический состав заимствований, их семантическая структура.

Третий вид работ касается реакции общественных групп XVIII в. на заимствования и их роль в судьбах русского языка [Ковалевская, 1965], а также лексикографические исследования XVIII в., в которых дается филологическое осмысление и трактовка иноязычных слов в словарях [Якубович, 1956].

Четвертая группа исследований – включает общие курсы русского литературного языка XVIII в., по исторической грамматике и лексикологии, отразившие в некоторой степени проблематику заимствований [Виноградов, 1938 и др].

Таким образом, представленный в указанной монографии обзор научных исследований показывает, что специальные работы об иноязычной лексике XVIII в. охватывают ее далеко не в полном составе; шире представлены слова Петровской эпохи (словарь Н. Смирнова, В. Христиани), но круг источников узок. Единственной работой об иноязычной лексике 30–90-х гг. XVIII в. авторы называют книгу Г. Хютль-Ворт «Foreign words in Russian» [Hütte-Worth, 1963], но ее словник содержит мало единиц. Это приводит к неполноте возможного списка заимствований в русском языке XVIII в., искажает представление об их формах, вариативности, стилистической отнесенности, между тем как варианты и модификации форм дают ценный материал для суждения об этимологии и адаптации заимствований. Сказанное не оставляет сомнений в том, что исследование заимствований актуально, перспективно и имеет ряд неразработанных проблем. В их числе называются и особенности освоения иноязычного материала в русской лексической системе XVIII в., связанные со спецификой языкового развития на данном этапе, а также семантическое освоение иноязычных слов, специфика их ассимиляции на русской почве, характер взаимодействия с русским лексическим составом. Не исследован также вопрос о тех переменах, которые внесли в русскую лексическую систему массовые вхождения иноязычных слов, считают авторы [Биржакова и др., 1972: 20].

Наблюдения над процессом заимствования слов из европейских языков суммируются в следующих выводах: активный процесс заимствования, начав-

шийся еще в XVII в., характеризует все временные этапы XVIII в., касается всех функциональных сфер, частично отражается в словарях. Активные языковые отношения ограничиваются сферой двух языков – французского и немецкого.

Исследование формальной адаптации иноязычных слов в русском языке XVIII в. показало, что характер модификаций формы заимствованного слова определяется возможностями дающей и принимающей системы. Характерной особенностью семантической адаптации заимствованных слов считается связь момента усвоения с моментом развития.

Наряду с вопросом об усвоении иноязычных слов в русском языке возникает проблема их обратного воздействия на семантическую систему другого языка, качественные характеристики слов. Авторы утверждают, что вхождение и семантическое освоение заимствованных слов связано с историческими особенностями лексико-семантической системы. В XVIII в. имело место явление, с одной стороны, языковой избыточности, приводящее к выпадению ряда слов из словаря, а также замедленность процесса дифференциации лексики, а с другой – существенные перемены в составе, семантических и стилистических качествах русских слов, возбуждение словообразовательной активности исконного словаря как реакция языковой системы на иноязычные инновации. Важным является хронологический и этимологический словарь, в котором приводится идеографическая схема основных типов и сфер заимствований.

Таким образом, появление в 1972 г. историко-лексикологического исследования Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой и Л.Л. Кутиной явилось новым этапом в разработке теории заимствований в русском литературном языке XVIII в.

В дальнейших работах рассматривается целый комплекс вопросов, связанных с проблематикой заимствований в русском языке, их типологией, лексико-семантическими особенностями и др. Так, В.В. Веселитский в монографии «Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – нач. XIX вв.» [Веселитский, 1972] выявляет в кругу отвлеченной лексики заимствованные слова, определяя их лексические значения, в том числе переносные. Особое внимание обращается на заимствования, их аналоги, пополнившие круг научной терминологии.

Основные положения его исследования заключаются в следующем: заимствованные слова, разные по времени вхождения, представляют собой один из источников пополнения лексического состава русского литературного языка XVIII в.; они имеют равнозначные русские смысловые параллели, подвергаются ассимиляции в разных формах.

В научных трудах последующих лет, посвященных актуальным проблемам исторической лексикологии, пристальное внимание уделяется и заимствованным словам. В монографии Г.П. Князьковой «Русское просторечие второй половины XVIII в.» [Князькова, 1974] утверждается, что в состав просторечия входили слова, заимствованные в разное время из различных языков. Все эти единицы обладают ярко выраженной оценочностью, чаще всего, – отрицательной, выполняют определенные характерологические функции. Показателем освоенности слов считается наличие аффиксальных образований, расширение их семантического объема и переосмысление, Г.П. Князькова рассматривает также бытующие в речевом обиходе XVIII в. фразеологизмы, содержащие иноязычную лексику [там же: 91–92].

Семантические и функциональные возможности западноевропеизмов в русском языке стали предметом изучения С.И. Ожегова. Исследователь рассматривает историю имен сущ. на – *аж*, которые вошли в русский язык в эпоху Петра, считая их макаронизмами. Подобное отношение к этим словам было свойственно лексикографической практике XVIII – нач. XIX в., обращающей внимание, в основном, на терминологию. В данном исследовании приводится хронология заимствований и материалы различных словарей XVIII–XIX вв. в отношении иноязычных слов [Ожегов, 1974].

В ряде статей, написанных разными исследователями в 70-е гг. XX в. [Замкова, 1973; Марковский, 1973; Назарова, 1979; Аркадьева, 1974 и др.], представлена история отдельных слов и выражений. Многие труды посвящены изучению тюркизмов в русском языке [Галлиулин, Сабиров, 1990; Орешкина, 1994 и др.].

Становление и развитие русской лексической системы в XVII–XIX вв., различных пластов лексики, в том числе и иноязычной, рассматривается в моногра-

фии «История лексики русского литературного языка: конца XVII – нач. XIX вв.» под редакцией Ф.П. Филина, изданная в 1981 г. Особое внимание уделяется путям проникновения иноязычной лексики в русский язык, выясняется специфика процессов ее ассимиляции, функционирования в текстах различных стилей и жанров. Важную часть исследования представляет переосмысление времени, путей и способов заимствования иноязычных лексем в XVIII в., а также выявление их важнейших лексико-семантических групп. На разнообразном материале показана семантика лексических заимствований, отмечается тенденция к более глубокому освоению на русской почве, развитию словообразовательной активности. Автор указывает, что усиление различных пуристических течений оказало определенное воздействие на появление русских аналогов иноязычным словам, а стремление к сокращению множественности наименований способствовало выходу некоторых слов из русского языка («профит – интерес»).

Анализ лингвистических исследований по проблемам заимствований в русском языке XVIII в. показывает, что в конце XX – нач. XXI вв. их количество значительно сокращается. В настоящее время большее внимание уделяется древнейшим заимствованиям и иноязычным словам, вошедшим в русский язык в современную эпоху, их грамматическим особенностям, процессам фонетико-морфологической адаптации [Крысин, 1998, 2002, 2004, 2007, 2011 и др.; Костомаров, 1993; Демьянов, 2001; Маркелова, 2004; Макеева, 2009; Барышникова, 2010 и др.] и словообразовательным аспектам [Михайлова, 1997; Крысин, 2002; Зеленин, 2004], психолингвистическим особенностям процесса заимствования [Шмелева, Шмелев, 1999; Высочина, 2001; Дьяконова, 2004], иноязычным словам в современном просторечии [Журавлев, 1984], в деловом стиле [Майоров, 2006] и т.п. Нормативности употребления иноязычных слов в современной разговорной речи, причинам возникновения ошибок и способам борьбы с ними посвящены труды Ю.В. Литвинова [Литвинов, 2008], английским заимствованиям на рубеже XX–XXI вв. уделяется самое пристальное внимание [Тимофеева, 1992; Какорина, 2000; Маринова, 2008, 2013; Стрельцов, 2010 и др.]. В последнее время внимание ученых сосредоточено, в основном, на функционировании заимствованных слов в

различных сферах. Так, например, иноязычная лексика в современном русском языке, ее семантические особенности в сфере туризма, стала предметом научных изысканий Л.М. Гончаровой [Гончарова, 2011: 16–21], заимствования в экономической сфере на обширном фактическом материале исследовал С.А. Рузметов [Рузметов, 2015]. Некоторые новые опыты осмысления иноязычных цитат и иноязычных элементов в пьесах XIX в. стали предметом изучения А.А. Бурыкина [Бурыкин, 2015].

И лишь немногие исследования последних лет частично отражают некоторые проблемы заимствований в русском языке XVIII в. К ним можно отнести монографию И.М. Мальцевой «Заимствованная лексика интернационального фонда с типизированными формантами в русском языке XVIII в.» [Мальцева, 1990], в которой освещается грамматическая проблематика заимствований, монографию Л.Л. Кутиной «Развитие словарного состава русского языка XVIII в.» [Кутина, 1990], В.В. Колесова «Язык города» [Колесов, 1991], в которой рассматривается происхождение и особенности функционирования в разговорной и художественной речи XVIII–XIX вв. многих иноязычных лексем («кофе», «прогресс» и др.), статью И.А. Малышевой «Заимствования из германских языков в торговой лексике XVIII в.» [Малышева, 2001], посвященную изучению специальной терминологии торговли, и некоторые др. работы. В сборнике «Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.)», изданном в Санкт-Петербурге в 2005 г., исследованию иноязычных слов в русском языке XVIII–XIX вв. посвящены две статьи. В одной из них Н.В. Габдреева [Габдреева, 2005: 31–36] предпринимает попытку комплексного анализа галлицизмов в переводной французской литературе – их вариантности, способов ввода в текст и функций. В другой – И.Н. Катаева изучает специальную лексику карточной игры, ее стилистические функции [Катаева, 2005: 25–30].

В статьях О.В. Дружининской [Дружининская, 2005: 87–92] и Л.М. Голикова [Голиков, 2005: 98–105] в сборнике «Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии», 2005 г., исследуются слова, относящиеся к определенным сферам, лексико-тематическим группам. В первой статье изучены особенно-

сти наименований бальных танцев, заимствованных из французского языка и представляющих собой как простые, так и сложные именованя. В работе Л.М. Голикова – юридическая терминология в русском языке XVIII в.

Некоторые исследования последних лет посвящены истории отдельных иноязычных слов и выражений. Это статья ученых А.А. Бурыкина и О.Ю. Коробейниковой о словах «калмык, калмыцкий» в русском языке XVIII в. (по материалам картотеки Словаря русского языка XVIII в.), содержащая лингвокультурный анализ этнонима в историческом контексте [Бурыкин, Коробейникова, 2003]. Изучению этимологии иноязычных лексем, их вариантам и функциональным возможностям посвящена статья Г.И. Багрянцевой «Названия государственных учреждений и отделов в «Регламенте камер-коллегии» как отражение административной реформы Петра I» [Багрянцева, 2008]. Исследователи М.Н. Приемьшева и Л.П. Гордеева подвергли анализу семантику слов «дама» [Приемьшева, 2010] и «театр – феатр; фронт – фрунт» [Гордеева, 2011]. Музыкальная и медицинская терминология, современные и исторические словари различных типов стали предметом детального изучения молодых ученых Н.В. Скрябиной [Скрябина, 2010], М.В. Субботиной и Е.А. Ждановой, статья которых была опубликована в сборнике «Современная русская лексикография» [Субботина, Жданова, 2011: 191–201]. Исследование иноязычной лексики в «Письмовнике» Н.Г. Курганова, пуристические тенденции в русском обществе XVIII в. привлекли внимание О.Н. Анциферовой [Анциферова, 2014].

Однако при всем многообразии научных исследований в области лексических заимствований в русском языке XVIII в. все еще остается много неизученного, не до конца выясненного и не систематизированного, что и обуславливает перспективы дальнейшего детального изучения заимствованных слов на большом фактическом материале.

1.1.3. Основные научные подходы в определении понятия «лексическое заимствование». Характерные признаки заимствованных слов

Существуют различные научные подходы и в определении понятия «лексическое заимствование» и его разновидностей. Еще Ю.С. Сорокин, обращая внимание на трудности при определении момента «рождения слова», писал, что хронологическое приурочение именно заимствованных слов представляет особенно трудную задачу. Заимствованное слово – это готовый лексический материал, который может быть взят из одного языка в другой в разное время. Другая сложность здесь состоит в определении хронологии терминов, которая может эпизодически появляться в языке произведений отдельных авторов. Это само по себе не может служить датой появления иноязычных слов, а тем более указанием на время их укоренения в языке. Называется ряд условий, позволяющих считать иностранное слово уже заимствованным в языке: формальное приспособление его к нормам заимствующего языка, широкое употребление слова в разных стилях языка, появление его дериватов, расширение сочетательных возможностей, дифференциация значений и устранение смысловой дублетности [Сорокин, 1965: 59–64].

Л.П. Крысин считает целесообразным называть заимствованием «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Эти элементы – единицы различных уровней языковой структуры, взаимосвязанные и взаимообусловленные, от фонемы – до структурно-синтаксического уровня, когда конструкции русского языка испытывают влияние иностранных» [Крысин, 1968: 18–23]. Лексическое заимствование является как бы первой ступенью иноязычного влияния, когда слово заимствуется лишь как часть лексического материала. Далее оно приобретает грамматические связи путем включения слова в определенную парадигму подчинения его законам принимающего языка. Внешними же причинами заимствования исследователь считает наличие политических, экономико-

промышленных и культурных связей между народами, внутренними причинами – потребность уточнить соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам. Существенным фактором стимулирования процесса заимствования называется действие в заимствующем языке тенденции к образованию структурно-аналогичных слов, их разновидностей. Утверждается [там же: 32–34], что между терминами «лексическое заимствование» и «заимствованное слово» нет соответствия, так как на признак перемещения слов, который является основным для термина «лексическое заимствование», наслаивается специфика функционирования слова в языке, его соотношения с другими элементами системы, частота употребления в речи. Нет и общепринятого понимания термина «заимствованное слово» в лингвистике, толкования его отличий от иноязычного слова и иноязычного вкрапления, а также от усвоенной или освоеной иноязычной лексики. И далее высказывается важная мысль: причина трудностей в определении терминологии лежит в том, что критерии определения заимствованного элемента относятся к двум противоположным планам – диахроническому и синхроническому, которые необходимо учитывать и изучать в тесной связи друг с другом.

В этой связи Л.П. Крысин считает заимствованиями следующие единицы. Во-первых, это слова, структурно совпадающие с прототипами, т.е. измененные графически, переданные соответствующими фонемными средствами заимствующего языка без структурных добавлений; во-вторых, слова, морфологически оформленные средствами заимствующего языка; в-третьих, слова с частичной морфологической субституцией. В рамках диссертационного исследования мы, вслед за Л.П. Крысиным, придерживаемся данного определения термина «лексическое заимствование».

В вопросе о заимствованиях предметом отдельного обсуждения является проблема слов-терминов интернационального характера, состоящих из греческих и латинских элементов, не имеющих «родины», живого источника заимствования, а также об иноязычных вкраплениях и экзотической лексике. Отличие указанных слов от заимствованной лексики заключается в их соотношении с системой упот-

ребляющего их языка. И здесь довольно трудно решить вопрос, является ли конкретный термин образованием из интернационального терминогенерирующего материала на русской почве или же он заимствован из какого-либо европейского языка.

Что касается лексикографического аспекта заимствованной лексики, то заимствованные слова, как правило, отражены в словаре, а их появление вызвано коммуникативной необходимостью. Экзотизмы и иноязычные вкрапления представляют собой замкнутые группы слов, обусловленные тематически или иницированные степенью знакомства говорящего с иностранным языком, а также стилистическими особенностями данного слова или оборота, жанром речи. Следует иметь в виду и тот факт, что между тремя рассматриваемыми единицами – заимствованиями, экзотизмами и вкраплениями – нет незыблемой границы.

Надо отметить, что экзотизмы также служили объектом исследования в трудах российских лингвистов. Так, А.Е. Супрун в статье «Экзотическая лексика» [Супрун, 1958: 23] отмечает, с одной стороны, пестроту данных лексических единиц в тематическом и семантическом отношениях, с другой – их богатые экспрессивно-стилистические возможности. Ю.Т. Листрова, исследуя заимствованную лексику в произведениях XIX в., пишет, что во многих исследованиях параллельно с термином «иноязычное вкрапление» употребляются и другие термины – «варваризм», «окказиональное слово иноязычного происхождения», «нетранслитерированное слово и выражение», «беспереvodное иноязычное вкрапление», «неассимилированная иноязычная лексика», «экзотизм-вкрапление». Наиболее удачным автор считает термин «иноязычное вкрапление», введенный в научный обиход А.А. Леонтьевым, который выделил данные вкрапления на основе аналитической дистрибутивной модели, распределил их по типам, структуре [Леонтьев, 1966: 14–19]. Иноязычные вкрапления, считает Ю.Т. Листрова, не являются фактами русского языка, не входят в его словарный состав и поэтому не отражаются в толковых словарях [Листрова, 1979: 10–12].

Различные определения лексических заимствований находим и в современных словарях лингвистических терминов. Так в одном из словарей-справочников

«лексические заимствования» определяются как «слова, заимствованные из других языков вследствие различных контактов и культурных связей народов, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова». Авторы называют два способа заимствований – устный и письменный. Иноязычная лексика подчиняется законам заимствующего языка, и лишь в немногих случаях остается «чужеродным телом». Собственно заимствования отграничиваются от варваризмов, экзотизмов, калек. Варваризмы – это иностранные слова и выражения, не до конца освоенные заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения. Экзотизмы заимствуются, в основном, из малоизвестных языков и употребляются для придания речи местного колорита. Сходное с экзотизмами толкование имеют этнографизмы и регионализмы. Калька – это слово или выражение, представляющее собой перевод по частям иностранного слова или оборота речи с последующим сложением переведенного в одно целое [Розенталь, Теленкова, 1976: 131, 141].

В других специальных словарях также представлена терминология заимствований. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под ред. В.Н. Ярцевой заимствованием считается «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [Ярцева, 1990: 158]. В «Кратком лингвистическом словаре» Г.А. Нечаева заимствования толкуются как «слова, их элементы и отдельные выражения, перенятые, усвоенные из других языков в результате общения между народами» [Нечаев, 1976: 52].

В соответствующих разделах учебных пособий по современному русскому языку для Высшей школы [Крысин, 2007; Шмелев, 1977] рассматриваются различные виды заимствований, в кругу которых выделяются западноевропеизмы и «восточная лексика», приводятся различные варианты иноязычных слов («армия – армия»). Авторы правомерно считают, что определение этимологии заимствованных лексем представляет собой большие трудности, так как, «устанавливая тот или иной источник заимствования слова, мы тем самым еще никак не определяем происхождение слова. Многие слова, перед тем как войти в русский язык, проде-

лали долгий путь из языка в язык, иногда до неузнаваемости изменив свою внешнюю форму и значение» [Шмелев, 1977: 254].

Некоторые исследователи [Михайлова, 1997: 7] вводят в научный оборот термин «полузаимствование», под которым понимаются дериваты иностранных слов, объединенные со словом-прототипом общностью корня (*бланширование – бланшировать – фр. blanchir*). В связи с этим существенной оказывается точка зрения исследователя Л. Гальди, который считал необходимым разграничение заимствованной лексики и созданной по аналогии собственно русской, являющейся новообразованием [Гальди, 1958].

В исследованиях последних лет, посвященных проблемам заимствований в русском языке [Маринова, 2008; 2013 и др.; Макеева, 2009 и др.], так же, как и в 60–80-е гг. XX в., остро стоит вопрос о терминологии, сложности ее разграничения. Так, в словаре-справочнике Е.В. Мариновой отмечается, что теория заимствования в отечественной лингвистике по-прежнему является недостаточно разработанной. Только к термину «заимствование» ученый приводит более пятидесяти его разновидностей, и незыблемой границы между многими из них нет, ср.: «заимствование, внутреннее заимствование, интернационализация, варваризация; внешнее заимствование, заимствованное слово, словарное заимствование, внешнее вхождение и мн. др.». Всего автор словаря-справочника приводит 266 терминов, связанных с проблематикой заимствований в русском языке [Маринова, 2013].

Заимствованные слова имеют специфические языковые признаки, отмеченные в различных словарях и справочниках. Так, греческие и латинские слова были непременной составляющей религиозно-церковного обихода, сферы науки, культуры, общественно-политических отношений (*ангел, автор, кафедра*), имели начальные гласные *а, э*. Для тюркизмов была характерна гармония гласных; для немецких слов – дифтонги *-ау, -ай, -эй*, сочетания *хт, фт, шт, шп*, конечное *-ер* или *-ерь*, две и более основ (*шлагбаум, айсберг*); для французских – ударение на последнем слоге, конечные ударные гласные; для английских – ударение на первом слоге, согласный *ч* и сочетание *дж, э* в начальном слоге, конечное *-инг*, образова-

ния с конечным *-мен* (*допинг, джентльмен* и др.). Итальянские слова в русском языке – *ария, дуэт*, голландские – *гавань, матрос*, венгерские – *гуляш, шалаш*, испанские – *гитара, серенада*, арабские – *гарем, халва* и др.

Таким образом, обращение к теоретическим аспектам исследования иноязычных слов в русском языке показало, что существуют различные определения самого термина «заимствование», в кругу которых отчетливо разграничиваются собственно заимствования и их разновидности, а также варваризмы, экзотизмы, кальки, иноязычные вкрапления, полузаимствования. В ряде исследований термины «заимствование», «иноязычное слово», «иностранный язык» и др. употребляются как синонимы и не имеют достаточно четкого разграничения.

1.1.4. О фонетической, морфологической и семантической адаптации иноязычных слов в русском литературном языке XVIII в.

Материальная форма иноязычных слов подвергается изменениям, которые касаются звукового состава, семантического и грамматического уровня лексем. Данное явление получило название «адаптации» заимствованных слов, рассматривалось в исследованиях разных лет [Биржакова и др., 1972; Демьянов, 2001; Макеева, 2009; Маринова, 2011]. Характер модификаций формы, отмечают ученые, «предопределен возможностями дающей и принимающей системы, которая очерчивает пределы возможных колебаний и вариаций» [Биржакова и др., 1972: 178]. Это процесс длительный, неоднозначный, у целого ряда лексем проявляется тенденция к единообразному протеканию звуковой адаптации, в ходе которой появлялись разного рода дублетные формы. Немецкое влияние во второй половине XVIII в. усиливалось, и оформление нового типа лексем по немецкому образцу постепенно становилось традиционным. Важно отметить и тот факт, что различ-

ные нормализаторские попытки расходились с речевой практикой. Наиболее важными оказываются вопросы, связанные с описанием различных модификаций морфем.

Проблема семантической адаптации заимствованных слов, представляющей собой процесс поэтапного формирования лексического значения вошедшего в русский язык слова, относится к числу наиболее сложных и недостаточно разработанных вопросов. Вместе с тем, результаты взаимодействия двух языковых систем – дающей и принимающей – значимы для получения новых сведений о значениях и функционировании не только отдельных слов, но и всей лексико-семантической системы русского литературного языка. Процессы заимствований существенно влияют на качество словарного состава русского языка, его семантическую и стилистическую характеристики, экспрессивные возможности. Русские слова образуют богатый и семантически разветвленный синонимический ряд в совокупности с иноязычной лексикой, помогая слову-пришельцу определиться в отношении грамматического и лексико-семантического уровня. Важнейшими теоретическими вопросами при изучении процессов семантической адаптации иноязычных слов являются становление и развитие их значений в русском языке, появление новых лексико-семантических вариантов, а также влияние заимствований на русскую лексическую систему в целом. На начальном этапе вхождения в русский язык и любой язык-реципиент иноязычное слово еще не располагает широкой гаммой контекстов, в которых будут реализованы все его смысловые и стилистические нюансы, смысловые трансформации. «Процесс первоначального семантического «вживания» иноязычного слова – это формирование лексических связей слова в новой системе, создание серий его типических употреблений, обобщающихся и достаточных для актуализации смысла» [Биржакова и др., 1972: 243]. Особенно отчетливо эти черты проявляются в массовой комедии, отражающей реальную речевую практику эпохи. Уже в XVIII в. люди возражали против неправильного употребления иностранных слов в русском языке. В.Н. Татищев отмечал, что слово «интерес, фр. – *польза, участие, прибыль* – у нас неведующие свойства его употребляют вместо казенного дохода не правильно» [Лексикон

русской исторической, географической, политической и гражданской. Соч. В.Н. Татищевым, 1793]. Характерным процессом являлось так называемое *вторичное заимствование*, при котором иноязычное слово, уже освоенное русским языком, развивало новое значение («баланс», «компания»). Объективно – это семантическое развитие, адаптация заимствованной лексемы на русской почве, а новое значение нередко приходило не только из первоначального источника, но и из других западноевропейских языков. Помимо вторичного заимствования, новые значения могли появляться и в результате переосмысления старых значений иноязычных слов под воздействием русского лексического окружения («интерес», «мадам», «мамзель» и др.). Особенности вторичного заимствования иноязычных слов служили предметом научного рассмотрения некоторых исследователей [Крысин, 2004; Биржакова и др., 1972].

Основными способами семантической адаптации заимствованных слов в русском языке являются: расширение или сужение их значений, терминологизация и детерминологизация, стилистическая переквалификация, появление разнообразных метафорических значений, полисемии, слов-дублетов. Самым массовым процессом для иноязычной терминологии XVIII в. был процесс детерминологизации, важнейшей ступенью которого являлось расширение сферы употребления термина путем вовлечения его в различные неспециальные контексты, в основном, – в литературно-художественные произведения. Освоенные русским языком термины оказывались базой, послужившей основой оформления неспециального слова, часто с экспрессивным значением («фортеция», «группа»), расширением его лексико-семантических связей. Причем, вовлечение иноязычного термина в метафорический контекст, часто авторски-индивидуальный в комедии, служило первой ступенью его детерминологизации.

Однако для большинства заимствованных слов в XVIII в. процессы семантической адаптации только начинаются, продолжаясь в последующих столетиях.

1.1.5. Лексические заимствования в лексикографической практике

В современной лингвистике многие ученые обращаются к лексикографическим изысканиям, корни которых лежат еще в XVIII в. Исследуя заимствования данной эпохи, необходимо обращаться к разного рода словарным источникам, сведения которых служат ценным ориентиром. Известно, что в это время в России было издано 277 самых разных лексикографических трудов. Это переводные словари, словари иностранных и непонятных слов, терминологические и энциклопедические словари [Биржакова и др., 1972: 62–70], послужившие предметом научного рассмотрения и в сборнике «Словари и словарное дело в России XVIII в.» под ред. Л.Л. Кутиной, Е.Э. Биржаковой [1980]. Изучаются такие словари, как «Словарь Академии Российской», «Русско-голландский лексикон» Я. Брюса, «Новый словотолкователь» Н. Яновского, «Номенклатор» И. Копиевского, «Собрание имен» А. Поликарпова и др. Среди многочисленных проблем исследователи обращают пристальное внимание на семантику иноязычных слов, в том числе терминологического характера, специфику их толкования, этимологию, стилистические пометы, особенности лексикографического отражения в словарях разных типов, а также наличие формальной дублетности и вариантности иноязычного слова. Особенностью книгоиздательской практики первой трети XVIII в. явилось широкое распространение притекстовой лексикографии, это словарики непонятных слов и текстовые пояснения (глоссы) терминологического характера. Единственным словарем является «Лексикон вокабулам новым», который содержит более 500 иноязычных слов. Большую ценность представляют собой иноязычно-русские словарики к переводным книгам (Пуффендорфа «О должности человека и гражданина» и Вобана «Укрепление городов»), раскрывающие семантические возможности иноязычных слов и их русских эквивалентов, а также специальные двуязычные словари – «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова, «Латино-славянский лексикон» И. Максимовича, «Русско-голландский и голландско-

русский лексикон» Я. Брюса, «Немецко-латинский и русский лексикон» Вейсмана, а также «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В.Н. Татищева и анонимный «Рукописный лексикон XVIII в.». Во второй половине XVIII в. количество лексикографических изданий несколько сокращается. В этой связи показательным является «Словарь разноязычный» Н. Курганова, включающий свыше 2100 слов, имеющий большую популярность в данное время, а также помещенный в журнале М. Чулкова «И то и сё» «Словарь иноязычных слов, употребляемых в русском языке, с объяснением их значений». Последний словарик включает в себя 280 слов. Одним из лексикографических изданий XVIII в., в котором осуществлена попытка функционально-стилевой дифференциации русской лексики, является «Польско-русский словарь» К.Н. Кондратовича, дающий детальную картину стиливых возможностей русского литературного языка.

Сведения о заимствованных словах содержатся также в общих иноязычно-русских и русско-иноязычных словарях. Это «Русско-французский Лексикон» 1762 г., «Словарь на шести языках» 1763 г. Ценными являются «Лексикон» Волчкова, содержащий как общеупотребительные иностранные слова, так и редкие, экзотизмы, различного рода терминологию, переводные специальные словари («Экстракт Савариева Лексикона о коммерции» 1747 г., «Краткий мифологический словарь» М. Чулкова, «Описание древнего славянского языческого баснословия» М. Попова, «Иконологический лексикон» Лакомба, а также переведенный с французского языка «Любовный лексикон» Дрю дю Радье).

Развитие новых отраслей знаний обусловило новый приток иноязычной лексики, а вместе с этим и создание множества литературы, систематизирующей заимствования, толкующей их. Это «Книга о науке военной» Н. Курганова 1777 г., «Военный мореплаватель» в книге Н.П. Озанна, «Словарь ручной натуральной истории» Л. де Монлино 1788 г., словари в книгах Перро К. «Сокращенный Витрувий» 1789 г., Севергина В. «Первые основания минералогии» 1798 г., а также глоссы в записках и сочинениях М.И. Антоновского, А.С. Шишкова. Значительное место среди немецких переводных лексиконов занимает рукописный словарь

К. Шмута, объем которого – 549 стр. со всеми графическими особенностями, вставками и заметками на полях. В 70–90-е гг. XVIII в. появляются различные словари-указатели, лексиконы энциклопедического характера, музыкальные словари (М. Комарова «Разные письменные материи» 1791 г., «Карманная книга для любителей музыки на 1795 год», «Анатомико-физиологический словарь» Н. Максимовича-Амбодика 1783 г., «Словарь минералогический» 1790 г., «Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках» А.С. Шишкова 1795 г. и др.).

Значительным событием в лексикографической практике XVIII в. явилось издание в Санкт-Петербурге первого толкового словаря русского языка – Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. (САР¹). Как известно, иноязычная лексика была представлена в нем в ограниченном количестве. Это было связано с идеей самодостаточности «славенороссийского» языка, а также с пуристическими установками его составителей. В структуру словаря включались лишь старые заимствования церковных книг, слова, связанные с реалиями иностранных государств, и историзмы. В этих установках проявилось сходство Словаря Академии Российской с толковыми западными словарями, прежде всего, со Словарем Французской Академии. Большой интерес представляет словник Аналогических таблиц, содержащий значительное число заимствований, а также рукописная правка членов Российской Академии, которые вносили в словарь различные иностранные слова. Высокую оценку данному академическому словарю дал Н.М. Карамзин: «Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иностранцев» [Карамзин, 1820: 306]. Словарь Академии Российской имел огромное значение для российской лексикографии как особый тип толкового словаря, отражающий становление норм русского литературного языка, его развитие.

На границе веков создается «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известно» Н. Яновского, 1803–1806 гг., в состав которого вошли различные словари конца сто-

летия. Это было самое большое собрание иностранных слов, охватившее различные сферы жизни, содержащее огромное количество терминов.

После разбора и обобщения опыта САР¹ с 1801 г. началась работа по созданию нового Словаря Академии Российской – САР², 1806–1822 гг., а также «Словаря Церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением императорской Академии наук» в 1847 г.

XX век был ознаменован появлением большого количества новых словарей, отражающих результаты чрезвычайно активизировавшегося процесса заимствования. В их числе – «Словарь иностранных слов» под ред. Ф.Н. Петрова, 1937 г., многократно переиздававшийся, а также «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина [Крысин, 1998; 2008], содержащий 25 тыс. слов, с иллюстрациями. Заслуживают внимания такие словари, как: «Словарь тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой, 1976 г.; «Словарь иностранных слов» Т.С. Кудрявцевой, Л.С. Пухачевой, Р.А. Арзуманова, 1997 г.; «Словарь иностранных слов и выражений Е.С. Зеновича, 1997 г.; «Толковый словарь иностранных слов» Н.П. Шерстенина, 1998 г.; «Универсальный словарь иностранных слов русского языка», 2000 г.; «Кальки в русском языке послепетровского периода: опыт словаря» Н.С. Араповой, 2000 г. и др.

Уникальным продолжающимся изданием является «Словарь русского языка XVIII в.» (Гл. ред. Ю.С. Сорокин; Ред. Л.Л. Кутина (Вып. 1–18), Е.Э. Биржакова. – Л.: СПб.: Наука, 1984–2015. – Вып. 1–21), ставивший своей задачей отразить динамику языкового развития, в котором содержится богатый текстовый материал, прослеживается история самых разных групп лексики в русском языке XVIII в., в том числе и иноязычной.

В круг источников Словаря привлекаются памятники различных жанров, хронологически представляющие весь XVIII век. Обширная словесная подборка, содержащаяся в Картотеке Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург (около 2 млн. карточек-цитат), отражает реальную языковую картину данной эпохи, служит надежной основой для описания ее в историческом словаре. В 2012 г. выходит в свет научный сборник данного Института, посвя-

щенный 50-летию Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» [Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2012 г.]. Наряду со статьями, созданными на ее материале, в данном выпуске помещены некоторые мемориальные материалы, связанные с историей Картотеки, а также образцы карточек, написанные рукой Ю.С. Сорокина и др. ученых.

Таковы основные лексикографические источники и картотеки, отражающие иноязычную лексику, ее семантику.

В последнее время появляются исследования, связанные с интерпретацией иноязычной лексики в толковых словарях различных эпох. Так, ценным источником наблюдений для Л.С. Ковтун послужили древнейшие словари. На примере некоторых функциональных сфер автор представляет историю многих заимствованных слов, их происхождение и особенности отражения в различных словарях [Ковтун, 1977: 27–28]. Диссертационное исследование С.В. Барышниковой посвящено изучению иноязычной лексики в словарях иностранных слов XIX в. и проблемам ее смысловой адаптации [Барышникова, 2010]; предметом научного рассмотрения Е.В. Мариновой послужила заимствованная лексика (проблемы ее освоения и функционирования) в русском языке XX–XXI вв., выбранная в том числе и из лексикографических источников [Маринова, 2008]. В «Толковом словаре французских заимствований в русском языке» Т.И. Белицы собственно лингвистическая характеристика французских лексем, относящихся к тематическим полям «Номинации модных реалий» и «Кулинарные термины», совмещена с национально-культурной спецификой реалий. Характерно, что данный словарь фиксирует не только недавно появившиеся заимствования, но и уже вышедшие из активного употребления [Белица, 2007]. В монографии Н.А. Еськовой в словарной форме приводятся акцентологические и грамматические нормы русского литературного языка XVIII–XIX вв. в сопоставлении с нормами современными. В качестве источников этого исследования послужили литературные тексты (многие из них содержат иноязычную лексику) указанного времени с привлечением материалов грамматик [Еськова, 2008]. В 2010 г. издается сборник статей Е.Э. Биржаковой «Русская лексикография XVIII в.», в который вошли труды ученого, посвя-

щенные уникальным лексикографическим трудам («Лексикону треязычному» Ф.П. Поликарпова-Орлова, Вейсманову «Лексикону», «Словарю Шмидта» и др.). Особое внимание уделяется первому русскому толковому словарю – САР¹, приводится его Словник, даются орфографические, грамматические и стилистические характеристики слов, семантическое описание слова. Опираясь на богатый лексический материал, Е.Э. Биржакова изучает принципы подачи фразеологического состава в словаре, рассматривает фразеологизмы различной стилистической окраски и происхождения. Таковы особенности отражения проблематики лексических заимствований в лексикографической практике.

1.2. Новая русская комедия второй половины XVIII в. как источник изучения заимствованных слов

XVIII век – время деятельности целой плеяды русских писателей, поэтов, драматургов, создания различных литературных школ с определенными культурно-языковыми традициями, начало истинно национальной театральной деятельности. К данному времени относится творчество А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, В.И. Лукина, В.В. Капниста, И.А. Крылова, Я.Б. Княжнина, Н.П. Николева и др., создавших литературные арсеналы новых жанровых моделей комедии, показавших образцы художественной речи, во многом определившие пути и судьбы русского литературного языка. Русская драматургия также имела и свой исторически сложившийся путь и периодизацию. Ее основные черты – «связь с предшествующими традициями русской литературы, а также жанровая и стилистическая неупорядоченность и пестрота» [Державина, 1976: 62]. В то же время, можно было наблюдать начало упорядочения словоупотребления в соответствии со стилистической теорией Ломоносова и «новым» слогом Карамзина, стремление к демо-

кратизации языка, отразившееся в комедии [Волькенштейн, 1960; Берков, 1977; Биржакова, 2010; Борисова, 1971].

Так называемая новая русская комедия создавалась в сложной обстановке и развивалась как самобытное явление русской национальной жизни, показывая с художественной яркостью и политической остротой русскую действительность – крепостной гнет, деспотизм Екатерины II, падение нравов в дворянском обществе и судебно-бюрократической сфере, упрочение буржуазных экономических отношений. Комедия как форма драматургии оказала огромное влияние на создание и дальнейшее развитие русской драматической культуры, Российского театра, репертуар которого состоял большей частью из произведений комедийного жанра – забавных зрелищ, отражавших реальную языковую картину. Такая комедия реализовывала не только «художественные модели, но и пропагандистские установки» [Одесский, 1999: 172]. Летописец русского театра П. Арапов писал: «Комедия была в то время на степени того совершенства, до которой она едва ли достигнет через сто лет» [Арапов, 1861: 278]. И это не случайно. Многие в развитии новой русской комедии было подготовлено предыдущей эпохой – интермедиями, забавными игрищами народного театра, с простым сюжетом, языком, примитивными героями, а также деятельностью школьных театров и иностранных антреприз (театр Кунста-Фюрста, Манна-Эккенберга, французские, немецкие и итальянские труппы оперы и комедии). Велика в этом процессе роль литературной деятельности А.П. Сумарокова – «отца русского театра».

Само содержание комедий показывает, что новая русская комедия была оригинальной, не подражательной, самобытной. Драматурги не признавали простых переводов иностранных пьес, переделывая на русский манер, наполняли их острой социально-сатирической действительностью, выводили русские типажи. Мастерство комедиографов проявлялось и в создании легкости слога, тонкого юмора реплик, граничащего с сарказмом, стилизованных разговорных конструкций. С течением времени в пьесах все реже появляются шаржированные диалоги, авторы избегают грубых насмешек и строят реплики персонажей с помощью других средств. Развивается и разнообразная жанровая направленность комедий, – от

памфлетной у Сумарокова – до политико-сатирической, слезно-морализующей, развлекательной и пр. у Капниста, Фонвизина, Кротова, Клушина, Николева, Судовщикова, Хвостова, Крылова.

Русская комедия второй половины XVIII в. имела положительное влияние и на развитие русского литературного языка. Опираясь на природное богатство и красоту, отразила новые тенденции в его развитии – стремление к демократизации, использование лексики разговорной речи [Дмитрук, 2011], обогащение иноязычными словами и выражениями, адаптированными на русской почве. П.Н. Берков справедливо утверждал, что «живой и актуальный, бытовой язык и язык образованного дворянства и демократической интеллигенции тех лет можно хорошо изучить именно по массовой комедии» [Берков, 1977: 372].

Свою оригинальность и самобытность, национальный характер, богатство и выразительность языка новая русская комедия завещала XIX веку и через него – последующим эпохам.

1.3. Выводы по 1 главе

Таким образом, рассмотрение теоретических вопросов заимствований показало, что при всем многообразии научных подходов достаточной разработанности принципов заимствований, их зависимости от основных тенденций развития русского литературного языка, общества, его разнообразных контактов, все еще не имеется. Практически не исследованы семантические и стилистические изменения в кругу новых заимствованных слов, вошедших в русский язык во второй половине XVIII в., – их состав, семантические группы, функциональные возможности в различных жанрах комедий, особенности взаимодействия с исконно русской лексикой, пути и способы адаптации, развитие вариантности, аналого-

синонимических и деривационных рядов и т.д. Спорными и трудными остаются вопросы установления этимологии заимствованных слов, обусловленные неоднозначностью решения в науке вопросов их происхождения и времени вхождения в русский язык, а также особенности лексикографической интерпретации. На сегодняшний день все еще нет единства мнений ученых и в определении самого понятия «заимствование», его четкого разграничения от «иноязычных слов и вкраплений», терминов, неологизмов, слов «усвоенных» и «освоенных» в русском языке, а между лексическими единицами – заимствование, экзотизмы и вкрапления – нет незыблемой границы.

Источниками материала для изучения заимствованной лексики в русском языке XVIII в. являются тексты разных жанров, словари разных типов, а также картотеки и электронные базы русских текстов. Важным источником для изучения заимствований из европейских языков являются комедии. Это связано с тем, что комедия как жанр в большей степени отражает разговорную речь и процессы, характерные для устной речи, сниженных стилей языка, в наибольшей степени свободных от воздействия норм литературности.

Следует подчеркнуть, что история языковых контактов и заимствований тесно связана с историей народа, становлением и развитием русского литературного языка, его нормативно-стилистической базой. Новая иноязычная лексика существенно обогатила словарный состав русского литературного языка XVIII в. и последующих столетий.

ГЛАВА 2

Лексические заимствования в русском литературном языке

второй половины XVIII в. (на материале комедий):

семантика и функционирование

2.1. Лексико-семантические группы заимствованных слов как основной вид их систематизации

Развитие словарного состава русского литературного языка данного времени характеризуется стремлением к обогащению, обусловленным потребностями в наименовании новых понятий, в связи с развитием различных сфер жизни русского общества. Активный приток иноязычных слов в это время продолжается, хотя и отмечается некоторое снижение темпов и объемов заимствования по сравнению с Петровской эпохой [Биржакова и др., 1972: 170]. Значительно обогащаются сферы иноязычного влияния и расширяется круг источников заимствований. Словарный состав теперь пополняется лексикой, связанной с различными общественными явлениями, культурой и искусством, гуманитарными науками, естествознанием, а также дворянским бытом. Главными источниками заимствований по-прежнему остаются фр. и нем. языки, хотя и появляется лексика из др. языков – итальянского, голландского, испанского, английского, тюркских языков, а также греч. и лат. терминология. К данному времени относится усложнение путей, видов и форм заимствований, начало их внутреннего перемещения и ассимиляции, семантических преобразований, дифференциации значений.

Богатство и разнообразие собранного иноязычного лексического материала из комедий ярче всего проявляется в лексико-семантических группах – объединениях слов по их значениям, относящихся к той или иной сфере, в ряде случаев перекрещивающихся, смежных, внутренне организованных. Отправной точкой для каждой лексико-семантической группы является лексическое значение входящего в нее иноязычного слова, реализуемое в определенном контексте.

Необходимо подчеркнуть, что в рамках данной работы используются принципы классификации заимствований по лексико-семантическим группам, изложенные Ф.П. Филиным [История лексики русского литературного языка конца XVII – нач. XIX в., 1981: 179–188], наиболее близкие к рассматриваемой эпохе, материалу, хотя имеются и другие семантические классификации лексики в словарях («Русский семантический словарь» Н.Ю. Шведовой, 1998 г.; «Идеографический словарь русского языка», О.С. Баранова, 1995 г.). Орфографические особенности текстов комедий, выбранных нами непосредственно из изданий XVIII в. («Российский феатр» и др.), соответствуют нормам того времени; в ряде случаев мы приводим встретившиеся варианты и дериваты иноязычных слов, контекстуально трансформированные формы, поясняем их значения. Помимо имен существительных, в лексико-семантические группы включены и другие части речи – имена прилагательные, глаголы, наречия, незнаменательная лексика, а также некоторые фразеологизмы, имена собственные, передающие иноязычный колорит. Следует отметить, что по времени вхождения в русский язык ряд иноязычных слов являются более ранними заимствованиями, но и они рассматриваются нами, т.к. служат ярким стилеобразующим средством комедий, на фоне которых функционирует новая заимствованная лексика. Многие из этих слов во второй половине XVIII в. развивают новые значения, варианты, являясь ценным материалом для изучения.

В основе дифференциации иноязычных слов по лексико-семантическим группам лежат их лексические значения, во многих случаях с контекстуальным отклонением, трансформацией, позволяющие отнести слово к той или иной понятийной сфере. Семантическая характеристика заимствованного слова складывается из определения его значения на основании цитат из текстов комедий и данных академических словарей эпохи, если такие лексемы отражены в них.

Итак, значительное место в комедиях занимают иноязычные слова, связанные с *человеком*, – сферой обширной и разноплановой. Чаще всего они заключают в себе несколько значений, имеют различные фонетические, словообразовательные и орфографические варианты. Некоторые слова имеют разговорно-

просторечный статус, различия по роду. В эту группу входят названия человека по полу и возрасту, социальному происхождению, степени родства, дворянским и др. титулам, наименованиям, по фамилии («*граф, графиня, барон, баронесса, принцесса, монсьор, монсье, мусье, монсеньор, синьер, кавалер, фон*» – «господин, аристократ», «*мизирный*» – «низшего сословия», «*персона, дама, мадам*» – «женщина; супруга; госпожа», «*мадмазель, мадемуазель, мамзель, мамер*» и др., «*дюшеса*» – «герцогиня», «*султан, хан, ханша*», «*фамилия*» и др.), взаимоотношениям людей, в том числе любовным, семейным, содержащих сему характера деятельности, профессии («*кавалер, адоратор, аманта, пассия, метресса; партия* – «женых, объект страсти»; *конкур, риваль, квит; фортеция* – «о любимой жене», *прокурорша, офицерша, генеральша, капитанша, фабрикантша, фамилия* – род, семья, происхождение человека, *однофамилец*»). Ряд иноязычных слов употребляется с собирательным и квантитативным значением – «*империя, сенат, дюжина, армия, миллион, гвардия, гильдия, батарея, корпус, артиллерия, рота, флот, лагерь, солдатство, солдатчина, компания, губерния, нация, группа, публика, фамилия* – «семья», *шайка, комплект*».

Довольно многочисленной группой являются слова, называющие лиц по профессии, воинским званиям, роду занятий, с указанием чина («*ранг, архитектор, нотариус, канцелярист, протоколист, секретарь, секретарша, ассессор, регистратор, кредитор, комиссионер, комиссия, президент, император, императрица, канцлер, «его превосходительное сенаторство», министр, бригадир, бургомистр, прокурор, балья, полицеймейстер, полицейский, алгвазил, кварталный, каптенармус, тюремщица, гофмаршал, фельдмаршал, фельдфебель, генерал, командир, лейтенант, офицер, обер-офицер, штаб-офицер, унтер-офицер, вахмистр, штаб-офицер, майор, премьермайор, капитан, капитан-паша, сержант, гвардии сержант, корнет, гусар, гренадер, кавалерист, поручик, ротмистр, адъютант, солдат, рекрут, матрос, мичман, кормчий, капрал, егерь, лакей, дворецкий, камердинер, вале-де-шама, фрейлина, эконоом, кухмистр, кухарка, мастер, башиачник, чеботарь, галантерейщик, модистка, аптекарь, патрон, парикмахер, цирюльник, ювелир, бриллиантищик, скульптор, маляр, кирпичник, слесарь, ангард,*

бирючи, жокей, кучер, италмейстер, будочник, химист, алхимист, астроном, хиромантик, маг, шаман, аббе, гурия, профессор; мусье, мадам, мамзель – «учителя-воспитатели», француз – «учитель, гувернер», автор, сатирик, актер; музыка – «музыканты, оркестр», музыкант, компонист, басист, кастрат – «певец», танцовщик, танцовщица, доктор; сочетания – член коллежский, член комиссарский, полицейские гусары, штатный лакей, еврейский учитель»).

В текстах комедий присутствуют и слова, обозначающие человека по национальности, месту жительства, – *«татары, грузины, армяне, греки, китайцы, калмыки, японцы, валахи, молдаваны, турки, прусаки, шведы, саксонцы, римляне, англичане, голландцы, французы, италианцы, европеец, европейка, европейцы, сибиряки, азиятец, африканец, африканка»*. Встречаются также названия различных городов, стран, государств, континентов – *«Европа, Ерлопа, Азия, Африка, Китай, Цыцария, Франция, Америка, Англия, Италия, Малтийский остров, Багдад, Париж, Урга, Нант, Бурдо, Секвана, Орлеан, Тур, Сарепта, Сибирь»*, имена людей различного происхождения – *«Гассан, Фатьма, Роксана, Калиф, Шафар, Расима, Абдалла, Кади, Нурадин, Усим, Аль-Рашид, Мурза, Лентяг Мурза, Хлор, Буфон, Клеман, Лафлер, Трише»* и др. Ряд иноязычных слов называют части и органы человеческого тела, характеризуют людей по их физическому строению, состоянию, внешнему виду, каким-либо особенностям – *«орган, физиогномия, кишки, бурда (в животе), контузия (болезнь), талия, скелет, корпус, фигура, комплекция, эр (фр. *air* – вид, наружность), форма (физическая), «здание шкилетно» – «о худом», тон, темп (голоса); натура – «человеческий организм», блондин, брюнет, роза, нарцисс»*. Много слов, характеризующих человека по особенностям характера и поведения, образу жизни, манере одеваться, интеллектуальным и нравственным качествам. Часть из них имеет переносное предикативно-характеризующее значение: *«гений, герой, оригинал, курьеза (чудак), серьезный, сурьезный, хабар, нарцисс, нимфа, ханжа, мизантроп, командир, полицеймейстер («женщина, любящая командовать»), моралист, педант, статуя, басурман, басурманка, философка, варвар, тиранка, балагур, забияка, оракул, фонарь, комик»*; *«яхонт; бурмитский жемчуг; имперяльчик; Елоквенция, Метафора; магнит»* –

«ласковое обращение к возлюбленным», «*фальшивая монета*» – «о человеке»; *буффон, гаер, арликин; антики* – «о старомодных людях», *франт, галантон, амурицк, туз, модник, «модный нуль», «хранчуский болванчик», петиметр, петиметерка, машина* (о болтливом петиметре), *кокетка, вояжир, механик* – «умелый», *шпион, шарлатан, картежник, картежница*. Некоторые слова употребляются бранно – «*шалопай, шелапай, бестия, шельма, фурия, сатана, демон, каналья, басурманка*». Ярко выраженную оценочность, а в ряде случаев грубо просторечный характер имеют переносные названия животных применительно к человеку, причем основанием для переноса может служить сразу несколько признаков – физические качества и особенности поведения – «*хамелеон, саранча, бирюк, ишак, кит, бет, бестия, разбестия*».

Обширную семантическую группу образуют слова из бытовой сферы. Это термины ювелирного дела, названия камней, украшений («*розет, марказит, алмаз, бриллианты, брильянты, амарант, алабюшерон, флоринты, аграманты, прозументы, бусы, бурмицкий жемчуг*»), наименования входящих в моду тканей, их оттенков и качеств («*материя* – «о ткани вообще», *батист, лино-батист, гризет, флер, лино-флер, парча, пекинет, шалун, канифас, атлас, газ, гас, тюль, шифон, шелк, ситец, митколь, бархат, фланель; китайчатый, кофейный, пьюсовый, пальцевой, тафтяной, флеровый, хозовый, розмарин, кулер, бронза, пурпур, войлок*»), разновидностей одежды, частей туалета; аксессуаров, обувь («*туалет, гранитур, камзол, кушак, салоп, желет, казакин, кафтан, сюртук; тактика* (предметы обмундирования), *фуфайка, батавия, ливрея, фандары, фуру, фууроферме, барсовое платье, басурманское платье* – «восточный женский наряд», *фрак, рейтузы, блонд, лиф, жабо, жаботы, тюль, вуаль, бантики, ост-индский платок, фалды, карман, манжета, мушки, лента, бахрома, позументы, галун, физжмы, физжбины, скуфья, епанча, круазе, муфта, шлафрок, полишлафрок, капот, мантилья, горностаи, павлиновые перья, тулуп, бострок, робронд, юбка, капор, подкапок, корнет, тюрбан, чалма, получалма, башмак, чеботы, чирики, туфли; неглежа, дезабилье»). Широко употребляются такие слова, как «*мода, манер* (образец, мода), *фасон* (манера разговаривать), *товар, мундир, трофей* – «орнаментальное*

украшение», а также вошедшие в моду наименования светских причесок – мужских и женских, видов бритья (*«вержет, шиньон, парик, тупей, тупея, букли, пукли, папильоты, бакенбарды»*), различных косметических средств и предметов гигиены (*«фабра, пудра, тальк, помада, машина – «средство от морщин», салфетка»*).

Расширяется состав иноязычных наименований, обозначающих различные военные атрибуты, наградные знаки, предметы роскоши, интерьера, входившие в моду, произведения живописи, печатные издания; разного рода бытовые предметы (*«флаг, орден, табакерка, футляр, лорнет, картон с лентами, фигли – в значении «штука, вещь», альбом, гирлянда, факел, картина, портрет, портрет-миниатюра, журнал, газета, лампада, шандал, пробка, билет – «записка», пакет, багаж, арапник, бунчук, карандаш, презент»*), механизмы и детали, нередко употребляемые в переносном значении (*«машина, пружина; часы с репетицией; чека»*), средства передвижения (*«экипаж, карета, фура, визави, цуг, кибитка, почтовые»*).

Широко употребляются в комедиях иноязычные названия различных служб, учреждений и заведений, различных мест (*«полиция, фортеция, оффиция, академия, канцелярия, департамент, контора, архив, бекет, штаб, кадетский корпус; галерея, оранжерея, ранжерея, аллея, куртина, пансион, почтамт, аптека, вокзал, гавань, тирлик, портомойня, фабрика, ярмарка, рынок, кабак, трактир, караван»*), архитектурных сооружений, строений и помещений, их частей (*«архитектура, аркада, статуя, башня, балкон, бон, бон-фарбон, этаж, гардероб, зала, квартира, кабинет, Парнасс – «кабинет поэта», тамбур, анбар, чулан, камин, шалаи»*), магазинов (*«магазин, английский магазин, бутик, французская лавка»*), мебели (*«мебель, комод, сундук, шкаф, стул, диван, канане, софа, люлька»*), посуды (*«анкорок, бутыль, бутылка, ваза, бокал, чайник, штоф, рюмка, фарфор, фарфоровый дежене, венецианская тарелка, калиберной стакан, куверкль»*), названия денег, имущества (*«червонец, монета, ассигнация, империял, талер, франси, алтын, драхма, цекины, шеляг, мебель – «личные ценные вещи небольшого размера; имущество»*).

Большого разнообразия в русском обществе достигает кулинарное и кондитерское искусство, в различных сценах комедий появляются названия блюд, овощей и фруктов, напитков, вин («бульон, шарбет, сульяк, шурпа, каймак, кумыс, турмак, фрукасе, каплун, индюк, гласс, устрица, салакуша, анчоус, звено (связка рыбы), салат, десерт, деликатес, фрукты, апельсин, лимон, ананас, артишок, дыня, пастила, шоколад, конфект, крахмал, бурда, бардас, портер, пуни, тинто, «Эрмитаж», «Рейнское» – вина, «Шираасское вино», шампанское вино, шампанско, «аглинское (пиво)», брандахлыст, «мунгальская (водка)», а также обобщенные наименования – «продукты, провиант, провизия» и слова «диета», «табак», «фунт»).

В конце XVIII в. в дворянский быт проникает увлечение рядом новых игр, и особенно картами, гаданием, магией, что отражается в появлении таких слов, как «рулетка, бильярд, фанты, миледа, кубарь, фокус, астрология, острология, хиромантия, хиромантик, маг, шарлатан, Меркурий, Марс, Сатурнова борода, линия руки, жизни; планида», а также карточной терминологии – «карты, партия в макко, фараон, фаро, пасьянс, лабет, марьяж, кадриль, сапрандер, матедор, медиатор, пикет, пигус; в керах волить; талия в банк; туз; туз с транспортом; винновой валет, (хлоп) винный, трефовый; керовая дама; ломбер, банкрот, капот, рекиз, секурс, веты, бет, пас». В связи с развитием военного дела в России, с распространением дуэлей в высшем свете употребляются такие слова, как «дуэль, шпага, штоц, эфес, палаш, фухтель, пистолет, фузезя, курок, штык, бекет, шпицрутен, пуля, портупея, картечь, сабля, кинжал, караул». Кроме того, слова «баталия», «дуэль» используются в значении «драка».

Встречается в комедиях и лексика морского дела «флот, штиль, баржа, шлюпка, парус, бет, канат, якорь, курс корабля», а также слова, связанные с миром природы: «натура (природа), климат, грунт, нефть, океан, лиман, флора, аллея, парк, кипарис, роза, букет, сорт (цветов), дупелинеп, бекас, выжлец, мерин».

Необычайного расцвета достигают искусство, театр, музыка, и комедии разных авторов насыщены лексикой из данной сферы. Это специальная терминология из сферы «музыка» («музыка, мелодия, оркестр, концерт, ноты, такт,

темп, полутон, гармония, опера, ария, марш, симфония, ригурнел, рецитатив, дискант, бас, басист, кастрат, аллегро, модерато, престо, адажио, пуллет, фортопиано, барабан, тулумбас – «барабан; удар», гобой, кларнет, клавиесы, клавикорды, клевикорты, клавиры, флейта, литавра, сурна, накра»), «театр, искусство, связанное с дворянским бытом, развлечениями» («театр, теятр, феатр, Антик, Римской, комедия, интермеция – в значении «помещение»; актер, актриса, комедиант, дансер, кумир, спектакль, сцена, зал, акция, репетиция, проба, роль, пантомима, ремарка, финал, ложа, партер, кулисы, балет, танец, польский танец, контроданс, балансер, минуэт, па, маска, домино, доминная маска, карнавал, маскарад, маскерад, мушкарад, машкарад, маскарадный дом, маскарадный костюм, карнавал, бал, клуб, клоб, танц-клуб, кунсткамера; банкет, пикник, рандеву») и др.

Дальнейшее развитие русской науки и образования, укрепление и расширение научных связей с различными странами отразилось в употреблении в комедиях большого количества иностранных слов, связанных с данной сферой. Это названия ряда наук, их терминология, например, математическая: *«арифметика, математика, математик, математический, логарифма (учебник), цифирь, цифра, нуль, квантитеты»,* связанная с др. точными и естественными науками, – *«механика, химия, алхимия, химическая печь, колба, укция, селитра, олово, иллюминация, иллюминованный, естественный, инклинация, митология, астрономия, планета, комета, курс солнца»,* медицинская (*«медика, медицина, хирургия, доктор, оператор, орган, пульс, пароксизмы, спазма, спазматический, мигрень, индижестиума, пестиленция, дистракция, делириум, гипохондрия, ипохондрия, хирагра, подагра, чума, декоктъ, опиум, сулема, спирт, клейстер, рецепт, пилюли, инструмент, лансет, операция, бандаж, пластырь, градус, лаборатория, госпиталь, карантин, аптека»*). Употребляются термины, связанные с гуманитарными и общественными науками, литературным творчеством, – *«грамматика, орфография, литера, термин (слово), тропы, метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, номатония, катахрис, металипс, аллегория, перифрас, иперват, ипервол, ирония, апофегмат, риторические фигуры, поэзия, проза, Парнас, муза,*

автор, тема, помела, драма, стих; хорейский стих; рифма, гармония (созвучие), строфа, ямб, хорей, дактиль, спондей, трофей, эпитимия, эклога, элегия, комедия, трагедия, интермеция, эпиграмма, эпитр, монолог, сатира, тирада, роман, романский, романический, мадригал, куплет, апроши, экземпляр; риторика, елоквенция, пестиленция, философия, генеалогия, юриспруденция, философский, история, «история Римская». Встретились и другие слова из сферы «наука», «образование» – «академия», «Российская академия», «диссертация», «профессор», «семинарист», «кондуит», «пасквиль», а также словосочетания «басурманский язык», «тарабарская грамота» – от «тарабарский» – «неразборчивый, бестолковый».

Широко представлена лексика, относящаяся к государственному и административно-правовому устройству, – *«империя, республика, губерния, провинция, штаты, консидерация, герольдия, коллегия, коллежский, консистория, сенат, магистрат, магистратский, юстиция, процесс, оффиция, полиция, комиссия, инструкция, документ, рекомендация, реприманды, аттестат, апелляция, процесс, кариспаденция, каришпаденция, реляция, вакансия, регламент, артикул, ордер, патент, экстракт, рапорт, ярлык, паспорт, пачпорт, пашпорт, форма – «устав», «образец», формат – «порядок», штат – «должностная единица», штатный».* Много слов из торгово-экономической и финансовой сферы (*«капитал, кредит, кредитор, процент, вексель, банк, курс, акцион, аукцион, контракт, акциденция, пункт, контрабанда, банкрот, банкрот, штраф, штрафование, кампания, товар, интерес – «выгода, прибыль», профит, резонт, барыш, хабар, хобар, пай»*), общественно-политической, профессиональной (*«политик, политический, прогресс, контравалюция, депутат, комплот, дож, манифик, кабалист, фармазон, мартинист; конфидуратская шапка – «конфедерат»; атеист, аллах, мусульмане, магометанский, басурман – «иноверец», калиф, предика, аллилуйя»*).

Большой пласт образует лексика отвлеченно-абстрактного характера, обозначающая понятия духовного, нравственного и интеллектуального мира человека, – его состояние, чувства, особенности поведения, речевые и мыслительные процессы, а также морально-этические, философские и др. термины, часто имею-

щие переносные значения, просторечный характер: *«мораль, система (обычай), манер, манера (способ), титул (способ называния человека), прогресс (какое-либо действие), механика (ученость), натура (характер; сущность), фасон, характер (человека), интерес, гармония, интенция, сентимент, деликатес (утонченность), капитал (нравственный), идиллия, инквизиция (любовные муки), дискур, дискурванье, предика, крюки (о речи), философия (разговоры и др.), штурм (словесное нападение; завоевание сердца возлюбленного); штурма в головушке (об эмоциональном состоянии человека), эпохондрия (угнетенное душевное состояние), аппетит (влечение), коннесанс, кредит (доверие), девиз, пароль, филмиам, рецепт (совет), темп, арифметика (подсчет любовниц), резон (довод, расчет), план, проект, вакансия, идея, пай (жизненная удача), история (случай, происшествие; жизненные перипетии); картина, марш, аллея, аля (жизненный путь), резонеман, интрига, амур, пассия, аппетит; деклинация (влечение, склонность к кому-либо), вояж, кураж, афронт, реванш, комиссия (дело; обязанность); селадонство, попугайство, калите, суспиция, комплимент, куплемент, куплеменция, анплемент, коннесанс, аверсия, сикурс, полатес, этурдери, тактика, маска (притворство), операция (дело), талант (дарование), мажинация, корреспонденция (о взаимоотношениях), кутерьма, каторга, содом, тартар, архитартар, геенна, варварство, пилюля, мат (неприятность), бреша, штука, курьеза, казус, реприманды, апроши (препятствия, подвохи), экспрессия, комедия (забавное); фортель, хокус, финты, финтыфанты» (проделки); штуки (обман); ханжинство, диссимюляция, политика (линия поведения), курс (особенности поведения), церемониальность, фасония, диспозисион, эстима, каприциозность. амбиция, ексерсия, индискреция, креатур; «слова на винтах да на шурупах» (о манере говорить), дуэль (драка), карантин (домашний)».*

Разнообразен круг глаголов, развивающих словообразовательные связи. Эта лексика обозначает речемыслительные действия и процессы – *«парировать, отпарировать, декламировать, издекламироваться, дискурировать, дискюрировать, рапортовать, отрапортовать, лепортовать, рекомендовать, анонсировать, комплемировать, превенировать, экзистировать, шалберить, балагурить,*

философствовать, титуловаться, адресоваться, экспликовать, инспликоваться, посекретничать, контрадировать», связана с поведением и чувствами человека, – *«решипектовать, афропировать, апробироваться, менажировать, иксузовать, экскузовать, пересальвировать, протестовать, адорировать, сформировать, контантировать, мепризировать, рутировать, ататировать, сконфузиться, кокетствовать, амуриться, куражиться, французить, политичесествовать, ататировать, инкомодировать, ампетировать, ханжить, фрапировать, манжировать, жужжировать, азардовать, манкировать, штурмовать – «добиваться возлюбленной», ретироваться».* Некоторые глаголы обозначают различные действия человека, в том числе связанные с профессиональной сферой, – *«танцовать, суфлитировать, анатомить, арестовать, муштровать, маршировать, корчемствовать, авансировать, наканифолить, авансировать, акомпанировать, обанкрутить, арестовать, оштрафовать, пришипилить, сурмить, припудриться»),* иногда предосудительные – *«штукарить, трафить, утрафить, аркебузировать, касировать, замуштровать, морить, тюзить, выполировать; умиритироваться».* Встретились глагольные формы – причастия и деепричастия – *«пришипленный, интересуюсь, политичесествуя»,* а также слово *«encaillirроваться»*, образованное путем соединения морфем – иноязычных и исконных; каламбурное словопотребление – *«нажимацья»* вместо *«имажинация»*; *«переминаж»* – «прогулка». Отмечаются наречия с разнообразными значениями – *«физически, натурально, фасонно, политично, из политесу, визави, в форме – «поистине», формально, капитально, фактически, фундаментально, аргументально, публично, инсупортабельно, романически, амурно, для близиру, по-аглицки, по-латыне, по-хранчуски, по-мунгальски, по-фарчунски, по-китайцы, пантомино, без фасоний, по грамматике – т. е. правильно, из политесу, комически; comodнее – «удобнее».*

Обширную группу образуют имена прилагательные, обозначающие качества людей, признаки и свойства предметов, – *«мепризабельный, секретный, прозаический, театральный, феатральный, гимнастический, истмический, регулярный, геройский, курьезный, куриозный, сентиментальный, модный, амурный, деликатный, церемониальный, комплезантной, мизирный, миниатюрный, брильян-*

товый, бурмитский, бурмицкий, павлиновый, фарфоровый, чайной, фатальный, префатальной, политический, штатный, магистратский, гофмаршальский, парикмахерской, графской, графинин, философский, филозофский, енсепктарской, ораторский, публичный, солдатский, драгунский, мундирный, басурманский, бусурманский, синьерский, дамский, профессоров, амуров, Расинов, Мольеров, Юнговы, рейнский, европейской, швейцарский, финской, татарский, киргизский, китайский, мунгальский, амбанский, италианский, еврейский, сибирской, тунгусский, шпанска, французска, хранцуска, аглицкий, англинска, галанска». Встретились краткие формы и сравнительная степень – «манежен, каприциозны, бизарны», а также сложные прилагательные – «новоманерный, староманерный, высокорейсграфский» и неадаптированные иноязычные формы, передаваемые русскими буквами – «дистре», «емабль», «индиферан», «апропо» и др. В диалогах некоторых комедий употребляются фразеологические обороты, содержащие иноязычные слова: «делать кур; строить куры», «держатъ пари», «не знать ни бельмеса», «нести ахинею», «точить балясы, балы», «выкинуть камедь», «строить штуки», «проглотить пилюлю», «стать в позитуру», «сделать, состроить фигуру»; «флаг спустить», «на свой салтык поворотить», «лезть на пушку», «лить пули», «пахнуть эпохондрией», «дать тулумбас, туза». Часто употребляются междометия – «Шабаш, шабашь; Марш! Форт! Чур! Bravo! Брависсимо! Аванс! Avance!».

Таким образом, в русских комедиях второй половины XVIII в. употребляется иноязычная лексика, относящаяся к обширным и многообразным лексико-семантическим группам, часто переименовывающимся, имеющая прямые и переносные значения, их разнообразные оттенки. В их кругу – слова различной частеречной принадлежности.

2.2. Семантическая адаптация и семантическое развитие заимствованных слов, их лексикографическая интерпретация

2.2.1. Развитие переносных значений у слов отвлеченного характера

Иноязычная лексика, проникая в русский язык, претерпевала процессы адаптации. Постепенно включаясь в сложные системные отношения с иными лексическими средствами, она развивала синонимические, омонимические и др. виды отношений, расширяла словообразовательные возможности, служила основой фразеологизмов. Семантической адаптации слов способствовали также процессы формирования новых, переносных значений, терминологизация и детерминологизация, развитие вариантности, изменение сочетаемостных и стилистических возможностей, вхождение в метафорически-образные контексты комедий. Данные процессы охватили большой круг иноязычной лексики, количество которой едва ли может быть представлено даже в самых беглых списках. Академические толковые словари также не могли с исчерпывающей полнотой охватить все заимствованные слова и показать их новые значения, так как «от словаря, впервые взявшего на себя труд описания словарного состава русского языка, и нельзя было ожидать большего» [Биржакова, 2010: 159]. Смысловые изменения в лексике послужили основным источником формирования отвлеченных значений слов в русском языке. Они постепенно утверждаются в сознании говорящих как производные, хотя эта производность может быть относительной, или вообще отсутствовать в словах на раннем этапе вхождения слова.

Следует отметить, что исследование заимствованной лексики на начальном этапе ее семантической адаптации в русском языке представляет большие трудности, так как не все словоупотребления поддаются достаточно четкой и удовлетворительной классификации. Многие случаи переноса значения находятся на начальной стадии развития, не имеют лексикографической интерпретации, характеризуются единичным контекстуальным употреблением. При историко-

семантических исследованиях следует установить ту грань, которая отделяет изменение понятия о предмете, обозначенном словом, от изменения собственно значения слова, обозначающего предмет. И установить ее можно лишь учитывая внутренние факторы и закономерности развития русского литературного языка данной эпохи. Многие семантические изменения иноязычных лексем могут быть поняты только в определенном контексте.

Проведенный анализ показал, что более всего семантическим процессам были подвержены слова *отвлеченно-абстрактного* характера, относящиеся к различным понятийным сферам, и особенно связанные с внутренним миром человека, а также некоторые прилагательные и глаголы. Семантические изменения иноязычных слов настолько радикальны, что слово подчас начинает новую жизнь – резко смещается его предметная соотнесенность, видоизменяется смысловой объем, существенные признаки переходят в другую плоскость. Так, например, слово «картина», которое А.С. Шишков критически отмечает как характерное для «нового» слога, развивает, помимо прямого, различные переносные значения. Надо отметить, что данная лексема стала широко известна с эпохи Петра I, но с течением времени развила новые значения, представленные и в Словаре русского языка XVIII века: «*произведение живописи*» и «*яркое и выразительное словесное изображение чего-л.*» [СРЯ XVIII. – Электронный ресурс. – Режим доступа: URL: <http://feb-web.ru/feb/s118/slov-abc/> (дата обращения: 25.07.2013)]; далее – СРЯ XVIII. Академические словари толкуют это слово как «живописное изображение, представление чего красками на деревянной доске» и «*живое и естественное описание, представление чегонибудь изустно или письменно» [САР¹, Ч. 3: 453–454]. В комедиях слово «картина» чаще всего употребляется в переносном значении – «описание, рассказ», типичном для произведений «нового слога». Так, в пьесе Д.И. Фонвизина «Добрый наставник» данная лексема приобретает метафорически-образный характер, создаваемый сравнительной конструкцией в жизнеописаниях героя: «*Сорванцов. Я нарисую всю картину моей жизни*» (Фонвизин Д.И. «Добрый наставник», с. 183). Слово «картина» в комедиях И.А. Крылова выступает как лексическая инновация эпохи, реализуя переносное значение, упот-

ребляемое с последней трети XVIII в. – «яркое и выразительное словесное изображение чего-либо». Оно представлено в сцене, когда один из персонажей восхищается умением другого править экипажем – «кариклем»: *«Ванька. Ну, сударь, хорош карикль. Да и парочка не худа: картина, сударь, как вы едете»* (Крылов И.А. «Пирог», с. 458). Встретились случаи употребления этого слова и в значении «произведение живописи в красках», например, в ремарках к комедии А.Д. Копиева: *«На стенах – картины с Спасского мосту»* (Копиев А.Д. «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка», с. 486). Хотя для обозначения рисунков, небольших картин в русском языке конца века существовало также слово «миниатюра», в САР¹, САР² не зафиксированное, но отмеченное в СРЯ XVIII как «род живописи, отличающийся малым размером; изображение в этом роде живописи; небольшое живописное изображение в старинных рукописных книгах». Вот пример употребления слова «миниатюра» в переносном значении – «художественное изображение в миниатюре, в уменьшенном размере, виде» – в комедии В.И. Лукина: *«Старосветов. Есть ли у тебя хорошие фарфоровые табакерки, на которых бы была миниатюра?»* (Лукин В.И. «Щепетильник», с.183). Исследователи [Биржакова и др., 1972: 176] считают это слово результатом возрастающего французского влияния, новым вариантом формы слов, заимствованных в предшествующую эпоху и оформленных по латино-немецким образцам.

Для исследуемой эпохи было характерным и явление так называемого *семантического наслоения* – разновидности семантической адаптации иноязычных слов, – сущность которого заключается в том, что у заимствованных слов возникают новые переносные значения, взаимно не связанные. Примером служит слово «характер» (от греч., лат. «character» – «знак, изображение», непосредственно и через польское «charakter» – «способ письма, почерк»). Это слово было известно в русском языке уже в Петровскую эпоху, оно употреблялось при указании чина, титула, ранга и создавалось, в основном, при передаче фр. «caractere» – «чин, звание, титул», оказавшись неустойчивым. Во второй половине XVIII в. у слова «характер» развиваются и новые, переносные значения от другого значения греч. слова «характер» – «свойство, характерный признак; нрав, характер (о человеке),

через фр. «*caractère*», – закрепившиеся в русском языке. В комедии Левшина оно обозначает «нрав, характер женщины»: «*Характер жены...*» (Левшин В.А. «Мнимые вдовцы», с. 152). В сценах из пьесы Н.П. Николаева экспрессивность данного слова усиливается отрицательной оценочностью: «*Фертиков. Однако эта девочка мне кажется весьма кисленького характеру*» (Николаев Н.П. «Попытка не шутка, или Удачный опыт», с. 157). С течением времени, помимо слова «характер», в русском языке будет употребляться его вариант – «караактер» как одна из неадаптированных форм в речи билингвов (ср.: «трагедия» – «тражеди»).

В исследуемых комедиях, развивая спектр имеющихся переносных значений, подвергается семантической адаптации и слово «аппетит», известное в русском языке еще в Петровскую эпоху и ранее, источником данного заимствования считаются западноевропейские языки, ср. фр. «*appétit*» [Черных, Т. 1, 1999: 49]. В комедиях данная лексема употребляется чаще всего в переносном значении – «желания, склонности, потребности, не связанные с принятием пищи», – весьма распространенном в речевой практике данной эпохи, не отмеченном в САР¹, САР²: «*Провор. Потом изволила за благо рассудить, К любви **аппетит** пре-страшный возбудить*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 206). В комедии И.А. Крылова встречается форма «петит» (от прямого значения слова «аппетит»), известная в русском языке с 1705 г. и употребляющаяся в разговорной речи на протяжении всего века. В стихотворном диалоге данное слово поддерживает ритмику стиха: «*Чернавка. Извольте вы хотя телячью ножку скушать. Подщипа. Чернавка, милая! Петиту нет совсем*» (Крылов И.А. «Подщипа», с. 191–192). Надо отметить, что слово «петит» в XVIII в. обозначало еще и типографский термин.

Богатый материал в плане развития переносных значений дают такие заимствованные слова, как «процесс», «политика», «экономия», «натура». К примеру, слово «процесс», от лат. «*prozessus*» – «продвижение вперед», в исследуемых комедиях употребляется в разнообразных значениях. Одно из них – «ход, развитие какого-либо явления»: «*Кривосудов. Но мать корячилась...И дочь уговорила, Нейттить чтоб за меня; так та все волком выла, Велик был сей процесс!*» (Су-

довщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 185). В комедии В.В. Капниста это слово предстает перед нами в терминологическом значении из судебно-правовой сферы – «судебное дело, тяжба, разбирательство». Синтагматические связи этого слова быстро расширяются, и оно начинает употребляться со стилистически сниженными словами и оборотами: «*Процесс на шею навязался; Лишь в дом – он на меня с процессом и взвалился!*» (Капнист В.В. «Ябеда», с. 472–483). Характерно, что данное слово в САР¹, САР² не отмечено, а в Академическом словаре XIX в. отмечается в двух значениях – «тяжба» и «химический процесс» [Словарь 1847, Т. 4: 568]. Слово «политика», вошедшее в русский язык через посредство польского языка из греч. и лат. «politica», в комедиях употребляется в разных значениях, развивает деривационные отношения. Как показатель распространенности данной лексемы в русском языке этого времени, слово одинаково толкуется в САР¹, САР² как «знание располагать в жизни дела свои так, чтобы произошла из них истинная польза; наука, преподающая управляющим народами правила к достижению намерений; учтивость, знание обходиться с людьми» [САР¹, Ч. 4: 965]. В комедиях слово «политика» реализуется в следующих значениях. Это – «особенности поведения, этикетные нормы и правила»: «*Должно знать политику и применяться ко времени*» (Левшин В.А., Керцелий И. «Король на охоте», с. 236); «образ действий, определяющий особенности поведения, жизненные правила»: «*А моя вся политика честность и должность*» (Сумароков А.П. «Мать – совместница дочери», с. 243); в значении «учтивость»: «*Изрядной ты кавалер будешь, когда ты к даме столько политики имеешь*» (Там же, с. 247). В комедии Клушина это слово входит в метафорически-образный контекст, употребляясь в значении «ложь, лицемерие»: «*А я политику, как язву, не терплю. Мне прямодушие одно, сударь, любезно!*» (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 213). Эту же сему содержит и дериват «политичествуя» (т.е. «притворяясь, обманывая») из комедии А.П. Сумарокова «Нарцисс». Персонаж Модстрих из комедии Н.П. Николева употребляет слово «политика» в значении «умение, способность»: «*Модстрих. Марина вздумала так это скосырски, Что хоть с политикой, так можно на вески*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 160). В комеди-

ях Д.И. Фонвизина «Бригадир» и А.П. Сумарокова «Рогоносец по воображению» наречия «из политесу» и «политично (кланяться)» содержат сему «учтивость, вежливость». Форма «из политесу» словарями XVIII в. не отмечена.

Как лексическая новация данного времени употребляется слово «политик» со значением, которое появится лишь в XIX в. («лицо, занимающееся вопросами политики, – управлением государства, общественными делами и пр.»), и его дериват «политический». Так, в комедии Д.И. Фонвизина в одном из диалогов речь идет о политической ситуации во Франции, равенстве людей, и данная лексема выступает в указанном значении: *«Нельстецов. Но сие политическое расчисление требует ума гораздо превосходнейшего... политика прежние откровения не поведут верною дорогою. Математик исчисляет числа, политик – страсти; словом, ум политический есть и должен быть... больше и гораздо реже встречается, нежели математический»* (Фонвизин Д.И. «Выбор гувернера», с. 200). Таким образом, в САР¹ представлены не все значения и смысловые оттенки слова «политика», тексты комедий отражают живое словоупотребление не только XVIII в., но и будущего XIX в., опережая лексикографическую практику.

Активные процессы семантического развития, различных смысловых наслоений представлены в греч. по происхождению словах – «экономия» (в САР¹ дается в словарной статье «Домостроитель» – «Надзиратель, смотритель дома; умение вести домашнее хозяйство») и «эконом» – «тот, кто печется о приобретении временного стяжания, о сохранении и приумножении приобретенного» [САР¹, Ч. 2: 728]. Характерно, что уже в САР² отмечается расширение лексического значения слова «экономия» – «домоводство, домостроительство, хозяйство» и указываются дериваты слова «экономия» – «экономный, экономный, экономический, экономить» [САР², Ч. 6: 1417]. Указанные значения реализуются в диалогах комедий, часто имеют эмоционально-экспрессивную окраску: *«Сумбурова. Ученый человек, да эконом какой! И теперь для экономии остался в деревне; знаешь, – все на иностранный манер, и сеет и жнет все по немецкому календарю. Сумбуров. Как в двадцать!.. хорош эконом! шкурки? на племя! Хороша экономия! Он, кажется, у нас большой эконом!»* (Крылов И.А. «Модная лавка», с.

259–288). В комедии Д.И. Фонвизина слово «экономия» употребляется в диалогеспоре: *«Советник. А если зять мой не станет рачить о своей экономии, то я примусь за правление деревень его. Софья. Я привыкла быть свидетельницей доброй экономии»* (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 22). Анализ употребления лексемы *экономиа* показал, что наряду с привычным для данной эпохи значением встречается и его трансформация, связанная с индивидуальной речевой манерой автора, спецификой драматической ситуации, см. отрывок из пьесы Я.Б. Княжнина: *«Фирюлин. Варварской народ! Дикая сторона» Какое невежество! Какие грубые имена! Видно, что мне самому приняться за экономию и переменить все названия, которые портят уши»* (Княжнин Я.Б. «Несчастье от кареты», с. 462). Слово «экономия» в репликах обозначает «хозяйственные дела», семантически расширяясь. В некоторых сценах комедии И.А. Крылова «Проказники», с. 234, оно переносно употребляется в образном контексте, создаваемом в результате необычной сочетаемости слов – *«Худой щелчок моей экономии»*. В комедии П.А. Кропотова это слово реализует иное значение – «наука о хозяйстве», приобретая терминологический характер: *«Граф. Каким же ты наукам обучен? Карпович. 1. Теология. 2. Гистория. 3. География. 4. Экономия... Граф. Спрошу тебя о четвертой, экономии: какой грунт земли требует пшеница?»* (Кропотов П.А. «Фомушка, бабушкин внучек», с. 376).

Примером семантической адаптации заимствования может служить и слово «натура», появившееся в русском языке уже в самом нач. XVIII в. из лат. «natura» – «природа» [Черных, 1999, Т. 1: 561] и развившее новые, переносные значения. В.Г. Белинский верно замечал тонкую разницу между исконными и заимствованными словами, которые, «удерживаясь вместе с оригинальными, заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова «природа и натура». Хотя *природа* и *натура* значат одно и то же, но в употреблении иногда не могут заменять друг друга; можно сказать: *это очень натурально*, но нельзя сказать: *это очень природно*; нельзя сказать *такова природа этого человека*, но говорится: *такова натура этого человека*» [Белинский, 1953, Т. 5: 194]. Первоначально данное слово употреблялась со значением «естество, природа, свойство»

[САР², Ч. 3: 1242], однако в комедиях встретились и другие значения, связанные со сферой «человек», – «характер, темперамент, что кому по душе, как нравится»: *«Княгиня. Это все не потому, Марьюшка, а говорится, как кому по натуре»* (Фонвизин Д.И. «Добрый наставник», с. 182). В комедии А.И. Клушина «Смех и горе» реализуется значение слова – «физиологическое естество человека, его организм» (*«натурой не шутите!»*), а в его же комедии «Алхимист» – «естественный, натуральный, живой, не искусственный»: *«Вскипятили. Мне кажется, что в них нет натуры! Ветхокрасова. Во мне натуры нет? Во мне натуры нет!.. Во мне более натуры, нежели надобно!»* (Клушин А.И. «Алхимист», с. 473). Лексический повтор слова усиливает его выразительность, создает эмоциональный фон, как и в комедии А.П. Сумарокова «Нарцисс», в которой употребляется дериват – «натуральнее»: *«Нарцисс. Актеры натуру еще натуральнее изобразить могут, нежели изображает сама себя натура»* (Сумароков А.П. «Нарцисс», с. 176). В одной из комедий Левшина встречается слово «натурально» в роли утвердительной частицы просторечного характера – «естественно»: *«Миловидов. Когда он тебе поручил взять письма на имя своего господина, конечно сказал и об его имени? Востряков. Натурально»*.

Можно проследить, как получают метафорически-образное осмысление и такие заимствованные слова, как «материя», «манер», «фасон», «пункт», «план», «интерес», «прогресс», «комиссия», «маска», причем семантические сдвиги у них часто оставались единичными, отражая индивидуальную речевую манеру автора. Вместе с тем, некоторые специфические словоупотребления перенимались другими поэтами, литературными деятелями эпохи, постепенно распространяясь в русском языке. К примеру, слово «материя», вошедшее в русский язык еще в конце XVII в. через польское «materyja» из западноевропейских языков – немецкого и французского – «Materie», «matiere», ср. лат. «materia», развившее в первой половине XVIII в. несколько переносных значений, используется не только в своем конкретном значении «ткань» – «изтканье» [САР¹, Ч. 4: 56]: *«Модных уборов и материй в кусках; Выбери карош материя»* (Крылов И.А. «Модная лавка», с. 258). Но и в переносном – «предмет, тема разговора, спора»: *«Советница. Разве*

нельзя о другом дискюрировать? Выбрали такую сурьезную *материю*. *Бригадир*. Забавно было спорить о такой *матери*, которая не принадлежит ни до экзерциции, ни до баталий» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 51); «*Перебегаю из матери в материю; Забавная материя*» (Сумароков А.П. «Мать – совместница дочери», с. 303).

Слово «манер», по определению В.В. Веселитского, сравнительно «редкое для своего времени заимствование» [Веселитский, 1972: 19], не зафиксированное в САР¹, САР², появилось в русском языке в нач. XVIII в. от фр. «*manier*» – «образ, порядок, обыкновение; форма, способ». С течением времени оно развило целую серию разнообразных значений: «*Способ, образ, метод действия; вид, форма, фасон; образец; внешняя форма поведения, обращения, жизни*» [СРЯ XVIII]. В комедиях это слово употребляется в значении «другое, иное дело»: «*Он знатный кавалер, Давать же дамам есть совсем иной манер*» (Княжнин Я.Б. «Хвостун», с. 403), а также «определенный способ, обыкновение, свойственные кому-либо»: «*У меня манер такой*» (Вязмитинов С.К. «Новое семейство», с. 173); «*На разные манеры*» (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 212); «*Сумбуров. Пусть их одевает хоть на китайский манер*» (Крылов И.А. «Модная лавка», с. 205) и «по новой моде»: «*Викул. Вздумала убрать голову мне по новому манеру*» (Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 407). Созданные на русской почве лексемы «староманерный», «новоманерный» из комедии «Опекун» имеют значение «старомодный» и «модный, современный»: «*Чужехват. Те, которых я избираю, люди или совершенно староманерные, или совершенно новоманерные!*» (Сумароков А.П. «Опекун», с. 374). Встретился и просторечный глагол «манериться» – «*вести себя манерно, жеманно*» – в комедии Хвостова: «*Жеманиха. Манерься ты, иль нет, ты мне лишь не важна*» (Хвостов Д.И. «Русский парижанец», с.148). С течением времени, в 1733 г., слово «манер» реализует новое значение (от фр. «*manieres*» – «поступки, внешние формы поведения, этикет»), отмеченное нами в комедии И.А. Крылова в ломаной речи француза Трише: «*Топра манер!*» (Крылов И.А. «Модная лавка», с. 273).

Реализует разнообразные значения и слово «фасон», в САР¹, САР² не отмеченное. Это французское заимствование («*fason*» – фр. «работа, отделка; манера, образец»), получившее широкое распространение в русском языке с середины века в значении «церемонное обхождение, церемония»: «*Советница. Для нас, сударь, фасоны не нужны. Мы сами в деревне обходимся со всеми без церемонии*» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 297). В репликах петиметра Модстриха из комедии Н.П. Николева, дающего эмоциональную оценку речам старомодного Надмена, данное слово участвует в создании диалога-спора: «*Надмен. В тебе была душа: теперь лишь только пар. Модстрих. Фуй! Как его фасон для галантонов стар!*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 88).

Показательно употребление в комедиях и иноязычного слова «пункт», заимствованного в Петровскую эпоху через польское «*punkt*» из нем. «*Punkt*» – «точка, пункт»: «*Князь. Князь должен быть на пункте своей чести деликатнее дворянина*» (Фонвизин Д.И. «Выбор гувернера», с. 195–196). В сочетании с другими словами данная лексема передаёт значение фразы «в делах, вопросах чести». В комедии А.И. Клушина «Смех и горе», с. 322, слово «пункт», сочетаясь с прилагательным («*важной пункт*»), означает следующее: «отдельный момент в развитии чего-либо». Характерно, что в САР¹, САР² слово «пункт» имеет два значения – «точка» и канцелярский термин – «в приказном наречии: статья» [САР¹, Ч. 4: 1178]. Академические словари относят его к фр. заимствованиям со значением «чертеж» и «*предначертание какого-либо дела» [САР¹, Ч. 4: 862]. Характерно, что с начала века оно развивает целую серию значений: с 1703 г. это – «плоскость, рисунок, чертеж»; с 1711 г. оно употребляется в значении «иллюминированный щит», от нем. «*Plan*», и в значении «намерение, предначертание, проект», от фр. «*plan*»; с 1714 г. это слово является математическим термином – «плоскость, плоская фигура». В комической опере В.А. Левшина данная лексема употреблена в репликах «*Удался наш план; графинин план*» (Левшин В.А. «Свадьба г-на Волдырева», с. 123) со значением «коварный замысел, сговор, чьи-либо проделки», являясь иллюстрацией семантического переосмысления слова.

Переносные значения развились и у слова с отвлеченным значением – «интерес». История данной лексемы показательна тем, что новое для русского языка значение появилось в его производном значении, а не в основном, хотя в языке-источнике оно было свойственно всему словообразовательному ряду. Данное слово вошло в русское речевое употребление в значении «польза, выгода», и в специальной торгово-экономической сфере оно стало употребляться как «доход, денежная выгода» в оборотах «быть у интереса; собирать интерес и др.» [Биржакова и др., 1972: 244]. На развитие семантики слова оказало влияние распространенное в политической сфере словоупотребление «государственный интерес», которое привело к сужению значения, его конкретизации. В дальнейшем у этой лексемы появляется новое значение, под влиянием фр. «*intérêt*» – «заинтересованность, выгода», реализуемое и в комедиях: «*Где интерес требует, чтобы кого убить*» (Крылов И.А. «Проказники», с. 136); «*Простакова. Мы для интересу ее к себе взяли*» (Фонвизин Д.И. «Недоросль», с. 111). Слово «интерес» представлено и в СРЯ XVIII со значением «*польза, выгода; внимание; заинтересованность; занимательность, увлекательность чего-л.*». Данное слово не отмечено в САР¹ и САР². В комедии И.А.Крылова «Проказники» встретилось образованное от него деепричастие «интересуясь», а в диалогах комедии А.П.Сумарокова «Опекун», с. 385, употреблен оборот «*правительствующий интерес*» и финансовый термин – «интерес»: «*Взыскати с его наследников со всеми по указам интересами*». У данного значения имеется иноязычный аналог – «профит» («доход»): «*Подрядчик. Профиту нет совсем, а курс весьма пренизкой*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 229).

Семантическому переосмыслению подвергается и заимствованное через польское «*komisja*» из лат. «*commissio*» слово «комиссия». Уже в Петровскую эпоху оно развивает переносное значение – «поручение», хотя с 1698 г. употреблялось в значении «группа сведущих лиц». В академических словарях эта лексическая единица толкуется как «присутственное место из несколько человек состоящее для рассмотрения, разобранья или приведения чего к концу или в порядок; самое препорученное дело» [САР¹, Ч. 3: 763]. Во втором значении мы встре-

тили это слово в диалогах комедий: «*Оную комиссию препоручали другому*» (Кропотов П.А. «Фомушка, бабушкин внучек»). Характерно, что СРЯ XVIII отмечает употребление слова «комиссия» и в значении «затруднительное, хлопотливое дело», представленное в комедии Сумарокова: «*Флориза. Этой комиссии я на вас не полагаю*» (Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 401–402). В его же комедии «Чудовищи» слово «комиссия» употребляется в значении «группа лиц для рассмотрения какого-либо дела» в комическом контексте: «*Додон. Комиссия о пощечине уже собралась*» (Сумароков А.П. «Чудовищи», с. 326). Встретился также вариант данного слова – «коммиссион» («поручение»): «*Ветровах. Кто дал коммиссион? и кто ты сам таков?*» (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 133).

Семантической адаптации подвергается и слово «вакансия». Данная лексическая единица относится к группе латинских имен с финалью *-ntia*, которым во фр. языке соответствовала финаль *-nse*, а в немецком *-nz*, *-ntz*, а в русском языке они составили вариантный ряд. В нем чередовались финали *-нция*, *-нс*, *-ну*: *ваканция*, *вакансия*, *ваканс*, *ваканц*, а наличие лат. формы на *-ns* и фр. на *-nse*, *-ns* и было причиной возникновения таких образований, как «вакансия». В САР¹ данное слово не отмечено, а в САР² зафиксировано как «праздное место по службе» [САР², Ч. 1: 375]. Именно в этом значении оно употреблялось в чиновном производстве, в вопросах, связанных с комплектованием штата, порядком замещения различных должностей. Однако материал исследуемых комедий показывает, что слово «вакансия» подвергается образному переосмыслению: «*Андрей. Вакансий нет пустых у старых даже дам*» (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 56–58). Метафорическое значение данной лексемы обусловлено ее сочетаемостью со словом «дама», которое не входит в отмеченную словарями сферу «служебная деятельность». Такое несоответствие значения слова исконной сфере и создает образный подтекст высказывания – «все дамы заняты, имеют кавалеров, даже старые». С точки зрения современных норм русского языка «пустая вакансия» является тавтологией.

В новые словесные ассоциации входит и иноязычное заимствование «прогресс» (от лат. «progressus» – «успех», через польское «progress» или нем. «Progress»), которое встречается в русском языке с самого нач. XVIII в. Данная лексема стала предметом обсуждения многих исследователей. Так, в этимологическом словаре [Черных 1999, Т. 2: 70] указывается, что слово стало известно в русском языке в значении «прибыль, прибыток, преуспевание»; в дальнейшую эпоху оно будет вторично заимствовано с новым значением – «движение вперед, к лучшему», его русский синоним – «движение». Такой перевод, считает автор, все же лучше, чем перевод Радищева «шествие», или известное с 1600 г. лат. слово «успех». После реформ 60-х гг. XIX в. это слово было запрещенным и часто заменялось словом «развитие», ставшим основным значением, «прогресс» как термин появится лишь в XX в. [Колесов, 1991: 137]. Ю.С. Сорокин высказывает важную мысль о том, что первые случаи употребления этого слова в терминологическом смысле наблюдались лишь с 30-х гг. XIX в., а в XVIII в. это слово встречалось, в основном, в документах Петровской эпохи как элемент модной фразеологии и в общем смысле «успех» [Сорокин, 1965: 83]. Однако тексты комедий показывают, что данная лексема претерпела семантическое переосмысление, употребляясь в специфическом значении в форме мн.ч. В одной из сцен комедии А.П. Сумарокова речь идет о «присаждении рог», и персонаж называет его словом *«прогрессы»*: *«Дворецкий. О таких прогрессах ни от кого прошения не происходило»* (Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 407). Так иноязычное слово участвует в создании комизма диалогической ситуации.

Тексты комедий говорят и об употреблении в них заимствованного из греч. языка слова «гармония», его старинная форма – «армония», вариант «кармония». Будучи греч. заимствованием с начальным гласным, имеющим придыхание, слово варьировало на письме начало слова. А.С. Шишков, говоря о неоправданном введении в русский язык иностранных слов, называл его одним из первых. В САР¹, САР² это слово не зафиксировано, СРЯ XVIII представляет ряд его значений: *«Точный порядок; соразмерность, соотносительность всех частей целого; Согласие, благозвучие, приятность звучания»*. Показательно, что В.И. Даль приво-

дит широкий спектр синонимов данного слова – *«Гармóния – ж., соответствие, созвучие, соразмерность, равновесие, равномерность, равнозвучие, аккорд; самая наука о созвучиях»* [Даль, 1978, Т. 1: 374]. В комедиях оно встречается у Н.П. Николаева и И.А. Крылова, имеет начальный звук [г] и употребляется в терминологическом значении «созвучие, рифма»: *«Надмен. Тут нет гармонии!.. ужли́ вы без ушей?»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 111). Несколько иной пример употребления слова «гармония» встречаем в комедии Крылова, пародирующей нравы благородных читательниц Карамзина: *«Ужима. У нас будет сентиментальный завтрак. Ах, если б нежный соловей украсил его своею гармонией! Ванька. Не прикажете ли, сударыня, сбегать на село к приказчику – может быть, у него есть в клетке: то б мы повесили на дерево»* (Крылов И.А. «Пирог», с. 234). Ответная реплика Ваньки создает шутливо-ироническую тональность сцены и одновременно выражает позицию Крылова по отношению к «чувствительности слога» Карамзина и его последователей.

В кругу иноязычных слов отвлеченного характера оказывается и новое заимствование «мораль», употреблявшееся в речевой практике века со значением *«нравственность, система правил и норм нравственного поведения; поучение, наставление о правилах и нормах нравственного поведения; нравственный вывод из чего-л.»*. В 40-е гг. XVIII в. употреблялся вариант «моралия», но в текстах комедий отмечен не был. Характерно, что в САР¹, САР² это слово не зафиксировано, а в историко-этимологическом словаре [Черных, 1999, Т. 2: 542] оно определяется как «система исторически сложившихся правил нравственного поведения»; в словарную практику оно войдет лишь с 1804 г. В исследуемых текстах это слово обнаруживает способность к речевой экспрессии, переносному употреблению, выступая в качестве тропа – олицетворения: *«И жалованья мне мораль не платила, Чтоб словом то сказать, мораль его преплут»* (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 144).

Семантическим преобразованиям в данную эпоху подвергается и слово «маска». В СРЯ XVIII представлена целая палитра его значений, это *«Накладка с вырезами для глаз, закрывающая лицо или его часть (обычно в маскараде); На-*

кладка с изображением человеческого лица или звериной морды; *Обманчивый внешний вид, видимость*». В САР¹ данная лексема толкуется следующим образом: «Мáска, ки. с. ж. Франц. см.: Личина, харя» [САР¹, Ч. 4: 49]. Следует подчеркнуть, что на момент вхождения в русский язык слово «маска» обозначало специальную накладку, скрывающую лицо, изображение звериной морды и употреблялось в театральной сфере, в маскарадах – «доминная *маска*» (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 283); «*Тюрбан, фуру, салон, перчатку, маску, все*» (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 131). В комедиях 80–90-х гг. XVIII в. это слово выходит за рамки своего значения и употребляется в смысле «притворный вид, видимость чего-либо»: «*Созон. Когда кто ково обманывает, надобно быть в полной маске*» (Левшин В.А. «Своя ноша не тянет», с. 193). В комедиях А. И. Клушина «Смех и горе» и Я.Б. Княжнина «Хвастун» [1956: 468] это слово является смысловой доминантой стихотворного диалога-обличения: «*Старовек. Чтобы под маскою притворного стыда, не знать стыдливости ни малой никогда!*» (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 142); «*Полист. Снимите ваши маски. При том, кто различать умеет всяки краски!*» (Княжнин Я.Б. «Хвастун», с. 468). Прозаическая комедия относительно данного слова также дает показательные контексты: «*Щепетильник. Иногда вертопрах выступает под маскою ложного степенства. Вздоролюбов. Мне маски скидать не надобно: ты меня и без того по моей охоте к редкостям узнать можешь!*» (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 268).

Известное в русском языке еще в конце XVII в. слово «форма», «фурма», от лат. «forma» – «литейная форма», первоначально имело предметное значение – «модель», «фигура». Его толкование в словаре эпохи [САР², Ч. 4: 104] приводится в словарной статье «Образец» («Вид какой-либо вещи, по которому делать, выбирать что-нибудь можно»). Однако с течением времени слово «форма» начинает употребляться со значением внепредметным – «правило, порядок, образец; как полагается»: «*Кривосудов. Но форма лишь одна, чтоб с просеб брали плату. Подрядчик. Пришел к секретарю, по форме, на поклон*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 200–227). В репликах Провора из этой же комедии слово «форма» представляет новое значение – «настоящий, об-

разцовый, типичный»: *«Провор. Дать можно аттестат, Что в форме он судья»* (Судовщиков, с. 247). К концу века у данной лексемы появится несколько переносных значений – «внешнее выражение чего-либо» и «физическая форма человека», нашедшие свое отражение в комедии В.А. Левшина «Мнимые вдовцы», с. 213: *«Надобно быть в полной форме»*. Имеется в виду физическая форма человека. В дальнейшем это слово разовьет новое, терминологическое значение, связанное со сферой литературы и искусства. Но его семантика и особенности функционирования лежат уже за пределами XVIII века.

Семантические изменения – развитие новых переносных значений, употребление в метафорически-образных контекстах, вхождение в новые словесные ассоциации, расширение сочетательных возможностей и др., в конечном итоге способствовавшие общему процессу эволюции лексической системы русского литературного языка, – затрагивают и такие иноязычные слова отвлеченного характера, как «компания, деликатес, идея, корреспонденция, фамилия». Французское заимствование – «компания», которое в САР² толкуется как «общество людей, а наипаче купцов, один и тот же предмет в виду имеющих» [САР², Ч. 3: 764], в исследуемых комедиях употреблено в значении «общество людей». Существовали следующие варианты этого слова – «кампания, кумпания, канпания, конпания, кумпани, компание, компаний». Так, в репликах из гротескно-сатирической комедии Княжнина иноязычное слово «компания» сочетается с просторечным словом: *«Пролаз. И сделаю тебе компанию схрапнуть»* (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 79). В данном случае имеет место некоторое сужение отвлеченного значения, его конкретизация. В совокупности с глаголом «схрапнуть» возникает семантически неделимое сочетание, создающее комизм и разговорный характер реплик. В комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир» слово «компания», расширяя сочетательные возможности, употребляется в контекстуальном значении «сойтиться компаниею» – «стать любовниками; близкими по взглядам людьми»: *«Сын. Madame, мы друга друга довольно разумеем; не хотите ли вы сойтиться с компаниею?»* (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 19). В других сценах оно реализует словарное значение – *«Совместное пребывание, времяпрепровождение с кем-л.; присутствие кого-л.:*

«**Советница.** Нет сударь, я останусь здесь. Мне сын ваш зделает **компанию**» (Там же, с. 21). Форма данного слова – «компания» отмечена в этой же комедии Фонвизина в устойчивом сочетании просторечного характера: «**Бригадир.** Я тебе, при всей честной **компаниии** сказываю» (Там же, с. 24). Вот примеры значений лексемы «компания» в СРЯ XVIII: «Объединение каких-л. лиц для совместных действий; Торговое или промышленное товарищество; Воен. Отряд, рота; Группа лиц, связанных общностью интересов, собравшихся вместе». Орфографический вариант этого слова – **кампания** – в данном словаре отсутствует.

Слово «деликатес» – новое заимствование эпохи, 1779 г., СРЯ XVIII квалифицирует его как жаргонное – «Нежность, тонкость; деликатность». В комической опере Я.Б. Княжнина оно является лексической составляющей жаргона петиметра Фирюлина: «*Какие грубые имена! Как ими деликатес моего слуха повреждается!*» (Княжнин Я.Б. «Несчастье от кареты», с. 461–462). В сочетании со словом «слух» это заимствование приобретает оттенок – «изысканный, тонкий слух, вкус». В данном случае проявляется связь употребления этого слова с языком-источником – французским, который сыграл роль «живой воды», освежившей интеллектуальные возможности русского языка. А в рассуждениях галломана Фирюлина это слово приобретает еще и гротескно-иронический характер. Антинациональные увлечения Фирюлиных – одна из отрицательных сторон помещичьей культуры XVIII в., точнее, – «бескультурья», и речевые портреты персонажей подтверждают это. Впоследствии слово «деликатес» совместит в себе два значения – «лакомство» и «утонченность», и в современном русском языке будет иметь значение «изысканное, тонкое кушанье». Характерно, что В.И. Даль относит его к «съедобному»: тонкому, нежному, редкому» [Даль, 1978, Т. 1: 1057], в САР¹ и САР² слово «деликатес» не отмечено. В комедии Д.И. Фонвизина употребляется и слово «деликатнее» (от «деликатный» – лат. *delicatus*, через фр. *délicat* – «тонко устроенный, нежный»): «**Князь.** Князь должен быть на пункте своей чести **деликатнее** дворянина» (Фонвизин Д.И. «Выбор гувернера», с. 195–196). Данная форма отсутствует в СРЯ XVIII.

Важно отметить, что семантические преобразования коснулись и слова «корреспонденция», имевшего в XVIII в. несколько вариантов – «кариспаденция, каришпанденция, коррешпанденция». Варианты *с/ш* в середине слова являются отражением в русском языке модификации романского *-s-* в польском языке и немецких диалектах. *Ш*-формы являются наиболее сильными, равноценными, но с усилением фр. влияния постепенно утрачиваются, уступая место *с*-формам, и несут в себе следы архаики [Биржакова и др., 1972: 218]. В СРЯ XVIII данное слово имеет значения: «Пересылка писем, известий; письменное общение; Письма, письменные сообщения, известия». В исследуемых комедиях помимо прямого значения – «переписка» («амурная каришпанденция» – Левшин В.А. «Свадьба г-на Волдырева», с. 112), реализуется и переносное, образно-метафорическое – «взаимоотношения, сношения, связь», развившееся в течение всего века. Характерно, что и в словаре В.И. Даля [Даль, 1978, Т. 2: 416] при описании значения слова эта сема легко прослеживается в примерах – «взаимная переписка», «письменные сношения», и в историко-этимологическом словаре [Черных, 1999, Т. 1: 114] дается первоисточник «позднелат. *«correspondere»* – соответствовать друг другу, соотноситься», уточняющий переносное значение данного слова. Показателен диалог из комедии А.П. Сумарокова, в котором говорится, что есть и другие виды взаимоотношений, более интересные, чем супружество: «*Минодора. Да неужели вам без женитьбы и любить не капебельно, будто только и кариспаденции, как муж и жена*» (Сумароков А.П. «Мать – совместница дочери», с. 282–283).

Формированием нового, переносного значения характеризуется и слово «титул», известное в русском языке еще с конца XVII в. (от лат. «titulus» – «надпись», «титул», под влиянием более раннего – «титла» – «титул царя Руси»), язык-посредник – польский («tytul»). В академическом словаре данного времени представлено его значение – «наименование, означающее достоинство, сан» (САР², Ч. 6:714), реализуемое и в комедии Н.Р. Судовщикова «Неслыханное диво, или Честный секретарь». Но показательным является другое значение этой лексемы, ситуативно обусловленное. В диалоге Кривосудова и его слуги Провора «титул» в

значении «именование, величание» употребляется в реплике-реакции как ответ на словесное оскорбление: «**Кривосудов. Врешь! тебе ли знать, холопу. Отродью Хамову. Провор. Какой пошел титул!**» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 251).

Семантические сужение отвлеченного значения, употребление в стилизованном разговорном диалоге наблюдаются у слова «идея», которое часто употреблял Карамзин и его сторонники, ср. его значения в СРЯ XVIII: «*Общее представление, понятие о предмете; мнение о ком-л. (чаще в жарг. Петиметров; основная, главная мысль.*». В САР² этот грецизм зафиксирован со значением «представление какой-либо вещи, действия или предмета в уме» [САР², Ч. 2: 950], САР¹ приводит точно такое же толкование, лишь добавляя слово «умопонятие» [САР¹, Ч. 3: 203]. В науке существует мнение [Биржакова и др., 1972: 154], что данное слово было известно в русском языке уже с конца XVII в., первоначально в системе школьного образования – «общее представление о предмете»; с 20-х гг. – серия подобных употреблений; с 30-х гг. – также «основная мысль, убеждение». В обиходном языке военно-дипломатических кругов – «мысль, намерение», в языке философских книг – мысленный образ предмета. Новизна употребления этого заимствования состоит в том, что оно было составляющей жаргона петиметров: «**Минодора. Я вижу, что у тебя о мне худая идея**» (Сумароков А.П. «Мать – совместница дочери», с. 266). Слово «идея» конкретизировано в значении «плохое, мнение, представление о человеке». В одной из комедий Лукина данная лексема сочетается с таким же иноязычным словом, фр. заимствованием, – «дезавантажный» («ущербный, невыгодный»): «**Верхоглядов. Ты сформировал дезавантажные об нас идеи**» (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 226). Надо отметить, что в русском литературном языке XX–XXI вв. слово «идея» развило серии новых значений, в том числе и в сфере политики, науки, но исконное значение – «понятие, представление» – сохранило. Развивает переносное значение и слово «аллея», которое в САР² определено следующим образом: «Слово, из фр. языка в употребление вошедшее, означающее дорогу по обеим сторонам деревьями ровно усаженную» [САР², Ч. 1: 25]. СРЯ XVIII отмечает его значения («дорога, обса-

женная деревьями; прямая дорога, прорубленная в лесу; перспектива; просека; проход между двух стен дома, ведущий на двор или к лестнице»), в том числе и одно переносное от значения «место для состязаний в борьбе, беге у древних греков» – «аллея подвигов». В комедии А.П. Сумарокова это слово употребляется образно, в контекстуальном значении «жизненный путь, дорога», в указанном словаре не отмеченное: *«Тимант. Я намерен вас на прямой путь поставить. Минодора. Я и так не кривою иду алеєю. Тимант. Эта алея вас ко доброму концу не приведет»* (Сумароков А.П. «Мать – совместница дочери», с. 298). В сочетании с прилагательным «кривая» – «неправильная, плохая», обозначает «недостойное поведение, дурные связи». Антитезой данному словоупотреблению служит реплика Тиманта, содержащая фразу – *«добрый конец»*. В данном диалоге заключается глубокий смысл, раскрывающий любовную коллизию с «треугольником». В комической опере Н. Перепечина «Торжество добронравия над красотой» это слово употребляется в прямом значении и представлено в виде орфографического варианта «алѣя», также употреблявшегося в русском языке данного времени.

Время вхождения слова «фамилия» в русский язык – 1703 г., через польское «familia» – «род, семейство» из западноевропейских языков (лат. «familia» – «семья, семейство, род, родня, дом, фамильное имущество») [Черных, 1999, Т. 2: 302]. САР² относит его к лат. заимствованию в значении – «Дом, семья, жена и дети, все родство, поколение», по существу воспроизводя значение латинского слова-источника. Некоторые ученые [Биржакова и др., 1972: 130], определяя этимологию данной лексемы, относят ее к сфере «генеалогия», «владельцы персоны», утверждая, что это слово семантически представляет собой конгломерат значений, не всегда отчетливо членимых: племя, колено, род с общим именем, дом с общей династической фамилией, а также семья и члены семьи. В первые десятилетия XVIII в. наблюдается семантическое сужение этого слова до значения «знатный род», к 30-м гг. происходит семантический сдвиг в сторону «родовое имя», «прозвище»; активизируется и значение «семья», «члены семьи». Характерно, что это слово имело ударение на втором слоге, дериваты «фамильный», «фа-

мильство». В исследуемых комедиях данная лексема встретилась и в несколько ином значении, не отмеченном словарями, – «происхождение»; а также в значении «род, фамилия»: *«Салидар. Этот мальчик фамилиею повыше твоих детей. Отец его для возобновления знатности фамилии своей взял чернила на откуп»* (Сумароков А.П. «Приданое обманом», с. 350–360). В этой же комедии персонаж Подьячий употребляет слово «фамилия» в тосте, поднимая бокал: *«За здоровье вашей честной фамилии»*. Авторы комедий часто придают указанному слову различный фонетический облик. Так, например, в ломаной русской речи француза Трише из комедии И.А. Крылова оно имеет «иностранную» огласовку, связанную с передачей акцента иностранца: *«Трише. Взят ушителнис в русска богата фамиль»* (Крылов И.А. «Модная лавка», с. 271), а в комической опере Н.П. Николаева перед нами – диалектно-просторечное произношение иноязычных слов с начальным *-ф-* с его заменой на *-хв-*, типичное для персонажей из «простонародья»: *«Лесник. А чорт вспомнит хвამилью-то!»* (Николев Н.П. «Розана и Любим», с. 202). В приведенных примерах слово «фамилия» имеет значение «семья, домоладцы». В комедиях конца XVIII в. встретилось употребление слова «фамилия» в новом значении – «наследственное семейное наименование, прибавляемое к личному имени»: *«Крючкострой. Вошли в него – сидит хозяин за столом, Сапожник-старичок, фамилией он Питер»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 239). Развиваются и деривационные связи этого слова. В комедиях И.А. Крылова «Проказники» и В.А. Левшина «Мнимые вдовцы» встретилось слово «однофамилец», являющееся сложным сущ., образованным на русской почве путем слияния исконной и заимствованной морфем.

В анализируемых комедиях часто употребляется фр. заимствование «мода», развившее в русском языке новые значения, богатые деривационные возможности («модистка, модист, модник, модница, модный, наимоднейший, модничать, модничанье, модно, по-модному») и способность употребляться с широкого круга лексикой. СРЯ XVIII отмечает его со значениями *«Форма, образец, манера; постоянно изменяющаяся манера одеваться, вести себя; о всеобщем признании, внимании, известности; обычай, нрав, обыкновение»*. Показательно, что в САР¹

это слово не включено, а в САР² толкуется не только значение слова «мода» («обычай, употребление»), но и всего ряда – «модник, модель, модный, модно, модничать, модничанье» [САР², Ч. 3: 816–817]. В комедиях слово «мода» обнаруживает широкую сочетаемость как следствие более глубокого внедрения в лексическую систему русского языка, его адаптации и развития целого круга переносных значений. Вот далеко не полный перечень примеров, выбранных из различных комедий, – «модный, модная лавочка; побранить моды и иностранцев; модных уборов и материй; не гоняюсь за модой; с ума сошли на модах; старая мода; последние моды; прекраснейшая мода; философский модник; модно, старомодный, новомодный; время модно; мода – идол их; дурака, на модах заражена». В комедии И.А. Крылова «Кофейница» галломанящая помещица имеет «сигнификантную» фамилию «Новомодова», да и одна из комедий этого автора содержит в названии дериват слова «мода» – «Модная лавка», имя персонажа Модстрих в комедии Н.П. Николева тоже символично. Слово «модный» употребляется не только в структуре диалога, но и в обстановочных ремарках – «Театр представляет внутренность **модной** лавки» (Крылов И.А. «Модная лавка», с. 281). Слово «мода» и его производные способны служить одним из средств отрицательной характеристики персонажей. Так, Крутон дает меткую характеристику трусливому петиметру Модстриху: «Трепещешь, **модный лист!** Забыл манерный толк!», а в другой сцене Модстриха образно называют «модный нуль». И сам Модстрих употребляет слово «мода» переносно, объясняясь в любви служанке Марине: «Ума души моей прекраснейшая **мода!**». На что возлюбленная в рифму отвечает: «Видал ли в свете кто подобного **урода?**». Так иноязычное слово «мода», рифмуясь с русским «урод», обогатило традиционный стихотворный размер русской комедии и одновременно послужило одним из ярких средств речевой характеристики героев. Часто персонажи комедий вкладывают в отвлеченное понятие «мода» глубокий философский смысл: «**Стародум.** «На умы мода, на знания мода, как на пряжки, на пуговицы» (Фонвизин Д.И. «Недоросль», с. 17); «**Марья.** Нынешней век не женской. **Мода** с нас спала» (Лукин В.И. «Награжденное постоянное», с. 31).

Таким образом, семантические изменения претерпевали слова отвлеченного характера, адаптируясь на русской почве, приобретая новые, переносные значения, их разнообразные оттенки, употребляясь в метафорически-образных контекстах. И в этой связи справедливо утверждение В.В. Виноградова, что речь идет уже не столько о частном заимствовании слов и понятий, сколько об общем сближении семантической системы русского литературного языка со смысловым строем западноевропейских языков [Виноградов, 1938: 150].

2.2.2. Формирование и развитие переносных значений у слов, обозначающих лиц, конкретные предметы

Семантические преобразования затронули большое количество иноязычных слов, обозначающих человека и конкретные предметы. По сравнению с лексикой отвлеченного характера, смысловые ассоциации, в которые они входят, характеризуются богатством новых оттенков, наличием речевой экспрессии, стилистическим разнообразием. В комедиях встречаются названия человека по самым разным признакам – по полу, возрасту, поведению, роду деятельности, в ряде случаев имеющие экспрессивно-оценочный характер. Так, в разговорной речи светского общества было распространено употребление – «фон», «из фонов» – «о человеке высокого происхождения», от нем. компонента дворянских фамилий «von». Характерно, что в комедии Н.П. Николева словом «фон» персонажи с иронией называют петиметра Модстриха: *«Марина. А нынче тихо так идти изволит фон. Панфил. Ушел наш фон! Надмен. Ба! Ты зачем изволил, фон, приобрести? Крутон. Я фоном не бывал, ношу с природы шпагу»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 160–162). В академических словарях XVIII–XIX вв. это слово не

отражено, а в современном русском языке оно является частицей, присоединяемой к немецкой дворянской фамилии.

Комедия Я.Б. Княжнина дает нам случаи употребления слова «герой» в новом переносном значении – «человек особой храбрости, мужества»: *«Пролоз. Мое именье, честь, подвергнувши побоям, Твоей премудрости казать себя героем»* (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 75). Слово «герой» отмечено в русском языке с 1709 г., его значение – «в антич. мифологии – лицо, рожденное от бога и смертного; лицо, причисленное за свои подвиги к сонму богов; человек особенной храбрости» [СРЯ XVIII]. Это греч. заимствование, попавшее в русский язык через лат. «heros», оно имеется и во фр. языке («heros»); известны дериваты слова – «геройский, иройский, эройский, геройство». Один из них – «геройский» – употребляется в комедии Левшина «Свадьба г-на Волдырева» в словосочетании «геройский вид», т.е. «бравый, мужественный с виду». В комедии А.И. Клушина «Смех и горе» встретилось шутивно-ироническое употребление слова «герой» (*«Вон плачущий герой»*).

Слово «француз», конечно, не новое заимствование в русском языке XVIII в., но для обогащения семантической системы языка важно его новое значение, представленное в комедиях. Помимо этнического наименования, в комедии А.И. Клушина (*«Манежен, как француз!»* – Клушин А.И. «Смех и горе», с. 21) это слово обозначает также род занятий французов в России – «учитель; слуга, камердинер»: *«Дворецкий. По поручительству за француза»* (Дашкова Е.Р. «Тоисоков», с. 269). В других сценах его именуют *«плут вале-де-шама»* – т.е. «камердинер». Надо отметить, что персонажи-французы не вызывают симпатий у других героев комедий, что обусловлено спецификой сюжета, образа. К примеру, в пьесе Н.Р. Судовщикова их называют *«французишки»*, *«французска некрить»*, *«пакостный француз»*; говорят, что *«на свете хуже нет французов да цыганов»*, *«а Ирод был француз»*. Как синоним слову «француз» выступает слово «мусье» – несклоняемое сущ. со значением «господин, франт»; известны варианты «мусью, мусьяк, мусяк» – «щеголь, гувернер». Надо отметить, что слова «мусье, мосье, монсеньор» были широко распространены в щегольском жаргоне, они отмечены и

в СРЯ XVIII как лексические новации эпохи: «*Форма вежливого упоминания или обращения к мужчине (обычно французу); господин, сударь; В жаргоне щеголей; Гувернер-француз при детях*». Новая русская комедия дает многочисленные образцы их употребления, так, один из персонажей комедии Судовщикова своеобразно «уточняет» имя француза – «мусье», давая ему следующую оценку: «*Зовут его мусье, наперсник сатанин*». В речи петиметров данное слово было одним из самых модных: «**Ветромах.** Я велел сударь меня не называть, а говорить **мосье**. **Высонос.** Вперед не забуду, **Мосье**, а не сударь» (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 53); «**Модстрих.** Не так я сотворен, **Монсьор** ошибся в том. Однако, **монсьенор!**; **Надмен.** И он еще меня **Монсьором** называет!» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 30). Не менее распространенным в комедиях было и иноязычное слово «мадам» (варианты «мадама, мадаме»), получившее доступ в широкий обиход уже в Петровскую эпоху из фр. «madame» – «сударыня, госпожа». В СРЯ XVIII оно также зафиксировано в вариантах «мадам», «мадама», «мадаме» как «*Форма вежливого упоминания или обращения к замужней женщине (обычно француженке), чаще при фамилии; госпожа, сударыня; Титул принцесс – дочерей короля во Франции; Титул мorganатической супруги французских принцев; Гувернантка-француженка при детях; компаньонка-иностранка; Француженка – содержательница модного магазина, портниха, модистка*». Надо отметить, что в комедиях реализуются 1, 2 и 3-е значения, представленные в словаре. Так, например, в произведении Н.П. Николева, как и в комедиях других авторов, оно означает «жена, супруга»: «**Модстрих.** То мужу бедному пришлось бы тогда, С своей **мадамою** хоть в петлю от стыда!» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 159). В комедии Е.Р. Дашковой это слово употреблено в значении «госпожа, хозяйка» («**Лафлер.** **Мадам** занемок, изволи идти к ней» (Дашкова Е.Р. «Тоисюков», с. 292), а в репликах француза оно представлено еще и по-французски – «madame Решим». Комедия М.А. Матинского дает показательные примеры употребления данного слова в новом значении, распространенном с последней трети века, – «*содержательница модного магазина, портниха, модистка*»: «**Смекалов.** Вот вам тафты хозовой кончик, ее уж намале у меня осталось; а чепчики слав-

ная *Мадам Фирюлю* делала, и они вельми в моде» (Матинский М.А. «Санкт-Петербургский гостиный двор», с. 16). Любопытно, что в комедии Копиева «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка» применительно к русским женщинам употребляется форма «мадам», а к иностранкам – «*madam (Pouleau)*»; в одной из комедий встретила форма «*матушка мадам*», а у И.А. Крылова в «Модной лавке» оно склоняется, проявляя признаки семантико-грамматической адаптации («*Маши. Счет вашим покупкам не сделан мадамою*»). Встречаются также слова – «мадемуазель» и «мамзель», частотность которых, по сравнению с «мадам», несколько снижена: «*Фертиков. Мадемуазель! – признаться вам*» (Николев Н.П. «Попытка не шутка, или Удачный опыт», с. 172); «*Лентягина. Желаю радостей я вам с мамзель Жавот*» (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 146). Значения данных лексических единиц также отмечены в СРЯ XVIII как «*формы вежливого упоминания или обращения к девушке (обычно французженке)*»; «*девица, барышня*», «*молодая гувернантка-французженка при детях; вообще компаньонка-иностранка*».

Обращает на себя внимание употребление иноязычных слов в предикативно-характеризующем значении, и даже бранном. Примером может служить слово «фурия», вошедшее в русский язык в XVIII в. при посредстве западноевропейских языков в значении «злая, сварливая, разъяренная женщина». Д.И. Фонвизин, создавая галерею русских характеров в «Недоросле», устами персонажей называет г-жу Простакову «презлой фурией, которой адский нрав делает несчастье целого дома». По происхождению это лат. мифол. имя «Furia» – «Богиня мщения», отсюда нарицательное «furia» – «бешенство, ярость, экстаз». В САР² отмечается лат. источник слова и его значение – «говорится к означению злобной, злой женщины» [САР², Ч. 6: 1121]. Характерно, что персонажи употребляют это слово в диалогах-ссорах в момент сильного эмоционального напряжения в совокупности со специфической лексикой – «фурии, ад, скот»: «*Надмен. Он здесь еще! К чему создание такое свету дать? Конечно, фурии! сам ад!.. Ты даже быть сравнен не стоишь и с скотом!*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 88). В комедии М.М. Хераскова «Безбожник» персонаж Леон называет своего сына «фури-

ей», показывая пример употребления данного слова применительно к мужчинам: «*Не он, но ты меня в смущенье приводил, Что **фурию** на свет такую я родил!*» (Херасков М.М. «Безбожник», с. 31–32). Следует отметить, что в комической опере Н.П. Николева слово «фурия» употребляется как обозначение музыкального темпа, неистового, бурного: «*Музыка начинает адажио и вдруг впадает в **фурию***» (Николев Н.П. «Розана и Любим», с. 55). Характерно, что САР¹, САР² данное значение не отмечают.

Другим примером экспрессивного употребления служит иноязычное слово «шельма», известное в русском языке с 1710 г., а его вариант «шелм» с 1702 г. (от нем. «Schelm» – «плут», мошенник; * «шелма» – «зверь»). Характерно, что в комедии Н.П. Николева «Опекун профессор, или Любовь хитрее красноречия», с. 27, оно употреблено с уменьшительно-ласкательным суффиксом: «*Старон. Ха, ха, ха, **шельмушичка!***». В комедиях разных авторов имеет место его бранное, оценочное значение – «*Роза. Я тебя, **шельма**, хотела видеть. **Илья. Как?! Я шельма? Постой! Это тебе даром не пройдет***» (Левшин В.А., Керцелий И. «Король на охоте» с. 37); «*Кривосудов. Цыц, **шельма**, задавись! Молчи ты, **бестия!** Твое тут рукоделье*». В приведенном диалоге употребляется и бранное слово «бестия», заимствованное в 1700 г. из нем. «Bestie» (лат. «bestia» – «животное, зверь, скот», жарг.), в САР² не отмеченное. Бранное и предикативно-характеризующее значение характерно также для слов «каналья», «шалопай». «Каналья» – фр. заимствование («каналия» – собир., 1717 г. от фр. «canaille» через польское «kanalia» – бранное: негодяй, подлец). В словаре М. Фасмера указывается, что данная лексема восходит к итал. «canaglia» – «свора собак; сброд; негодяй; каналья» от «cane» – собака [Фасмер, 1986, Т. 2: 177]. В САР¹, САР² слово «каналья» отсутствует. В комической опере М.А. Матинского оно употребляется как бранное, во время драки («*Крючкодей. Сгинь твоя голова, **шмерц, каналья!***» – Матинский М.А. «Санкт-Петербургский гостиный двор», с. 50), в одном ряду с диалектным словом «шмерц» (олонецкое) от нем. Schmerz – «боль». Это насмешливое прозвище немца.

Слово «шалопа́й», встретившееся в двух комедиях Николева, не вполне ясно в этимологическом отношении. Возможно, данная лексема представляет собой фр. заимствование второй половины века – «chenapan» – «негодяй, хулиган, лодырь», которое восходит, в свою очередь, к нем. «Schnapphahn»; в САР¹, САР² отсутствует. Вот пример его экспрессивно-характеризующего употребления в комедиях Н.П. Николева «Самолюбивый стихотворец» и «Розана и Любим»: «**Пан-фил.** Мне этот **шалопа́й** совсем и не знаком» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 71); «**Розана.** Лучшие век просижу в девках, нежели пойду за эдакого **шалапая!**» (Николев Н.П. «Розана и Любим», с. 176). Известен и вариант «шелапай». Следует отметить, что слова «шельма, бестия, каналья, шалопа́й» широко употреблялись в просторечии в экспрессивно-характеризующем бранном значении.

Давняя традиция употребления названий цветов применительно к людям находит отражение в комедиях К.Д. Горчакова «Калиф на час» и Д.И. Хвостова «Хлор Царевич или Роза без шипов, которая не колется». В них употребляется слово «роза», восходящее к нем. «Rose», лат. «rosa» как символ женской красоты, имеются сравнения: «подобно розе», «губы, как розовый сафьян» и др. В САР¹, САР² слово «роза» приводится лишь в прямом значении. Можно указать также на комедию А.П. Сумарокова «Нарцисс», в которой ставится проблема борьбы «с самолюбием ко красоте своей», автор имел в виду фаворита Елизаветы Н.А. Бекетова. Имя «Нарцисс» употребляется переносно – «самовлюбленный красавец (как имя-характеристика)».

В одной из комедий встретилось новое иноязычное слово «анти́ки», 1740 г. В пределах небольшого диалога оно употребляется в двух значениях – «древне-греческий театр» и «старомодные люди». Причем второе, переносное, значение – разговорно-просторечное, оно служит дружеским обращением к так называемым «мнимым философам», рассуждающим об античном театре: «**Ветрон.** Какой было **Антик**, вы Римской подцепили!.. ну, милые **Анти́ки**, Любовные у вас успехи не велики!» (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 123). В СРЯ XVIII данные значения зафиксированы: «Древние (чаще греч. и римск.) вещи, монеты; древности. | Иск. О

антич. моделях, образцах; перен. прост. Древность (о старых или смешных своей старомодностью людях)». Надо отметить, что в круг новых иноязычных слов-наименований человека входят слова с суффиксом *-ист-*, не свойственным русскому языку: «компонист, басист, химист, алхимист, канцелярист, протоколист, мартинист, кабалист». Это лексика 70–90-х гг. XVIII в., она легко «входит» в образную структуру диалога комедий (у Левшина, Николева и др.), однако метафорическая функция ограничивается собственно номинативной.

Развитие переносных значений, продвижение некоторых из них в сферу «человек» наблюдается у иноязычных слов и сочетаний с конкретно-предметным значением – «фонарь, юбка, конфидуратская шапка, яхонт, жемчуг, ливрея». Так, в комедии Н.П. Николева встречается давнее греч. заимствование «фонарь» со значением «стеклянной слюдяной сосуд» [САР², Ч. 6: 1117], представляющее интерес в плане формирования образно-переносного значения, связанного с человеком: «*Марина. Он новостей и мод вернейший есть словарь, Всех учит, светит всем без свечки наш фонарь*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 142). Служанка шутливо-иронически называет словом «фонарь» петиметра Модстриха, в ее репликах находим смысловое несоответствие, служащее основой создания подтекста. Дело в том, что в старину внутри фонаря всегда ставили зажженные свечи, и во фразе «*светит всем без свечки наш фонарь*» дается точная характеристика «пустому» петиметру.

Предикативно-характеризующим значением обладает и оборот «коза в юбке». В нем содержится слово иноязычного источника – «юбка», имеющее свою историю. В словаре Фасмера отмечено, что оно существовало в русских народных говорах как наименование «плохого крестьянского тулупа, а также мешкообразной летней одежды лопарей», а форма слова с *-б-* (юбка) возникает лишь к 1701 г. Данная лексема может быть заимствована через польский из нем. «*juba*», «*jurre*», восходящих к итал. «*giurra*» – «безрукавка» и дальше к арабск. «*jubba*» – «нижнее платье из хлопчатобумажной ткани» [Фасмер, 1986, Т. 4: 525]. Характерно, что в САР² отражено значение этого слова, связанное с арабским: «Женское платье от пояса до пят простирающееся» [САР², Ч. 6: 1421]. В комедии «Лжец» персонаж

Фалалей дает экспрессивную оценку девушке следующим образом: «*Еще тут коза в юбке стоит!*» («Лжец», с. 75). Вероятно, данный оборот широко употреблялся в речевой практике той эпохи.

Подтекст диалога мог создаваться и намеренным употреблением окказионального словосочетания «*конфидуратская шапка*», совмещающего в себе значения слов «конфедерация» и «дурацкий», в словаре не отмеченного. Как известно, слово «конфедерация» обозначало в данную эпоху «*временный союз польской шляхты; сговор, заговор против кого-л.; союз, сообщество государств, организаций; принятое всеми письменное решение, имеющее силу закона*» [СРЯ XVIII]. В комедии А.П. Сумарокова «Вздорщица» это слово произносит персонаж Дурак: «*Да барыня-то меня поит да кормит, одевает и обувает, и сделала мне **конфидуратскую шапку**, да и перушко воткнула*» (Сумароков А.П. «Вздорщица», с. 414). Данное словоупотребление отражает тайный намек автора на определенные политические обстоятельства, связанные с Польшей.

Словами «*червчетый мой яхонт*», «*бурмицкий мой жемчуг*» (Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 313) любовно называет Хавронья своего мужа. В этих экспрессивных оборотах есть древнейшие заимствования – «*яхонт*» (через польское «jachant» из нем. «jächant» от лат. и греч.) и «*жемчуг*» – восточнославянское слово, восходящее к древнетюркскому; вероятно, китайского происхождения. Прилагательное «*бурмицкий*» (*бурмитский*) отражается в СРЯ XVIII и в САР² со значением – «*Бурмитския зерна – зерна крупнаго и окатистаго жемчуга, привозимыя с востока*» (САР², Ч. 1:344). По мнению А.А. Бурыкина, это прилагательное может означать и «бирманский, вывозимый из Бирмы», ср. англ. *Burmese*.

Процессу семантической адаптации подвергается заимствованное слово «ливрея», употребляясь метафорически, имеет следующую лексикографическую интерпретацию: «*Форменная одежда лакеев, кучеров, слуг, обычно с галунами; форменное платье дворян, придворных, богато расшитое золотом и серебром; служители, слуги*» [СРЯ XVIII]. В САР² приводится одно из его значений: «*Одноцветное платье на придворных или господских служителях*» [САР², Ч. 3: 558].

Персонаж Надмен, преувеличивая бесполезную с его точки зрения страсть Чеснодума к стихам, говорит ему: *«Хоть ты перемарай дестей на рифмах сто, И сшей себе из них на целый дом ливрею»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 124). И слово из конкретно-бытовой сферы – «ливрея», приобретает способность к экспрессивному употреблению. Дополнительные образные осмысления наблюдаются и у иноязычного слова «мебель» из этой же сферы, имеющее значение – *«движимое имущество, пожитки, вещи; предметы обстановки, домашнего убранства»* [СРЯ XVIII]. В слезной комедии М.И. Веревкина оно употребляется переносно, применительно к человеку: *«Щелкоперов. Муж твой дурак, изношенный совсем, и ни на что не надобный мебель»* (Веревкин М.И. «Имянинники», с. 277). Хотя встречается случай его употребления в прямом значении, интересный своей формой мн.ч. «мебели» – «модные ценные вещицы», более ранней (1717 г.) по сравнению с «мебель» (1766 г.): *«Крючкострой. «Послушай, немчура! Ты мебели унес, Недавно у купца в театре из кармана?»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 239).

Широко известное в речевом обиходе XVIII в. слово «машина» (машина) обнаруживает тенденцию к расширению значения, метафорическому употреблению в текстах комедий, получает новую смысловую перспективу. В САР¹, САР² слова «машина» и «машина» считаются вариантами и имеют следующее значение: *«Машина, и машина, ны с. м. от греч. «Всякое орудие, служащее к удобнейшему движению тел с умалением силы или времени»* [САР¹, Ч. 4: 62–63]. СРЯ XVIII фиксирует его уже с разнообразными значениями – *«механизм, механическое орудие, устройство; об организме, теле живого существа и его органах; автомат, воспроизводящий действия и движения живых существ; о действующем по чужой воле; сооружение, здание»*. Примеры комедий показывают, что это слово органически входит в образный контекст, в котором речь петиметра, быстро и невнятно говорящего, сравнивается с механизмом, действующим орудием, машиной. В результате – иноязычное слово участвует в создании речевой характеристики персонажа, создает экспрессивность диалогической ситуации: *«Плаксин. Вы с ног до головы похожи на машину, Котора действует через свою пружину, Когда ту*

заведут, лепечет и визжит. И фронт теперешний так точно говорит» (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 81). В другой сцене слово «машина» выступает в довольно любопытном значении – «косметическое средство», помогающее женщине выглядеть моложе: *«Андрей. Прекрасной туалет, Румян, духов, белил, тавту, чепец, корнет, Тюрбан, фуру, салон, те редкия машины, Что стягивают вам на рожцах морщины.»* (там же: 31). Следует отметить, что слово «машина» рифмуется со словами «пружина», «морщина», образуя «благозвучие» и чистоту драматического стиха, о котором писал в рецензии на эту комедию И.А. Крылов [Русская литературная критика XVIII в., 1978: 275].

С течением времени слово «машина» («машина») приобретет новые значения – «обозначение мира, вселенной, свойств человека, животных» в сравнении с машиной, механизмами; а также в значении «народ», «общество».

Образные осмысления получают в комедиях специальные названия конкретных предметов, деталей и механизмов, используемых в технической сфере, в быту. Это слова «винт» и «шуруп». В этимологическом словаре [Шанский и др., 1971: 82] слово «винт» считается заимствованием XVII в. из польского «gwint», являющегося видоизменением нем. «Gewinde», а «шуруп» – заимствованием из нем. языка XVII в., – «Schraude» – «винт, болт» (ср. «Schraubenmutter» – «гайка»; лат. «scrofa» – «самка свиньи, гайка», родственного «scrobis» – «яма, влагалище»). САР¹ отмечает лишь первичное значение этого слова, связанное с технической сферой. Примеры же из комедии П.А. Плавильщикова показывают, что слова *винт*, *шуруп* получают в переносном употреблении экспрессивную окраску, характеризую поведение персонажа, его речь: *«Влас. Вот еще, с какими балясами подъехал! И все у него слова-та на винтах да на шурупах. Что слова скажет, то крюк»* (Плавильщиков П.А. «Бобыль» с. 435). Отметим, что слово «крюк» («колкости») также является заимствованием из древнескандинавского «Krókr» – «крюк».

В комедии «Лжец» употребляется слово «репетиция», история которого показательна тем, что первоначально оно обозначало «устройство в часовом механизме, подающее звуковой сигнал» (фр. «repetition» через польское «repetycja»

или нем. «Repetition» из лат. «repetitio» – «повторение»), в отличие от значения в современном русском языке: «*Леон. Мои часы были с репетицією; начали звонить*» («Лжец», с. 161). Встретились примеры, в которых данное слово употребляется в сфере «театр, искусство»; в русском языке данное значение отмечается с 1758 г.

Таким образом, формирование переносных значений, их оттенков, вхождение в метафорические контексты наблюдается у иноязычных слов, обозначающих лиц и конкретно-предметную лексику, свидетельствующие об их адаптации, вхождении в русскую лексико-семантическую систему.

2.2.3. Стилистическая перекалфикация заимствованных слов, их употребление в разговорно-просторечном значении

Важным для русского литературного языка данного времени является тот факт, что целый ряд иноязычных слов с отвлеченной семантикой приобретает новые значения разговорно-просторечного характера, становясь достоянием живой разговорной речи. Многие из них употребляются в переносном значении, обладают ярко выраженной оценочностью, сниженностью, отражая реальную разговорную речь «дворянского столичного круга, а также язык деревенских дворян-помещиков» [Берков, 1977: 10–11]. Однако существует мнение, что вовлечение просторечных слов в диалоги комедий способствовало «снятию» с них просторечности, и это позволяло многим из них закрепиться в литературном языке [Виноградов, 1959: 105]. Комедия и комическая опера дают возможность продемонстрировать особенности функционирования такой лексики в самых разнообразных контекстах. Например, слово фр. происхождения «талант» употребляется в значении «дарование, природная способность к чему-нибудь», в САР² оно снаб-

жено пометой «в просторечии», а возникло под влиянием старинной формы «талант 1», от лат. «talentum». В древнегреч. языке это слово обозначало «весы» и «денежно-расчетные единицы». В комедии М.И. Прокудина «Добродетель, увенчанная верностью» слово «талант» употребляется в сочетании с прилагательным, обозначая степень качества обозначаемого словом понятия, – «завидный *та-лант*», в комедии М.М. Хераскова «Ненавистник» – «слабый *талант*», а в комедии А.И. Клушина оно служит средством лексико-семантической связи реплик – лексическим повтором: «*Хохоталкин. Умей, сударь, во мне таланты почитать! Плаксин. Таланты! а, мой друг, таланты! да какие!*» (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 35). Характерно, что в одной из сцен комедии Н.П. Николева данное слово подвергается образному переосмыслению, метафоризации, употребляясь в значении «талантливые люди»: «*Модстрих. И если двор в талантах честь находит, То я...Быть должен при дворе!*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 162).

В состав просторечия в одном из своих значений входит слово с отвлеченной семантикой «пай», заимствованное из тюркских языков со значением «доля, часть в общем деле». Характерно, что Академические словари данной эпохи [САР¹, Ч. 4: 695] уже показывают наличие стилистической маркированности: «Пай, пая, с. м. 1. Доля, часть. 2. *В просторечии иногда берется за счастье, за удачу». В комедии Н.П. Николева это слово реализуется в просторечном значении «удача, счастье, доля» в монологе слуги Панфила: «*Нет, знать, слугою быть мой пай уже прошел*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 106).

В разговорной речи той эпохи употреблялось и новое заимствование отвлеченного характера – «куръеза» («куръез», «куриоз», дериваты «куриозный, куръезно»), отмеченное в СРЯ XVIII как «*нечто редкое, достопримечательное; простореч. О человеке*». Данная лексема употребляется в комедиях применительно к человеку, обладает предикативно-характеризующей функцией, в сочетании с прилагательным в превосходной степени приобретает ярко выраженный оценочный характер: «*Подрядчик. А этот, господи! Предивная куръеза!*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 227). Аналогичное употребление

находим в комедии Матинского, в которой к данному слову добавляется еще и диалектно-просторечная частица *-сте-*, усиливающая стилистический эффект: *«Проторгуев. Курьеза-сте ты, а не человек»* (Матинский М.А. «Санкт-Петербургский гостиный двор», с. 349). В комедии Лукина употребляется прилагательное «курьезный»: *«Целой магазин вещей курьезных»* в значении «забавные, необычные предметы» (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 285).

В просторечии XVIII в. употреблялось заимствование «мат» в значении «неприятность, крайность, бедственное состояние; конец кому, или чему, гибель». СРЯ XVIII отмечает это значение как переносное, помимо специального – из сферы шахмат. В комедии Н.Р. Судовщикова слово *мат* встретилось в переносном значении, близком к словарному, – «крупная неприятность»: *«Прямиков. Упрямством ты своим мне горькой сделал мат»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 264). Комедии Левшина и Веревкина тоже демонстрируют переносное значение этого слова – «разорение» (*«Лоботряс. Роскошь в мат нас привела»* – Левшин В.А. «Свадьба г-на Волдырева», с. 132) и «беда» (*«Угар. Бедным та холуям нашей братье, так уж мат от ваших <иностранцев> затей»* – Веревкин М.И. «Так и должно», с. 295).

В разговорной речи данной эпохи широко употреблялось иноязычное слово «балясы» из сферы архитектуры, зодчества, первоначально в его прямом значении: *«Балясина – столбик, искусно выточенный, служащий украшением или ограждением чего-нибудь»* [САР¹, Ч. 1: 92–93]; позже формируется переносное просторечное значение – «пустые разговоры». Характерно, что САР¹, САР² его не отмечают, кроме слов «балясник» и «балясничать» (ср. *«Балясник» – раскаищик забавных пустошей»*) [САР¹, Ч. 1: 93], имеющих просторечный статус. Слово «балясы», считается результатом разнонаправленных языковых контактов, оно входило в аналогическую пару слов, семантически дублирующих друг друга – «балясы – конселли». В СРЯ XVIII данное слово отмечено в двух значениях (*«ограда, перила, балюстрада; род ограждения на лодке, судне; столбики у ограды; балясины»* и *«шутливые или пустые речи, разговоры»*), одно из них – просторечное, реализуется во фразеологизмах («подъехать с балясами», «точить балясы» –

«вести шуточные или обманные речи; болтать»). В словаре Фасмера, помимо основного значения, отмечено и разговорно-просторечное – «росказни, шутки». Оно развилось из основного, вероятно, «точить балясины, которые уже и так выточены» [Фасмер, 1986, Т. 1: 119]. Это выражение синонимично фразеологизму «бить баклуши» и глаголу «бездельничать». В этимологическом словаре [Шанский и др., 1971: 34–35] указывается, что данное слово восходит к лат. «balaustrium» – «цветок гранатового дерева», приводится переносное значение – «точить столбики – делать не первой важности вещи, забавляться легким делом, говорить забавное, болтать». В комедиях слово «балясы» употребляется в составе фразеологизма – «точить балясы» – и в значении «слова, речи, разговоры»: «*Влас. Вот еще с какими балясами подъехал!*» (Плавильщиков П.А. «Бобыль», с. 329); персонаж комедии Лукина использует его в значении «пустые разговоры»: «*Докукин. Уже больше ста раз эти балясы слыхивал!*» (Лукин В.И. «Мот, любовь исправленный», с. 12). Характерно, что разговорно-просторечный фразеологизм «точить балясы» имеет синоним – «точить балы», представленный в комедии Дашковой «Тоисиоков»: «*Маши. А мы с тобой еще балы поточим*» (Дашкова Е.Р. «Тоисиоков», с. 280).

Пополняет круг иноязычных слов, вошедших в разговорно-просторечный слой, и фр. заимствование 1705 г. «кураж» – «смелость, бодрость, готовность к действию; в функции межд. – «не робей, крепись!»; куражь (под куражем) быть – навеселе, в подпитии» [СРЯ XVIII]. Оно стало просторечным в результате различных условий: частого употребления в живой разговорной речи, в текстах различной жанровой направленности, а также в результате приобретения экспрессивно-стилистических оттенков, свойственных живому общению и общей стилистической девальвации фр. заимствований, принадлежащих к обиходной речи. Любопытно, что во французском языке-источнике данная лексема является стилистически-нейтральной и обозначает отвлеченно-абстрактное понятие («courage» – «смелость, отвага, бодрость»). Слово «кураж» употреблено в назидательных репликах персонажей и сочетается не только с прилагательным («отважный»), имеющим общую сему со словом «кураж»: «*Наборщик. Исправься ж, ба-*

рин, ты, Имей кураж отважный!» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 112). Но и с глаголами: «*Пролаз. Я признаюсь, Что я теряю весь кураж!*» (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 23–24). О дальнейшем закреплении этого слова в русском языке говорят его дериваты «куражить, куражиться; для куражу» и фразеологизм «под куражем» («быть навеселе»). В современных толковых словарях это слово характеризуется как устаревшее и означает «непринужденно-развязное состояние, смелость, храбрость».

В комедиях продолжает расти круг иноязычных сущ., пришедших из разговорной речи, к примеру, фр. заимствование «резон» (от фр. «raison» – «повод, причина», лат. «rationem» – «расчет, причина»). Интересен словарь вхождений этого слова. Так, если в начале века оно было заимствовано из фр. языка со значением «довод, причина, основание, право, справедливость», то в 1731 г. произошло вторичное заимствование нового значения – «разум, рассуждение, рассудительность», а в 1739 г. оно подверглось терминологизации, став математическим термином – «отношение, пропорция». И в этой связи справедливо утверждение, что заимствованные слова, как правило, входили в русский язык лишь в одном из своих значений. Первоначально слово появлялось в наиболее широком, обобщенном и нерасчлененном значении, из которого в дальнейшем выкристаллизовываются другие, более частные, конкретные, узкие значения и оттенки. В исследуемых комедиях слово «резон» встречается в форме «резонт» со значением «довод, расчет, правда, истина» (причем данная форма не поддерживается этимологически и является собственно русским преобразованием по аналогии со словами типа *горизонт*), а в реплике оно имеет шутливо-ироническую тональность: «*Подрядчик. И то большой резонт. Попробуй же не дать: так погостишь в тюрьме: Резонты подведут*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», сс. 188, 230).

В этот круг входят и западноевропеизмы «финт, финтыфанты, фокус, фигли, штука», имеющие ярко выраженную разговорную окраску, экспрессивность, прочно закрепившиеся в русском языке последующей эпохи. Слово «финт», от фр. *feinte* – «притворство», нем. *Finte* – «уловка, хитрость», в Словаре Яновского

«уловка, шашни, пустяки» [Яновский, Ч. 3: 1753], считается заимствованием начала XIX в., но наш материал показывает его распространение и в комедиях второй половины XVIII в.: «*Подрядчик. Нет, видно финтами опять не отвляться*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 188). Данное слово имеет отвлеченное значение – «хитрость, проделки, уловки», широко употребляется в комплексе с просторечной лексикой в репликах сниженных персонажей.

В комедии Екатерины II «Шаман сибирской» встретилось слово «финтыфанты», являющееся следствием экспрессивного словоизменения и образованное путем соединения двух иноязычных по происхождению лексем – «финты» и «фанты»; имеет ярко выраженный разговорный характер. В этимологическом словаре [Шанский и др., 1971: 473] эта единица приводится в словарной статье к слову «финтифлюшка» («безделушка») как синоним. В САР¹, САР² слово «финт» отсутствует, а слово «фант» толкуется как нем. заимствование со значением «залог, заклад», «игра» [САР², Ч. 6: 1099–1100]. Комедийный контекст показывает, что оно употребляется в значении «игра, фокусы, проделки»: «*Кромов. Своими финтыфантами выманил у всех денег koliko мог*» (Екатерина II «Шаман сибирской», с. 201). Смысловая связь со значением слова «финтыфанты» наблюдается у слова «фокус» – эти слова являются членами одного аналого-синонимического ряда. В комедиях слово «фокус» встречается в диалектно-просторечном фонетическом варианте – «хокус» и обычно в репликах бытовых персонажей «из народа»: «*Асмодей. Ты этим хокусам давно меня настроил*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 201). Этимология данной лексемы не вполне ясна. Первоначально это слово, термин физики, употреблялось в переводных научных текстах, в дальнейшем развило новые значения. Заимствовано, вероятнее всего, из нем. «Hokus Pokus» – «фокус» – «искусный трюк, основанный на обмане зрения при помощи ловкого и быстрого движения», но в лат. «focus» обозначает «домашний очаг, жаровня» и связано с глаголом «греть» [Черных, 1999, Т. 2: 319]. В указанной комедии Судовщикова слово «фокус» в результате

метафорического переосмысления приобретает значение «хитрости, обман клиентов».

Слово «фигли» употребляется в комической опере М.А. Матинского: *«Щепеткова. Покажи гас. Узок и гадок! Разживин. Вот-сте и другой! Щепеткова. Широк и скверен! Разживин. Што это за **фигли** такие! Это притоманно што-нибудь напущенное»* (Матинский М.А. «Санкт-Петербургский гостиный двор», с. 402). Купец Разживин словом «фигли» называет ткань, которую дама никак не подберет, подразумевая что-либо необычное, пышное. В комедии В.И. Лукина слово «фигли» в сочетании с иноязычным прилагательным «басурманский» служит обозначением мелких заграничных предметов в лавке: *«Мирон работник. Виць это тот, который не охоць до басурманских та **фиглей**»* (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 274). Происхождение данного слова также вызывает различные мнения этимологов. Данная лексема могла быть образована на базе заимствованного из польского «figiel» – «фокус, шалость, проделка, шутка», которое, в свою очередь, восходит к лат. «figilae» – «ночное бодрствование» или «figura» – «фигура» [Шанский и др., 1971: 472]. М. Фасмер предполагает, что это слово заимствовано через нем. «vigilje»; менее вероятно заимствование из нидерландского «wichelen» – «колдовать, пророчествовать» [Фасмер, 1986, Т. 4: 192]; П.Я. Черных считает его образованием на русской почве (типа «грабли»), связанным с «фига», от фр. или нем. в значении «издеваться, кривляться, показывать кукиш» [Черных, 1999, Т. 2: 326]. Характерно, что в академическом словаре эпохи [САР¹, Ч. 6: 484] значение слова «фигли» связано с поведением человека: «Фигли – разная коверканья, странные телодвижения, и другия вещи, с великим притворством производимья». О том, что это слово быстро адаптировалось в русском языке, говорит и распространенный в разговорной речи той эпохи фразеологизм «строить фигли» – «обманывать», отмеченный в словарях.

Из русской разговорной речи вошло в словарный состав комедий и немецкое заимствование «штука» (от нем. «Stucke» – «экземпляр, кусок, штука»), оно употреблялось уже в XVII в. со значением «выходка, проделка». В репликах Простодума из комедии Я.Б. Княжнина данная лексема употребляется в этом же зна-

чении – «подвох, обман, неожиданная неприятность»: «*Простодум. Тут нет ли штука каких?*» (Княжнин Я.Б. «Хвастун», с. 423). В САР¹ слово «штука» отражено лишь со значением «часть чего-либо». В указанной комедии Княжнина встретился образованный на русской почве глагол «штукарить», обозначающий предосудительные действия человека. Еще большее распространение в разговорной речи получило модное слово фр. происхождения «амур», ставшее достоянием комедий – жаргона петиметров. «Амур, амур, амор, амурь, амурно, амурный, амурные, амуров, амуровы, амурщик, амуриться и др.» – вот деривационный ряд, представленный в СРЯ XVIII. Слово «Амур» – «*Бог любви в античной мифологии*», «амурь» – «*Любовь, любовные дела, отношения, шалости, шашни*». Особенности употребления этого заимствованного слова состоят в том, что в некоторых репликах отражается перенос значения с мифологического имени Амур (бог Любви) на нарицательное существительное «амур», относящееся к сфере «человек», его чувства, поведение, любовные интриги. При этом столкновение лексических значений слов создает шутивно-ироническую окраску: «*Крутон. Однако мне пойти сынку поговорить, Амура-то ему никак нельзя переварить*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 150). В результате весь оборот принимает переносное значение – «справиться с любовью, пережить ее»; в этой же комедии находим еще один пример употребления этой лексемы – «*Амурь в нас плодятся*» (Там же, с. 156). Это слово становится непременной составляющей комических опер и лирической комедии, что обусловлено спецификой жанра, любовными интригами героев. Например, в комической опере Н.П. Николаева «Опекун профессор, или Любовь хитрее красноречия» оно входит в состав весьма необычного семантического комплекса, включающего оценочное сущ. «дутик» и глагол «влюбиться»: «*В тебя бы влюбился дутик Амур!*» (Николев Н.П. «Опекун профессор, или Любовь хитрее красноречия», с. 21). В этой же комедии встречаются дериваты от слова «амур» – «*амурные шашни; амурно обходиться*» и др. В других жанровых разновидностях комедий употребление этого слова обусловлено тематически или зависит от речевого поведения персонажа. Так, в комедии И.А. Крылова принц-иностранец Трумф употребляет это слово в значении «чувства, любовь»:

«*Поди же, кралишка! кохта моя амур, Успеха полушит, я кликну тфой в пала-та*» (Крылов И.А. «Подщипа», с. 214), а в комедии Д.И. Фонвизина «*Бригадир*» используется просторечная форма слова с окончанием -у в репликах Бригадирши: «*Неужели это для амуру?*» (Фонвизин Д.И. «*Бригадир*», с. 18). Многие авторы часто употребляют слово «амур» и его разнообразные дериваты: «*несчастен в Амурах*», «*амурная каршпанденция*» и др. (Левшин В.А. «*Свадьба г-на Волдырева*», с. 134–137). В лирической комедии С.К. Вязмитинова «*Радость душиньки*», с. 83, используется пример «*амуровы чертоги*», в котором слово «амуровы» сочетается с церковнославянизмом «чертоги» (источник – персидское слово), создавая переносное значение реплики – «владения Амура, власть любви». В комедии Екатерины «*О время!*» употреблено просторечное слово «амурщик» в репликах карикатурного персонажа Чудихиной, не принимающей веяний нового времени: «*Всех амурщиков я с природы ненавижу*» (Екатерина II «*О время!*», с. 70). В САР¹, САР² слово «амур» и его производные отражения не получили.

Для комедий характерно широкое употребление слова «барыш», которое САР¹ относит к тюркизмам (татарское). Показательно, что в данном источнике отмечено два значения слова – прямое и переносное, просторечное – «прибыток получаемый в торгу при продаже; польза, выгода; «в барышах» – в простореч. употребляется к означению слова «даром» [САР¹, Ч. 1: 106–107]. СРЯ XVIII также фиксирует это просторечное слово и его производные «барышок, барышишка, барышище, барышный» со значением «*прибыль в торговых делах, сделках; деньги, полученные сверх затраченных; перен. Выгода, польза; добавок, прибавок; то, что остается сверх чего-л., вдобавок к чему-л.*». История данного восточного слова, отмеченного в словарях с 1704 г., давняя – оно восходит к тюркским языкам (турецкому, крымско-татарскому «*bagys*» – «мир, примирение» и др.), хотя в самих этих языках распространено мало. В русском языке эта лексема разовьет богатый словообразовательный ряд, свойственный народно-разговорной речи («барышный, барышовый, барышничья, барышническия, барышевать, барышничается, барышничанье, барышничество, барышовка, барышка, барыщдень») [Даль, Т. 1: 129–130], расширит сочетательные возможности, реализуемые в раз-

личных метафорических контекстах. В комедиях Екатерины II «Обманщик», «Домашние несогласия» встречаются формы – «без *барыша*»; «*Что вам за барыш?*», в «Опекуне» А.П. Сумарокова – «в *барышах*», в «Кофейнице» И.А. Крылова – «в *барышах*», в комедии М.А. Матинского встретила уменьшительная форма слова: «*Сквалыгин. Ныне так мал барышишка, не добудеш в день грошишка*» (Матинский М.А. «Санкт-Петербургский гостиный двор», с. 28). Как синоним слову «барыш» выступает заимствованное в конце XVII в. из турецкого языка слово «хабар», которое словари эпохи квалифицируют как «низкое», означающее «прибыток, барыш» [САР¹, Ч. 6: 499]. Вот пример его употребления в комической опере Николева: «*Лесник без невесты, а Сенюхе хобар*» (Николев Н.П. «Розана и Любим», с. 198).

Некоторые авторы, передавая особенности речевого портрета комедийных персонажей, погружая нас в самую гущу ярко расцвеченного быта, используют особенности разговорно-просторечного произношения. Так, например, в комедии И.А. Крылова «Подщипа», в репликах Царевны, находим иноязычные слова с опущенным начальным гласным (*нетит* – от «аппетит») и с заменой исконного согласного (*мажинация* от «имагинация» – «воображение»). Такое фонетическое явление часто наблюдалось в русской разговорной речи при произношении нерусских слов: «*Подщипа. От мажинации одной лишь я умру. Нетиту нет совсем*» (Крылов И.А. «Подщипа», с. 203). Обращение к данным СРЯ XVIII показало, что формы слов «мажинация» и «имагинация» в нем не отмечены, отражены только «имагинация», «имагинацио». Это новое заимствование эпохи, 1769 г., со значением «представление, воображение». Данное слово, адаптируясь на русской почве, послужило средством создания каламбурного словоупотребления: в комедии Я.Б. Княжнина «Чудаки» употребляется слово «*нажимация*» вместо «имагинация». Приемы каламбура, основанные на незнании персонажами значений иностранных слов, чаще всего французских или немецких, и замене их сходными по фонетическому составу русскими словами, – новое явление, обогатившее язык и стиль комедий XVIII в. В русской литературе уже с конца XVII в. укрепляются приемы сравнений, каламбуров. В.В. Виноградов утверждал, что «под влиянием

французского языка каламбур прочно вошел в речевой обиход дворян как развлечение, забава, средство комического изображения чего-либо и одновременно служащее средством речевой характеристики персонажей» [Виноградов, 1938: 25–26]. «Каламбурные» приемы используются и в комической опере М.А. Матинского «Санкт-Петербургский гостиный двор»: персонажи произносят слово «*переминаж*», совмещая русские слова «переминаться, проминаться» с фр. «*promenade*» – «прогулка»; и слово «поведенция» – в речи семинаристов преобразование слова «поведение» по аналогии с латинским «*benevolentia*» [Фасмер, Т. 3: 293].

Экспрессивное переносное употребление наблюдается у иноязычных слов, проявляющих свойственную разговорной речи тенденцию к преувеличению количественных и иных оценок, – «армия» и «миллион». Так, слово «армия» («армей»), известное в русском языке еще с 1704 г. как западноевропейское заимствование со значениями «*войска, объединенные единым командованием на одном театре военных действий; вооруженные силы государства; армейские части в противоп. гвардии; перен. Большое число, количество, множество*» [СРЯ XVIII] в комедии Сумарокова реализует переносное разговорное значение «совокупность чем-либо объединенных людей»: «*Кимар. Я петиметров и петиметерок на себя взволновал: а армия эта велика*» (Сумароков А.П. «Пустая ссора», с. 339). Надо отметить, что в данных репликах прослеживаются черты российской реальности – неприязнь к галломании и к ее «проводникам» – петиметрам (фр. заимствование «петиметр» и его дериват «петиметерка» – лексические новации эпохи, 1750 г.). Сумароков достигает высшей точки в своем стремлении к передаче разговорной речи эпохи – яркой, экспрессивной, язык его комедий – наиболее сильная их сторона. Речь героев *Северного Расина* индивидуализирована, несет в себе черты народности, сочную реалистическую струю, и иноязычная лексика призвана выполнять в ней важнейшие семантико-стилистические функции. В комедиях В.В. Капниста «Ябеда» и П.А. Кропотова «Фомушка, бабушкин внучек» употребляется слово «миллион», заимствованное в Петровское время из западноевропейских языков. СРЯ XVIII отмечает его значения: «*Число, равное тысяче тысяч; название числа 1.000.000; количество, исчисляемое в тысячу тысяч единиц; обычно*

мн.ч. *Огромное количество, неопределенное множество*». В комедиях Капниста, Кропотова, Николева и др. данная лексема обозначает «огромное количество, неопределенное множество»: *«Фекла. Указов миллион! Прав целая громада!»* (Капнист В.В. «Ябеда», с. 484); *«Хавронья. Можно более миллиону земли обсеять»* (Кропотов П.А. «Фомушка, бабушкин внучек», с. 196); *«Надмен. Казнись! Еще скажу: тем славы не добудешь, Что миллионами стихи печатать будешь»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 74). Комедия М.А. Матинского дает показательный пример выхода данного слова в денежную сферу со значением – «большие деньги, капитал» – в репликах персонажа с сигнификантной фамилией: *«Сквалыгин. Стану караулить сам, Спать не буду по ночам; В том веселье мне, забава, Миллионы чтоб скопить»* (Матинский М.А. «Санкт-Петербургский гостинный двор», с. 95).

Интересно употребление в комедии А.П. Сумарокова просторечного слова «бурда». Данная лексема является тюркизмом (тат. «burda» – «мутное питье, смесь разных жидкостей», ср. «буран», от «бур» – «крутить, свивать, вертеть»), известна и русским народным говорам, в СРЯ XVIII отмечены следующие ее значения: *«простореч. Мутное неприятное на вкус питье, смесь; перен. О путанице в голове»*. САР¹ толкует ее как «татар., в простореч. к означению всякаго мутнаго напитка употребляемое» [САР¹, Ч. 1: 386]. Попытаемся прояснить семантику данного слова, учитывая ситуацию художественного диалога. Кокетка Минодора говорит мужу, что она заболела и ее тошнит. Муж спрашивает, не угорела ли она, на что Минодора отвечает, что у нее «гипохондрия». Однако супруг видит причину ее нездоровья в галломании, в сильном увлечении французским языком, употребляя слово «бурда» в переносном значении – «путаница в голове»: *«Корнелий. От чего на тебя эдакая заморская нашла болезнь? Вот! Не говаривал ли я тебе, чтобы ты заморских-то слов поменьше сыпала в разговоры? И сделалась бурда»* (Сумароков А.П. «Мать – совместница дочери», с. 285). Минодора в ответных репликах также употребляет слово «бурда», поясняя его значение контекстуальным синонимом – «контузия», вошедшим в русский язык в 1758 г. в значении *«удар, толчок (от пули, снаряда); ушиб, повреждение»*. В данном контексте слово «кон-

тузия» употребляется переносно как «удар, общее повреждение организма, болезнь», создавая комизм диалога: *«Минодора. Эта бурда у меня, и вся эта контузия не от новомодных слов, да от твоей старомодной грубости сделалась»*. Слово «гипохондрия» («болезненное, угнетенное состояние; болезнь, сопровождающаяся болями, судорогами» – СРЯ XVIII), употребленное в этой же комедии, – заимствование второй половины XVIII в., 1747 г., оно также употреблено в переносном значении. Так Сумарокову-комедиографу удается мастерски передать сущность галломании – нравственного общественного порока данного времени, духовную пустоту петиметров, слепо преклонявшихся перед всем французским, их странный жаргон, портивший русский язык. Иноязычные слова – «бурда, контузия, гипохондрия» – служат у Сумарокова отправной точкой создания метафорического диалога с подтекстом реплик.

В комедии Н.П. Николева встретилось редкое для исследуемых комедий слово «брандахлыст», близкое по значению слову «бурда»: «Брандахлыст – «праздношатающийся» и «скверное пойло». Первая часть происходит, по видимому, из нем. «Brantwein» – «водка», вторая – связана со словом «хлыстать», вульг. «пить в больших количествах спиртное». Заимствовано, по мнению Бернекера, из франц. «brinde» – «чокание». Близкие образования – «бурдохлест, бурдохлыст», связанные со словом «бурда» [Фасмер, Т. 1: 207]. Данное слово было довольно распространенным в обиходно-бытовой и диалектной речи, имело стилистически сниженный характер, обозначая «жидкое, плохого качества пиво». СРЯ XVIII представляет его значение без указания на этимологию: *«простонар. Жидкое пиво или разведенное водой хлебное вино»*. В диалоге комедии слово «брандахлыст» используется в типично разговорных репликах, в одном ряду с популярными у простолюдинов крепкими напитками, их наименованиями – «сивуха, горелка»: *«Исай. Где найдешь там сивухи, горелки, брандахлысту, нет нигде»* (Николев Н.П. «Попытка не шутка, или Удачный опыт» с. 134). На просторечный характер данной лексемы указывает и флексия -у. Характерно, что в САР¹, САР² слово «брандахлыст» не зафиксировано, а в академических словарях эпохи [Словарь 1847, Т. 1: 79] оно отражено с пометой «простонародное» – «жидкое

пиво, или разведенное водою хлебное пиво». С течением времени это слово войдет в другие смысловые ряды, разовьет новые значения, лежащие уже за пределами XVIII в.

Итак, в исследуемых комедиях широко употребляется иноязычная лексика, в том числе и заимствованная во второй половине века, которая в результате семантико-стилистических преобразований приобретает разговорно-просторечный статус, подтверждающийся данными словарей эпохи. Приобретение заимствованной лексикой разговорно-просторечных и «простонародных» значений свидетельствует о семантической адаптации иноязычных слов в русском литературном языке, их дальнейшей ассимиляции, участии в общем процессе начавшейся демократизации русского литературного языка. Слова иного генетического источника, прочно освоенные русской разговорной речью, постепенно становились и достоянием функционального просторечия. И в этой связи справедлива мысль В.В. Виноградова о том, что «художественная литература с 30–40-х гг. XVIII в. становится той творческой лабораторией, в которой вырабатываются нормы национального литературного языка нового времени» [Виноградов, 1956: 20].

2.2.4. Детерминологизация, метафоризация значений заимствованных слов, относящихся к различным сферам

Во второй половине XVIII в. в русском литературном языке продолжают процессы активного заимствования иноязычных терминов из различных научных сфер, обогатившие русскую терминологическую систему. Часть заимствованных слов, принадлежащих к определенным терминосистемам, или специальным сферам, вошли в общелитературный язык, претерпевая смысловые модификации, наполняясь новым для них – образно-метафорическим – содержанием. В процессе

контактирования в этой связи с другими словами иноязычные термины подверглись разнообразным семантическим изменениям, таким как расширение, сужение и дифференциация их лексических значений, переносное употребление, развитие новых отвлеченных и конкретно-бытовых значений, связанных со сферой «человек». Практически это выражалось в том, что слова-термины, детерминологизируясь, вовлекались в контексты, не связанные с их специальным назначением. При этом происходило приглушение или выпадение их отдельных дифференциальных признаков, приводящее в некоторых случаях к полному отрыву слова от его терминологически замкнутого значения и включению в новый круг лексико-семантических, грамматических и стилистических связей. И данный процесс приобретал массовый характер, терминология военной, административно-правовой и общественно-политической сфер давала выходы в различные жанры устной и письменной речи, в том числе и в язык комедий, хорошо отражавших процессы литературного языка нового времени, реальную речевую практику. В одних словах, как справедливо утверждал Ю.С. Сорокин, мы сталкиваемся с полной метаморфозой старого значения, его утратой и появлением нового, с новой проекцией слова на мир действительных явлений и предметов. В других случаях – мы имеем дело с появлением у слова наряду с устоявшимися значениями новых, терминологически ограниченных значений, которые не стоят в прямой связи с прежними его значениями. Происходит новое осмысление слов, как бы «наслаивающееся» на исходное значение и сдвигающее его, переносящее в другой план отношений [Сорокин, 1965: 332].

Однако, рассматривая процессы семантической адаптации заимствованных слов в XVIII в., их *вживания* в русскую лексическую систему, следует помнить, что терминосистемы многих наук, за исключением риторики, складываются лишь к концу XIX в. и понятием «термин» мы должны пользоваться с большой осторожностью, имея в виду находящиеся в стадии становления терминоиды, прото-терминологические единицы. Но такие авторитетные исследователи, как Ю.С. Сорокин [Сорокин, 1965], Ф.П. Филин [История лексики, 1981], Е.Э. Биржакова [Биржакова и др., 1972] считают возможным и даже необходимым в своих иссле-

дованиях по исторической лексикологии использовать понятия «термин», «словатермины» применительно к XVIII в., говорить о процессах терминологизации и детерминологизации, изучать их. В данной работе мы придерживаемся точки зрения этих ученых, считающих, что история лексики XVIII в. заставляет усомниться в правомерности утверждения, что только в XIX в. научные термины начали выходить за пределы специальных сочинений и трактатов. «XVIII век – пора развития разнообразных наук и художеств, время складывания многих терминологических систем и номенклатур в науке, технике, искусстве, военно-морском деле, администрации и пр. – имели уже достаточные основания для развертывания процессов миграции специальной лексики в общелитературное употребление и наоборот. И в семантической истории иноязычных слов, – а иноязычные слова составляют обширный пласт в различных русских терминологиях, – процесс выхода специального слова в неспециальную сферу со всеми вытекающими отсюда последствиями – один из реально существующих фактов» [Биржакова и др., 1972: 273].

Итак, в комедиях второй половины века происходят процессы активного семантического освоения, адаптации иноязычных слов-терминов, относящихся к разным сферам и отраслям знаний, – детерминологизация и терминологизация, расширение или сужение значений, формирование новых, переносных значений, вхождение их в метафорически-образную сферу, – являющиеся первой ступенью детерминологизации. В результате происходило влияние различных терминосистем на семантический строй русского языка, наблюдались смысловые сдвиги предметно-понятийного содержания иноязычных терминов. В одних случаях эти примеры были единичными словоупотреблениями, отражающими индивидуальную манеру художественного стиля автора, в других – массовыми, дающими выходы в произведения различных стилей и жанров.

Как показал материал комедий, чаще и легче всего подвергались образным переосмыслениям, сравнениям заимствованные слова, относящиеся к *военной сфере*. Они употреблялись в образных контекстах, имели различные смысловые сдвиги, вовлекались в любовный лексикон героев комедий, и далее – в *любовный*

словарь эпохи. Создавались даже литературные произведения (см. книгу «О крепости Склонность»), в которых любовные приключения героев были представлены в виде регулярной осады неприступной крепости, которую нужно преодолевать, «штурмовать». Известным является стихотворение-пародия А.С. Шишкова «Песня некоторого мореходца», в котором чувства моряка передаются с помощью привычных для него слов – терминов морского дела.

Метафорические употребления связывают некоторые фортификационные термины в комедиях с абстрактными понятиями из области человеческих чувств, отношений, поведения человека. Это итальянское заимствование в русском языке «фортеция» и слово «апроши», пришедшее из французского языка. В комедии Д.И. Фонвизина слово «фортеция» употребляется в диалоге, в котором персонаж Бригадир, обращаясь к своей любимой жене, сравнивает ее с неприступной крепостью – «фортецией»: *«Бригадир. Я как храброй полководец, а ты моя **Фортеция**, которая как ни крепка, однако все **брешу** в нее сделать можно»* (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 319). Отметим, что слово из этой же сферы – «бреша» (варианты «брешь, бреш») – воен. термин «пролом» – завершает образный диалог, и в нем, как и в слове «фортеция», происходит затухание терминологического значения. Нами отмечен еще один любопытный пример употребления слова «фортеция», не связанного со сферой «любовь». Оно входит в образный сатирический контекст, обличавший подкупность суда в XVIII в. в комедии В.В. Капниста: *«Добров. Однако истец ваш, я думаю, прислал тяжелой свой багаж, и под **фортецию** суда подкоп уж роет»* (Капнист В.В. «Ябеда», с. 470. В данном случае слово «фортеция» употребляется в метафорическом контексте, фраза – *«и под фортецию суда подкоп уж роет»* – означает «пытаться подкупить суд», а словосочетание «фортеция суда» имеет значение «неприступная крепость, строение». Характерно, что слово «фортеция» является заимствованием Петровской эпохи (из итальянского «fortezza» – «укрепление» через польское «forteca»), имеет различные варианты-дублиеты – «фортеция», «кфартеция», «фортеца». В САР¹, САР² это слово не фиксируется. Вообще дублетность иноязычной лексики составляет важную особенность словарного состава русского языка XVIII в., она имела раз-

личные причины. Дублеты появляются в языке за счет различных транслитерирований иноязычных написаний, разного произношения, частоты и сферы употребления слова, переосмысления формы слова и др. Формальные дублеты могут появиться в языке и в связи с ассимиляцией заимствования.

Другое слово – «апроши» – как термин фортификации обозначало «зигзагообразные траншеи у города», но в комедии А.П. Сумарокова происходит его дестерминологизация, семантический сдвиг, в результате которого данное фр. заимствование из военной сферы приобретает отвлеченное значение, связанное с поведением человека, – «препятствия, подвохи, чинимые кем-либо». Эта лексема отмечается в жаргоне «галломанствующей» Минодоры: *«Это реприманды и **апроши**»* (Сумароков А.П. «Мать – совместница дочери», с. 262). Семантические сдвиги наблюдаются и у глагола «штурмовать», относящегося к сфере военных действий. В комедии А.И. Клушина это слово тоже вовлекается в стихию человеческих чувств и страстей. Персонаж Андрей, обращаясь к своей возлюбленной Анюте, сравнивает ее с неприступной стеной, которую не суждено «штурмовать»: *«**Андрей**. Прощай, мой ангел, свет, жизнь, камена стена! Знать, **штурмовать** не мне, другим ты суждена!»* (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 58). Следует отметить, что данное слово известно в русском языке с 1704 г., оно образовано от нем. «sturmen» через польское «szturmować», варианты – «штюрмовать», «штурмовать», Словарь 1847 г. отмечает его как военный термин со значением «брать приступом». Образное употребление характерно еще для одного слова из этого деривационного ряда – «штурм», вариант «штурма», встретившегося в комедии Д.И. Фонвизина. Данная лексема развивает переносное значение сразу по двум направлениям, с одной стороны, это военный термин, вошедший в «любовный лексикон» эпохи: *«**Советник**. Вить это, мой друг, не город, – **штурмом** не возьмешь (речь идет о жене Бригадира). **Сын**. Что ж вы, батюшка? Неужели вы думаете сердце взять **штурмом**?»* (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 90). С другой – слово «штурма» служит средством характеристики комедийного образа, его чувств, эмоционального состояния: *«**Бригадир**. Иван, мне кажется, нет ли теперь **штурмы** в твоей головушке? Не можно ли потише?»* (Там же, с. 91). Можно

предположить, что слово «штурма» Бригадир связывает со словом «шторм» (буря), употребленном в переносном значении, весьма распространенном в ту эпоху. Вот его определение в академическом словаре: «*Штурм* – нем. реч. морск., зри *Буря*» [САР², Т. 6: 1380]. Как показывает дальнейшее развитие диалога, слово «штурм» станет отправной точкой развития диалога-ссоры. Вероятно, дивергенция форм «штурм» и «шторм» в русском языке связана с тем, что последнее слово является еще дублетным заимствованием из английского языка в чтении по написанию, имеющим специфически «морское» значение – «буря на море», в то время как форма «штурм» отражает многозначность слова в языке-источнике – немецком.

Выход в образную сферу комедий давал и термин «тактика». В словарях данной эпохи он имел значение – «искусство строить войско в боевой порядок, делать оным выгодные движения, уметь пользоваться положением мест для обороны своей или для нападения на неприятеля» [САР², Ч. 6: 22]. Это слово западноевропейского – немецкого или французского – происхождения («Тактика» – через нем. «Taktik» или фр. «tactique», от лат., греч. «tactika» – «строй»). Выходя за пределы отвлеченного значения, данная лексема сужает свою понятийную сферу, обозначает конкретные предметы: «*Чернавка. Указом приказали, Чтоб шить на армию фуфайки, сапоги. По лавкам в тот же час за тактикой послали*» (Крылов И.А. «Подщипа», с. 192). В репликах служанки слово «тактика» обозначает предметы воинского обмундирования, снаряжения, но его значение смещается в сторону более общего – «галантерея». Данное словоупотребление, носящее индивидуально-авторский характер, служит ярким примером выхода термина в литературное употребление, при котором связь с исходным значением («искусство строить войско») не сохраняется. Характерно, что в словарях XVIII–XX вв. значение слова «тактика» как «снаряжение» не зафиксировано, но в словаре В.И. Даля отмечается, что «тактика», помимо основного значения, обозначало и «вооруженье войска». Этот факт несколько проясняет значение данного слова.

Следует отметить, что в пьесах конца XVIII в. вовлечение терминологии в образную сферу комедий все более активизируется, происходит расширение их

сочетаемости, включение в различные функциональные типы диалогов, часто с сатирической направленностью. Детерминологизация значений отмечена нами в военных терминах западноевропейского происхождения «куртина» и «марш», вариант «марша». Слово «марш» в СРЯ XVIII зафиксировано с целой серией значений – *«походное движ. войска; направление движ. или время, длина пути при походе; порядок, способ движ. строем в походе или торжественном шествии; сигнал к походу; походная музыка; муз. пьеса в форме марша; в функции межд. воен. как команда к началу движ. отряда, войска; прост. приказание уйти или пойти куда-л.; лестничная ступенька, приступок»*. В комедии Н.Р. Судовщикова данная лексическая единица употребляется в диалоге-напутствии в самом финале пьесы, имеющем философскую направленность. Значение этого слова – переносно-отвлеченное – «жизненный путь, дорога», не отмеченное в словаре: *«Прямиков. Ступай прямым путем, кривых не делай **маршей!**»* (Судовщиков Н.Р. «Неслышанное диво, или Честный секретарь», с. 270). В комедии Н.П. Николева это слово выполняет также функцию экспрессивного междометия, которое широко употреблялось в разговорно-просторечной сфере и обозначало «приказ уйти»: *«Крутон. Ну? так **марш** отсюда! вон! чтоб духу не было!»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 171). Комедия А.Д. Копиева дает пример употребления слова «марш» в терминологическом значении из другой сферы – музыкальной: *«Звучит церемониальный **марш**»* (Копиев А.Д. «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка», с. 493). В других сценах этой же комедии встречается глагол «маршировать», связанный с военной сферой. Характерно, что слово «марш» в САР¹, САР² не фиксируется.

Слово «куртина», вариант «куртин», заимствованное из фр. «courtine», также первоначально употреблялось в военной сфере и означало следующее: «В военном зодчестве называется стена между двумя батальонами, примыкающая ко флангам бастионь» [САР², Ч. 3: 495–496]. В течение последующих десятилетий данная лексема, детерминологизируясь, развивает свое новое значение, не связанное с военными сооружениями, отмеченное в словарях: «В садах: изгорода состоящая из деревьев» [САР², Ч. 3: 495–496]. В СРЯ XVIII приводятся значения этого

слова – «*форт. вал, стена между двух соседних бастионов; часть сада, составляющая законченное целое; шпалера в саду*». В комической опере Н.П. Николева слова «куртина» употребляется как «часть сада, составляющая законченное целое», проявляя детерминологизацию значения, утрату его связи с военной сферой и выходу в широкое употребление: «*Куртины и аллеи освещены разноцветными огнями*» (Николев Н.П. «Розана и Любим», с. 206).

Вхождение в метафорически-образный контекст комедий проявляет глагол из военной сферы «муштровать», вариант «монстрировать», известный в русском языке с первых десятилетий века в специальном значении «делать смотр войску», а позднее проникший в обиходный язык. В СРЯ XVIII семантика данного западноевропейского заимствования представлена как «*делать смотр войску; обучать воен. делу, проводить воен. упражнения*». В комедии Е.Р. Дашковой данное слово употребляется в переносном значении, не отмеченном в словаре – «*подвергать всех муштре, внушать строгие правила поведения*». Оно служит средством характеристики поведения персонажа – г-жи Решимовой: «*Пролаз. Никогда вы ее здоровье не видывали, кажется, будто бы помолодела. Г.Тоисиоков. Тем злее замуштрует весь дом, тотчас на все свои решения давать станет*» (Дашкова Е.Р. «Тоисиоков», с. 270). Сочетаемость со словом «злее» усиливает эмоциональную окраску слова.

В шутивно-ироническом контексте используются слова «командир» и «полицеймейстер» применительно к женщине: «*Марина. Беги же поскорей, скажи, что нужда, дело. Панфил. Вот новый командир! Все тотчас и поспело*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 140). В репликах Панфила слово «командир», варианты «кумандир, коммандир, коммандер, командьер», – западноевропейское заимствование нового времени, синонимичное распространенному в общелитературном употреблении слову «командирша» («женщина, любящая распорядиться, приказывать»). В СРЯ XVIII запечатлены обе лексемы, но переносные значения не отмечены – «*Командир – начальник воинской части, соединения или судна; должностное лицо, руководящее, управляющее кем-, чем-л.; то же, что командор*».

Слово «полицеймейстер», заимствованное в Петровскую эпоху из нем. языка («Polizeimeister» – «полицейский») со значением «чиновник, определенный для наблюдения благочиния и порядка в городе» [САР¹, Ч. 4: 966], употреблено в репликах полицейского Крюкостроя как обращение к возлюбленной: *«Милена! Жизнь моя! Души полицеймейстер! Клянусь управою, что я тебя люблю»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 249). Необычная сочетаемость иноязычного слова с русским отвлеченным «душа» создает комичность произносимого и одновременно специфику речевого портрета героя. В создании комизма диалога, граничащего с сатирой, участвует также фр. заимствование «ранг» («чин» – с 1706 г.), относящееся к военно-административной сфере. В комедии А.П. Сумарокова это слово употреблено в метафорическом контексте в сочетаемости со словом «блохи»: *«Дурак. О! так блохи-то высокого ранга!»* (Сумароков А.П. «Вздорщица», с. 415). Так в столкновении семантически и этимологически отдаленных друг от друга слов «блохи» и «ранг» реализуется условно-гротескная манера автора в изображении комического, создании подтекста.

Употребление военной терминологии в репликах Прямикова из комедии Н.Р. Судовщикова, казалось бы, оправдано характером его службы, воинского чина (ротмистр), но автор комически использует термины на протяжении разных сцен как характерные приметы речевого портрета этого героя: *«Прямиков. Я дам себя вот тут аркебузировать. И словом: по эфес палаши в тебя всажу... А в одной меньше нет, как три раза шпичрутен. Вот лучше б ты меня штыком царанул в бок»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 253–263). Слова «аркебузировать», «эфес», 1709 г., «шпичрутен», 1715 г., – нем. заимствования. Источником слова «палаш» в русском языке является венгерский язык (венг. *pallas*, через польск. *palasz*), в указанной комедии Н.Р. Судовщикова данный военный термин проявляет способность к употреблению в функции образного средства – олицетворения: *«Прямиков. Но в этом мой палаши тебя не удостоит»* (Там же, с. 254).

Способность иноязычных слов, относящихся к военно-бытовой сфере, выступать в метафорической функции, служить средством речевой характеристики

проявляется также в репликах из комедии Н.П. Николева. Так, служанка Марина произносит фразу, содержащую заимствованное из фр. языка слово «фузея» (фр. «fusil» – «ружье», через польское «fuzja»): *«Марина. Какой же маленький, уж подлинно фузея!»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 99). В данных репликах иронично сравнивается размер пистолета, которым размахивает пети-метр, с небольшим кремневым ружьем – фузеей, мушкетом. Слово «залп» – «одновременный выстрел из нескольких ружей, орудий» [СРЯ XVIII], имевшее в русском языке много вариантов («салп, залб, залв, зальв, залва, залф, зальф, залфа»), в комедии В.В. Капниста подвергается семантическому переосмыслению, употребляясь в сочетании со словом «кошелек»: *«Добров. Ну, а как он залп из кошелька откроет, То праву вашему на воздухе гулять»* (Капнист В.В. «Ябеда», с. 476). Характерно, что в САР² это слово имеет форму «залв» – «стреляние вдруг из многих ружей и пушек», а словоформа «залп» снабжена стилистической пометой – «просто» [САР², Ч. 2: 630].

Комизм диалогической ситуации создается образным употреблением военной терминологии в бытовой сцене – ссоре между отцом и сыном: *«Бригадир. За самое малое подлежит, по-нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутенном. Сын. Батюшка! Вам все кажется, будто вы стоите перед фрунтом и командуете»* (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 314). Слово «спицрутен» является вариантом заимствованного в 1720 г. из нем. языка слова «шпицрутен», употребленного уже в «Уставе морском», его значение – «прутья, которыми секли осужденных за воинские преступления». Лексема «фрунт» известна в русском языке с XVII в., слово романское, от фр. «front» – «лоб, чело, перед»; нем. «Front», лат. «frons, frontis» – «лоб». Во второй половине XVIII в. форма «фрунт» (как подражание фр. слову с более закрытым носовым после *-r-*) вытесняется формой «фронт», хотя А.С. Пушкин в своих произведениях употреблял вариант «фрунт». В текстах комедий отмечаются обе формы.

Образный характер придают диалогам фразеологизмы и сравнительные обороты, содержащие слова из военной терминологии. К примеру, выражение *«флаг спустить»* из комедии А.И. Клушина «Смех и горе» означает «сдаться воз-

любленной»); «*на пушку полезай*» и «*лить пули*» у Н.Р. Судовщикова – «быть готовым отдать жизнь» и «лгать». Сравнительный оборот в комедии Фонвизина – «*Глаза твои мне страшнее всех пуль, ядер и картечей!*» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 319) – передает любовные чувства героя. В создании образности драматического диалога-рассуждения о любви активно участвуют и такие иноязычные слова, как «армия» и «по-солдатски»: «*Брамарбас. Мы любим так, как нам наша должность велит, по-солдатски, мне легче крепость взять и победить армию, нежели победить и взять сердце ваше*» (Сумароков А.П. «Тресотиниус», с. 302).

Детерминологизация наблюдается и в иноязычном слове «рапорт» (от фр. «rapport», «rapporter» – «докладывать»), которое известно в русском языке с начала XVIII в. Его значение связано со служебной сферой – «донесение, сообщение младшего по званию старшему военному начальнику». Поэтому употребление этого слова в репликах сниженного «бытового» персонажа – служанки вызывает комический эффект: «*Финетта. На что ему толкования, он ведаёт о всем и без рапорта моего*» (Сумароков А.П. «Вздорщица», с. 426). На бытовую сферу переносятся также употребления глагола «лепортовать» с просторечно-диссимилиативным произношением от слова «рапортовать»: «*Викул. Осведомись, дворецкий, да отлепортуй меня. Дворецкий. Письменно прикажете себя лепортовать или словесно?*» (Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 409). В САР¹, САР² слово не отмечается.

В одной из комедий встретилось комично звучащее описательное толкование военно-политического термина – «контрреволюция» («*государственный переворот, восстанавливающий дореволюционный порядок*»; и *форт. укрепление, возводимое напротив осажденной крепости*) [СРЯ XVIII]. Персонаж Заржавин произносит: «*Да знаешь ли что такое контравалюция? ... все солдаты в ружье в барабаны бьют, начнется пальба и маршируют, а потом неприятель ретируется, то есть, направляет лыжи*» (Вязмитинов С.К. «Новое семейство», с. 257). Так он «разъясняет» непонятливой Степаниде значение этого слова. Еще один иноязычный термин – глагол «ретироваться» («отступать») персонаж уточняет с помощью русского фразеологизма «направлять лыжи». Слово «ретироваться»

пришло из западноевропейских языков в эпоху Петра I (нем. «retieren», фр. «retirer» – «отходить назад, тащить»). Во второй половине века его способность употребляться в образных контекстах привела к тому, что слово детерминологизировалось и стало широко употребляться в обобщенном значении «удалиться, уйти». Так на русской почве образовалось новое значение на базе специального – военного.

Западноевропейское заимствование «дуэль», известное в русском языке еще с начала века, семантически связанное с защитой чести, поединками в дворянской среде, употреблено переносно в значении «драка». Сочетание слова «дуэль», обозначающего в светском обществе «вооруженную борьбу двух противников в присутствии секундантов как способ защиты собственной чести», со словом «кулачный» создает комизм ситуации: *«Провор. Притом излишний хмель в них тотчас произвел, Кулачную дуэль»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 241).

Примером детерминологизации, многоступенчатого семантического развития может служить слово, первоначально относящееся к военной сфере – «магазин». В русском языке оно появляется уже в конце XVII века в двух вариантах – *«запас оружия, армейского провианта, различных предметов обмундирования»* и непосредственно *«само помещение, предназначенное для хранения этих вещей»*. Однако в течение XVIII в. это слово развивает целую серию разнообразных значений (*«госуд., общественные запасы товаров; помещение, склад для хранения их; вообще запас каких-л. вещей; строение, кладовая для хранения их; образно – о совокупности каких-л. качеств, явлений; перен. собрание, свод чего-л.; литературный сборник, альманах, журнал; название периодических изданий; торговое предприятие, лавка, первоначально принадлежащая иностранцам и торгующая предметами роскоши и моды»*) [СРЯ XVIII]. Наблюдается расширение значения этого слова, его выход в деловой язык: «магазин» теперь обозначает государственные или общественные запасы в целом. В таком значении оно начинает использоваться в речевом обиходе и к концу века обозначает «торговое заведение, предприятие», «собрание модных товаров», владельцем которых был англичанин.

Слово «магазин» в исследуемых комедиях употребляется именно в этом значении: «*Княжна. Сыскал меня в тот день в английском магазейне*» (Копиев А.Д. «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка» с. 50); «*Вздоролюбов. Я слышал, что ты имеешь целой магазин вещей курьезных*» (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 282). Для французских магазинов обычно употреблялось слово «лавка», а также «галантерея» (с 1716 г.), варианты «галантерия», «голотерея», «голонтерея» (1727 г., от фр. «galanterie» – «щегольство, мода»), один из которых отмечен в комедии Судовщикова: «*Подрядчик. Да новомодные дал черт голотереи*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь, с. 230). Лексической новацией эпохи является слово «галантерейщик» («*хозяин галантерейной лавки, продавец галантереи*»), появившееся в русском языке в 1765 г. Оно употребляется в комедии Лукина: «*Верхоглядов. Пожалуй брось это варварское имя, а называйся Галантерейщиком*» (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 222).

Специальное значение морского термина «такелаж» – «совокупность всех снастей судна» (стар. «такалаж» – устар. морск., 1720 г., из голл. «takelage») [Фасмер, Т. 4: 12] – переосмыслено в комедии Кропотова и употребляется в бытовом диалоге в значении «совокупность вещей»: «*Остромыслов. Да и воды довольно и немало такелажу и грузу еще в прибавку*» (Кропотов П.А. «Фомушка, бабушкин внучек», с. 227). Кроме того, флексия -у- говорит о разговорно-просторечном характере этого слова, и даже простонародном. Еще А.А. Барсов указывал, что это окончание принимают, в первую очередь, слова, которые принадлежат к нынешнему российскому простонародному языку, нежели к древнему славянскому.

Процесс детерминологизации в комедиях демонстрирует и западноевропейское заимствование – «галерея». В Петровскую эпоху это слово употреблялось в военной сфере, в основном, как морской термин в значении «балкон на корабле, вокруг кормы» и фортификационный – «траншея, подземный ход, подкоп». Позднее у него развиваются новые значения – «музей, собрание картин», «длинная комната, переход», «легкое продолговатое строение», «крыльцо», частично отраженные в академических словарях эпохи: «длинная комната; крыльцо крытое, по

длине строения делаемое» [САР¹, Ч. 2: 18–19]. В комедии С.К. Вязмитинова «Радость душиньки» это слово употреблено в форме «галлерей» и обозначает «красивую длинную комнату в богатом доме».

Таковы особенности употребления военной терминологии, подвергшейся процессам детерминологизации, в различных контекстах комедий.

Воздействие языка науки на язык художественной литературы и, в конечном итоге, на русский литературный язык становится все более ощутимым. Помимо военной терминологии, выходит за пределы узкоограниченного употребления и *торгово-финансовая, экономическая, юридическая и медицинская терминология, а также термины различных наук и искусства*. Данный процесс активизируется к концу века и достигает своего апогея в XIX в. «в недрах художественной прозы, литературной критики и журналистики, испытавшей воздействие романтических стилей с их склонностью к эмфазе, аффектации и изысканности выражения, к субъективно-неожиданным особенностям словоупотребления и приемам сочетания слов, часто далеких по своему исходному смыслу» [Сорокин, 1965: 355]. Многие выражения приобретут статус стандартных речевых оборотов эпохи, но в XVIII в. преобладающей оказывается творческая манера драматурга, система его индивидуальных стилевых черт и приемов. Так, например, слово «кредит» было впервые заимствовано из фр. языка (фр. «crédit» – «вера», «доверие») в 1703 г., оно обозначало *«уверенность в чьей-л. искренности, добросовестности; доверие; в сфере фин. отношений; фин. возможность получения товаров, денег в долг; отсрочка платежа; авторитет, влияние, высокое положение»* [СРЯ XVIII]. Однако в комедиях, помимо прямого значения – «доверие; авторитет, сила» («**Милон**. Я состою у ней в таком **кредите**, что она поручила мне счета свои с графинею» – Левшин В.А. «Мнимые вдовцы», с. 46; «**Купец**. Не уже ли таки ее слово не имеет **кредиту**?» – Дашкова Е.Р. «Гоисиоков», с. 296 и др.), данная лексическая единица употребляется в терминологическом значении, связанном с банковской сферой («**Викул**. Хозяин-та мой стал вступать в дела да в **кредиты** с большими боярами, да и стал от того банкротом» – Плавильщиков П.А. «Сиделец», с. 510) и получает образное переосмысление, связанное с любовными чувст-

вами, на базе терминологического: *«Модстрих. Отплачу. Марина. А мой тебе совет остаться при кредите»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 132). В САР¹, САР² слово «кредит» вообще не зафиксировано, а в толковом словаре XIX в. [Словарь 1847, Т. 2: 218] оно толкуется только как «доверие, делаемое кому-либо при ссуде его деньгами, или при передаче товаров в долг».

Широкое распространение в речевом обиходе XVIII в. получил термин из финансовой сферы «капитал» как *«общая сумма денег, составляющая чью-л. собственность; запас продуктов, имеющих денежную стоимость; сумма денег, истраченная на что-л; фин. деньги, вкладываемые в производство»* [СРЯ XVIII]. В комедиях разных авторов это слово употребляется в нескольких значениях, одно из них – «денежное состояние, богатство»: *«Кривосудов. Вы с вашим разумом изволили нажать, Велик ли капитал?»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 195). Детерминологизация значения проявляется в том, что слово «капитал» получает выход в образный контекст посредством эмоционально-оценочного суффикса *-ец*, свойственного разговорной речи. В результате – создается непринужденный характер драматической реплики, имитирующей диалог-беседу: *«Кривосудов. Из чести он себе собирает капиталец!»* (Там же, с. 196). Кроме того, в данном диалоге слово «капитал» выходит за рамки материального значения и употребляется в отношении вещей абстрактных – чести, совести, нравственного капитала. Надо отметить, что в комедии М.И. Веревкина слово «капитал» употребляется и в прямом значении – «имущество, деньги»: *«Щелкоперов. Не больше оставил после себя капиталу!»* (Веревкин М.И. «Имянинники», с. 296).

Некоторое сужение значения наблюдается в иноязычном слове «контрабанда», появившегося в русском языке в 1781 г. в значении *«товар, запрещенный к провозу через госуд. границу; тайный беспошлинный провоз запрещенных товаров»* [СРЯ XVIII]. В комедии И.А. Крылова данное слово употреблено в значении «собственно товар, провезенный таким способом» (*«Маиша. Негодный француз Трише грозил донести, будто у нас есть контрабанда»; Сумбуров. Ну, хорош*

товар! Вот тебе контрабанда!» – Крылов И.А. «Модная лавка», с. 278–291). В САР¹, САР² это слово не зафиксировано.

В административно-правовой сфере употребляется слово «штраф» (от нем. «Straff» – «наказание; казнь»), в САР² оно отмечено как «пеня, взыскание денежное за вину, за проступок, за упущение должности» [САР², Ч. 6: 1378]. Наряду с исконно русскими словами – «наказание», «казнь» – данная лексема первоначально имела общее значение «наказание», но к концу века значения указанных слов несколько дифференцируются, особенно у слов «штраф» и «пеня». В словаре Н.М. Яновского [Яновский 1806, Т. 3: 1120] слово «штраф» означало «наказание по суду за проступок, подлежащий судебному ведению», «пеня» же налагалась не по суду, а за вины более легкие. В этом же значении слово «штраф» и употребляется в комедиях Сумарокова: *«Подьячий. И весь нам штраф только в том, что нас на цепь сажают»* (Сумароков А.П. «Тресотиниус», с. 312). Оно органично входит в стилизованные разговорные диалоги: *«Додон. Господин Финист, какой ей за это штраф сделать должно?»* (Сумароков А.П. «Чудовищи», с. 327).

Известное в разных специальных сферах, в том числе и в морской, торгово-экономической, финансовой, заимствованное слово «курс» с серией значений – *«морск. направление движения корабля; движение, ход, путь следования; о гулянье, конной прогулке; о турнирных ристаниях в рыцарской карусели; о конном набеге, налете; фин. сравнит. стоимость денежных знаков и ценных бумаг; систематич. изложение учеб. предмета; систематич. образование в какой-л. области; полный круг, цикл каких-л. процедур; попечение, забота»* [СРЯ XVIII] – характеризуется тем, что различные значения этого слова, используемые в комедиях, заимствованы из разных языков. Финансовый термин, представленный в репликах Подрядчика, – из голландского языка через посредство немецкого: *«Подрядчик. Профиту нет совсем: а курс весьма пренизкой»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 229), а «курс» как термин астрономии – из французского: *«Модстрих. Конечно; и я так, как солнце в курс пуцаюсь! Марина. Курс ...не можно ль отложить?»* (Там же, с. 156). Морской термин «курс» пришел в русский язык из лат., через голландский и немецкий языки: *«Остромы-*

слов. Например, я вступил в море при Святом Городе Петра, а держал курс до Ливерны, италийского города» (Кропотов П.А. «Фомушка, бабушкин внучек», с. 387). Детерминологизация значения данного слова наблюдается в комедии Судовщикова – в метафорических репликах ветреного петиметра, сравнивающего себя с Солнцем. Такое же образное словоупотребление свойственно и высказываниям служанки Марины, которая под словом «курс» подразумевает поведение Модстриха, любящего «проказить в свете».

Способность к переносному употреблению наблюдается также в наименованиях слов из *денежной сферы*. Так, в текстах исследуемых комедий иноязычные слова «монета», «империал» служат образной номинацией человека в устойчивых оборотах речи. Персонаж Скопидомов из комедии В.А. Левшина произносит слово «монета», известное в русском языке с Петровской эпохи, в словарях – с 1731 г. (из лат. «moneta» – эпитет богини Юноны, предупредившей римлян о землетрясении в храме возле Монетного двора), говоря о красивой молодой девушке: *«Скопидомов. На эту монету ныне лаж велик!»* (Левшин В.А. «Своя ноша не тянет», с. 197). В СРЯ XVIII данное слово толкуется как: *«металлический денежный знак; прост. денежная единица опред. достоинства; деньги; ед.ч. в знач. собир. ассигнация; перен. и образно – установленный в государстве денежный курс»*. Метафорически-образный характер реплики персонажа Скопидомова поддерживается иноязычным словом «лаж», создающим подтекстовый характер произносимых реплик. Следует отметить, что этот новый финансовый термин заимствован из итальянского языка в конце века, в 1783 г., как *«разница, взимаемая при обмене одной монеты на другую»* [СРЯ XVIII].

Слово «монета» образно употребляется и у других авторов, к примеру, в комедии Княжнина «Хвастун» в разоблачающих репликах Полиста: *«Узнали б все, что мы фальшивая монета»* (Княжнин Я.Б. «Хвастун», с. 468). Устойчивый оборот «добрая монета» характерен для комедий И.А. Крылова *«Каре. Она должна платить мене добра монет»* (Крылов И.А. «Модная лавка», с. 74); *«Ванька. Я ему этот пирог отплачу доброю монетою, он не будет о нем сожалеть»* (Крылов И.А. «Пирог», с. 86). В комедии М.И. Веревкина данное слово входит в об-

разный контекст, употребляясь в сочетании «армейская монета», под которым подразумевается поцелуй девушки: «**Угар.** Заплати за безчестье и увечье нашею **армейскою монетою**: хоть уже один поцелуй брось мне в глаза» (Веревкин М.И. «Так и должно», с. 251). В комедии Лукина «Мот, любовь исправленный» в прямом значении употребляется просторечная форма муж. р. – «манетец». Таким образом, семантическая адаптация слова «монета» проявляется в его способности употребляться в переносном значении в составе фразеологизмов, в приобретении словом просторечного значения, в контекстуальной трансформации.

Встречаются и другие показательные примеры адаптации иноязычных слов из данной сферы. Персонаж Чужехват из комедии А.П. Сумарокова словами «*рублевичок мой, червончик мой, имперIALчик мой*» любезно называет свою служанку Нису, на которой хочет жениться. Такое словоупотребление служит штрихом к речевому портрету отрицательного персонажа комедии с сигнификантной фамилией, для которого деньги – главное в жизни: «**Чужехват.** А тебя, *рублевичок мой, червончик мой, имперIALчик мой*, возьму я за себя и силу» (Сумароков А.П. «Опекун», с. 383). В приведенных репликах Чужехвата употреблено заимствованное слово – «имперIAL» – «*русская золотая монета достоинством в десять рублей, введенная в 1755 г.*» [СРЯ XVIII]. Употребляясь в ряду однородных членов с уменьшительно-ласкательным суффиксом, данное слово создает экспрессивность реплики, выступая в функции тропа – олицетворения. В дальнейшем в русском языке появится новое значение этого слова, заимствованное из французского языка, – «*фр. impérial. Род карточной игры*» [СРЯ XVIII].

Переносно-образному употреблению в комедиях подвергаются иноязычные наименования различных учреждений, а также должностей, канцелярская терминология. Расширение сочетаемости с разного круга лексикой, в том числе разговорной, способствовало свободному выходу этих слов в литературное употребление – в язык комедий, а через них и в разговорную речь. К примеру, в различных диалогах встречаются канцелярские обороты с иноязычными словами, не уступающие в речевой экспрессии разговорным словам и выражениям: «**экстрактец** сочинить; **регламент** нагнуть; *под вас поддвинут манифест*»; «*а с апелля-*

цией уж голой дуи в столицу» (Капнист В.В. «Ябеда», с. 473–492); *«На это мы еще не положили штату»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 200); *«Потрися около архивы!»* (Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 429); *«Хотят меня в магистрат спровадить!»* (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 283); *«Министров рассадил по бешеным домам»* (Крылов И.А. «Подщипа», с. 192). Разумеется, термины «апелляция, манифест, регламент, министр и др.» – не новые заимствования данного времени, но их вхождение в стилистически маркированный контекст комедий способствовало более глубокому внедрению данных слов в семантическую систему русского языка. Термин «магистрат» представляет интерес по той причине, что он является новым наименованием судебно-административных учреждений, введенных Петром для управления торгово-промышленными делами. Отметим, что слово «министр» в западноевропейских языках имеет значение – «посланник» и «священник».

Различным семантическим преобразованиям в комедиях подвергается *научная терминология* (из точных наук, естественных, общественно-философских и гуманитарных), а также лексика из сферы *искусства, музыки, театра; термины карточной игры, медицины*. В этом отношении показательной является комедия Н.П. Николева «Опекун профессор, или Любовь хитрее красноречия» – «развлекательный пустячок с воскрешением уже забытого комедией персонажа-педанта» [Берков, 1972: 211]. Язык этой комедии дает многочисленные примеры детерминологизации иноязычной гуманитарной терминологии из сферы риторики, литературы, приведем примеры. Профессор «елоквенции» Старон, чтобы завладеть наследством девушки-сироты, чрезмерно «опекает» ее, хочет на ней жениться. В силу своей профессии он употребляет привычные для него научные термины, выполняющие функции довольно необычных обращений. Их подчеркнуто-метафорическое содержание создает экспрессивность диалогических реплик и комизм ситуации: *«Старон. Пресловутая моя Елоквенция!»* (Николев Н.П. «Опекун профессор, или Любовь хитрее красноречия», с. 26). В другой сцене раздраженный профессор ругает Елизу, которая не подчиняется ему, и произносит реплику, содержащую литературоведческий термин: *«Злодейка! Движущая ме-*

тафора прелепаго Купидона» (Там же, с. 27). Еще в одном диалоге-споре Елиза, чтобы рассердить надоевшего «возлюбленного», иронически произносит: «**Елиза.** Я заметила, г. профессор, что ребята бегают за тобой, а большие за мной. **Старон.** Ты насмехаешься надо мною! Ты всего скорее в риторике поняла **иронию**, а что нужно для твоего полу, ты никогда того не понимаешь!» (Там же, с. 13). Старон, поняв намек, называет слова девушки «иронией» и «аллегорией». Данная терминология («елоквенция, метафора, аллегория») создает образную основу шуточной комедии-оперы, передает специфику образа персонажа, способствуя вхождению специальных слов в общелитературный оборот. Этимологическая характеристика этих терминов следующая: «елоквенция» («элоквенция») заимствована из лат. «eloquentia» – ораторское искусство; «метафора» из греч. «metaphora» – «перенос», «аллегория», также из греч. «allegoria» – «иносказание», «намек»; «ирония» – греч. «eironeia» – «тонкая, скрытая насмешка». В данном ряду самым новым лексическим заимствованием, вошедшим в русский язык в 1757 г., является заимствование из греческого языка – термин «ирония» – «лит. стилистич. прием, состоящий в употреблении слова или выражения в противоположном их знач. с целью насмешки; тонкая насмешка», о чем свидетельствуют данные СРЯ XVIII.

Давнее заимствование из классических языков – «грамматика» («наука о языке; правила употребления языка; книга, учебник, содержащий правила этой науки; первая ступень обучения в некоторых училищах» – СРЯ XVIII) – также проявляет склонность к детерминологизации, входя в образные, и даже комические ситуации. Так, в комедии Д.И. Фонвизина г-жа Бригадирша, невежественно рассуждая о роли грамматики в жизни людей, заявляет: «**Конечно, грамматика не надобна**» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 53). Сужение значения термина «грамматика» проявляется в его ситуативном употреблении, – в значении «учебник»: «**Бригадирша.** Прежде нежели ее учить станешь, так вить ее купить еще надобно. **Советница:** Черт мне возьми, ежели грамматика к чему-нибудь нужна, а особливо в деревне» (Там же, с. 53). В комедии И.А. Крылова встретилось слово-

сочетание с необычным лексическим наполнением – «говорить по грамматике», т.е. «гладко, правильно, без ошибок» (Крылов И.А. «Проказники», с. 163).

Процессу детерминологизации в комедиях подвергается специальное слово из сферы грамматики и астрономии – «деклинация». Затухание терминологичности с течением времени привело к развитию нового значения, в жаргоне петиметров – «склонность, влечение к кому-либо» (от фр. *decline* – то же), ср. в комедии: *«Олимпия. Я к нему подлинно склонность имею. Минодора. Какую склонность? Совсем таки деκлиацию имеешь. Олимпия. Матушка! Да это все равно, что инκлинация, что склонность. Минодора. Нет, склонность то к другому иметь можно: а деκлиация то к одному амуру надлежит. Олимпия. Ин пускай я к нему и деκлиацию имею»* (Сумароков А.П. «Мать – совместница дочери», с. 295). Характерно, что Олимпия слова «деκлиация», «инκлинация» и русское слово «склонность» употребляет как синонимы (*«Олимпия. Матушка, да это все равно, что инκлинация, что склонность»* – Сумароков А.П. Там же, с. 295), но ее мать разграничивает их, уточняя, что слово «деκлиация» надо употреблять только в любовном контексте. Эта реплика проясняет специфику употребления значения заимствованного слова в речевом обиходе того времени. Следует отметить, что в САР¹, САР² эти термины отсутствуют, а СРЯ XVIII отражает их значения: «деκлиация» – «астр. склонение солнца; граммат. термин»; «инκлинация» – «склонность, расположение; от фр. *décliné* – склонность, влечение (в жаргоне петиметров)». В комедии Д.И. Фонвизина употребляется еще одно иноязычное слово из лингвистической сферы – «термин» (лат. *terminus*, фр. *terme*) в значении – «слова, выражения, речения», распространенное в русском языке с 20-х гг. XVIII в.: *«Бригадир. Ну, не прямой ли ты болван? Я тебя назвал дураком, а ты думаешь, что я лъщу тебе: эдакой осел. Сын. Эдакой осел! Я вам еще сказываю, батюшка, что мои уши к таким терминам не привыкли»* (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 314).

Во второй половине XVIII в. еще более интенсивным становится процесс широкого выхода в общее употребление терминов из сферы «литература, искусство, театр». Так, например, у слова «комедия», вариант «комедь», помимо ос-

новного значения – «драматическое произведение с веселым сюжетом, его сценическое воплощение» («*Змея. Я чаю мы из них комедию составим*» – Херасков М.М. «Ненавистник», с. 63; «*Флена Дробина. А как скакуны и плясуны после комедии покажутся*» – Екатерина II «Шаман Сибирской», с. 222; «*На них же комедь пишут*» – Копиев А.Д. «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка», с. 491) – отмечено и переносное. Оно отражено во фразеологизме с разговорно-просторечной формой слова – «комедь» («*выкинуть комедь*» – Вязмитинов С.К. «Матросские шутки», с. 186); в значении «помещение театра», на сцене которого ставились комедии («*Флена Дробина. Поезжайте в комедию*» – Екатерина II «Шаман Сибирской», с. 221; «*Госпожа Решимова. Спешу одеться, чтобы обедать в гостях, после в комедию, оттуда на бал*» – Дашкова Е.Р. Тоисиоков, с. 283); и в значении «смешное, забавное происшествие» («*Пасквин. Да что у них там делается! Турса. Целая комедия: Кларисса любит Октавия, и за него хочет выйти: Оронт на то согласен*» – Сумароков А.П. «Нарцисс», с. 133), а также в просторечном значении – «случай, история» («*Изяслав. Что это, сударь, за комедия? Ольга. Повадился к нам сумасшедший*» – Сумароков А.П. «Три брата со-вместники», с. 101). В комедии Левшина встречается его дериват в значении «смешной, забавный», но в довольно необычном контексте – «*Целует руки комическим образом*» (Левшин В.А. «Свадьба г-на Волдырева», с. 136).

В значении «место, здание» употребляются в исследуемых комедиях и литературно-театральные термины, такие, например, как «интермеция» («*Хавронья. Расхвалили мне какую-то интермецию и уговорили меня туда съездить*» – Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 350) и «маскарад», «мускарадный дом». САР² объясняет «маскарад» как «собрание людей в масках, сходящихся в нарочно приуготовленной к тому дом для веселья» [САР², Ч. 3: 704]. В XVIII в. существовало несколько вариантов этого слова, вошедшего в русский язык из итальянского языка в 1742 г., о чем наглядно свидетельствуют данные СРЯ XVIII: «Маскарад, маскарат, маскарет, маскерад, машкарад, машкарада, мушкарад» – «*костюмированный бал, вечер, на который приходят в масках; гулянье ряженных; перен. участники маскарада; ряженные; ма с к а р а д, собир. то же, что маска*».

В комедии Д.В. Волкова слово «маскарад» также служит названием праздника, бала – «*для всякого маскараду; последнего маскараду; за неделю до маскарада*» (Волков Д.В. «Воспитание», с. 73). Характерно, что в русском языке данной эпохи это слово имело синоним «дóмино, дóмина», более ранний, 1739 г. Позднее оно развило новое значение – «*маскарад. одежда, плащ с капюшоном и широкими рукавами; о человеке в таком костюме*» [СРЯ XVIII]. В комедии В.И. Лукина встретился пример употребления его однокоренного слова: «*Притворов. Подай мне доминную маску*» (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 203).

Термин «интермеция», вошедший в русский язык в 1772 г. («*театр. небольшая сценка, часто с музыкой, пением и танцами, вставленная между действиями в спектакле; спектакль, пьеса с танцами и пением*») [СРЯ XVIII], является образованием по типу «интермедия», «интермеццо» (итал. «intermezzo» из лат. «intermedium» – «находящийся посреди»). В исследуемых комедиях встретилось слово «интермеция» в довольно необычном контексте. С одной стороны, это название музыкального жанра («*небольшое музыкальное произведение свободной формы для фортепиано, оркестра*»), с другой – указание на место, в котором ставятся интермеции, конкретизируемое словом «туда»: «*Хавронья. Так расхвалили мне какую то интермецию и уговорили меня туда съездить*» (Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 9).

Таким образом, термины литературы и искусства, разные по времени заимствования, выходят за пределы специальной сферы в литературный оборот, обиходную речь, в ряде случаев утрачивая терминологический характер, приобретая контекстуальное значение.

Широкое распространение этих слов происходит и благодаря популяризации театрального искусства, жанра комедии. В ряде случаев иноязычные термины употребляются в непринужденной беседе персонажей в сочетании с разговорно-просторечной лексикой, создающей экспрессивность драматического текста, что, в конечном итоге, может служить важной ступенью их детерминологизации: «*Над драммою потел*»; «*Сатирку слепить*» (Херасков М.М. «Ненавистник», с. 72–79); «*взворотить на себя трагедию*»; «*Кукует рифмами*»; «*Эпиграммы вы-*

ползли на свет»; *«Хоть горло раздери и прозой, и стихами»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 149). И многие из них – лексические новации эпохи. Это греческие заимствования «эпиграмма», 1732 г., «трагедия», начала XVIII в.; лат. «проза», 1729 г., и «драмма». Некоторые из этих слов в дальнейшем приобретут новые, переносные, значения, в частности, «трагедия», «драма» и др., например: *«Драма – перен. трагич. событие, происшествие; тяжелое душевное переживание»* [СРЯ XVIII].

В разнообразных по стилистической окраске диалогах широко употребляются наименования некоторых традиционно поэтических образов, а также литературная терминология иноязычного происхождения, передающие остроту сюжета. Богатый материал в этом отношении дает комедия Н.П. Николева «Самолюбивый стихотворец», патетический характер которой в ряде случаев создается за счет употребления заимствованных слов. Одно из них – слово греческого происхождения «Парнас», 1735 г., и его производные: *«Я тотчас усмирю парнасского коня; парнасский осел; Парнас! драгой Парнас! К тебе ль ползут клопы? С Парнаса гадину дай выгнать повеленье; Чахотных рифмачей парнасская перхота; Я сам нарцызов всех до смерти не люблю»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 127). В других комедиях также находим употребление литературно-мифологической терминологии («Муза», 1704 г., греч.; «Фортуна» – «счастье, удача», с нач. XVIII в.; «Амур», «Нарцисс» и др.), в том числе и в бытовых контекстах, например, в комедии Лукина В.И. «Щепетильник»: *«Не заводи Муз в избу; это не их, а твое жилище»*, с. 293; Хераскова М.М. «Ненавистник»: *«Теперь дорога мне к Фортуне отворилась»*, с. 89; Сумарокова А.П. «Нарцисс»: *«Пускай подлыя и ненасытныя люди таскаются и ползают по комнатам Фортуны, отягощая и себя, и чад Фортуны»*, с. 148; Княжнина Я.Б. «Чудаки»: *«И в волокитстве мне когда Амур так лих!»*; *«Теснее с музами в союз хотим вступить»*, с. 8, 83. В сценах из комедии Крылова «Проказники» Плутана, обращаясь к лекарю Ланцетину, сочиняющему стихи, иронично произносит: *«Плутана. А я вас искала на Парнассе, то есть в вашем кабинете»*, метафорически соотнося иноязычное слово «Парнасс» с конкретно бытовой реалией – «кабинет», фр. заимствованием на-

чала века («комната в доме для уединения, каких-л. занятий; специально оборудованное помещение для научной и др. работы»), впоследствии развившим переносное значение – «уединенная садовая беседка» [СРЯ XVIII].

В комедии А.И. Клушина «Смех и горе» употребляются греческие термины стихосложения – «ямб», 1720 г., «трофей», 1715 г., «спондей» и «дактиль», отмеченное в СРЯ XVIII как заимствование начала XIX в. В одной из комедий А.П. Сумарокова также встретилось новое заимствование второй половины века, 1751 г., из этой же сферы – «куплет» («*строфа стихотворения или песни*»): «**Тресотиниус**. *Хоть один куплет еще прочесть мне позволь*» (Сумароков А.П. «Тресотиниус», с. 302). Однако процесс детерминологизации не затронул эти слова, хотя их выход в широкое литературное употребление подтверждается данными разных источников.

Многие иноязычные термины, относящиеся к сфере «театр, искусство», в текстах стихотворных комедий легко рифмуются с широкого круга лексикой, проявляя тенденцию к семантическому переосмыслению, дифференциации значения. Так, например, слово «роль», пришедшее в русский язык из фр. языка в 1784 г. («*role*» – «роль, список», от лат. – «бумажный свиток для актеров») и имеющее значение «образ, воплощаемый актером на сцене», употребляется переносно в одной из комедий Н.П. Николева. В речевой партии петиметра это слово, рифмующееся с французским вкраплением «дроль» («*drôle*» – «смешно, забавно»), приобретает новое контекстуальное значение, выходящее за пределы театральной сферы: «**Модстрих**. *И будучи женой... женой? Как это **дроль!** Жена и муж! Смешна...смешна обоих **роль!***» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 159). В комедии Я.Б. Княжнина слово «роль» употреблено в ином значении – «определенные действия персонажа», причем в форме «роля», заимствованной из нем. языка в 1722 г. (нем. *Rolle*): «**Прият**. *Я делать все готов, что ты мне ни велишь. **Пролаз**. Изрядно. Слушайте ж: скажу я вашу **ролю***» (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 80). Пьеса Сумарокова представляет еще один вариант этого слова – «*роль*», также немецкого по происхождению: «**Нарцисс**. *Она представ-*

ляла в трагедиях и комедиях любовныя **роли**» (Сумароков А.П. «Нарцисс», с. 13). Характерно, что в САР¹, САР² слово «роль» не фиксируется ни в одной из форм.

В некоторых сценах комедий встречается переносное употребление названий различных литературных жанров. Так, в комедии Я.Б. Княжнина употребляется слово «эклога» в составе метафорического оборота. В переводе с греч. оно означает «стихотворный диалог», словарь эпохи толкует это слово как «род пастушеского стихотворения, в котором обыкновенно представляются разговаривающие пастухи» [САР², Ч. 6: 1416], а в драматическом диалоге его значение становится переносным, шутивно-ироничным. Выражение «уйти в эклогу» означает – «быть старомодным в подборе имени»: *«**Прият.** Семен! Коль жесткое название ушам! Не лучше ль Филемон, иль Тарсис, иль Арсам! Или хотя Аркас? **Пролаз.** Опять ушел в эклогу!»* (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 82).

В некоторых сценах комедий литературные термины могут создавать комизм диалогической ситуации – *«**Ланцетин.** Дядя Милонов Азбукин занемог, и я ему вместо рецепта привязал к пузырьку **епитафию** ошибкою»* (Крылов И.А. «Проказники», с. 170), создаваемый за счет необычной сочетаемости лексических единиц (вместо рецепта он *«привязал к пузырьку епитафию»*). Известно, что слово «епитафия» – «эпитафия» (фр. «épitaphe», из лат. «epitaphium» – «могила») означает «короткое стихотворение, посвященное умершему», и в репликах лекаря Ланцетина, который вместо лекарства предлагает больному «могилу», слово «епитафия» звучит более чем комично.

Примером экспрессивного употребления наименования литературного жанра («эпиграмма») может служить диалогическая реплика персонажа Тянислова из комедии И.А. Крылова, содержащая это слово («Epigramma», 1709 г., греч. через нем. яз., – «небольшое стихотворение, надпись, состоящее из острой мысли»): *«**Тянислов.** Что там в эпиграмме, где ты сама; написать эпиграмму смешнее тебя»* (Крылов И.А. «Проказники», с. 235). Так, прекрасный и одновременно смешной образ девушки персонаж соотносит с термином из сферы «литература». В комедии А.П. Сумарокова слово «эпиграмма», сочетаясь с фр. заимствованием XVII в. «дюжина», участвует в создании образности реплик со смысловой гипер-

болизацией: «*Критициондиус. Сложил я шесть дюжин эпиграмм*» (Сумароков А.П. «Чудовищи», с. 317).

Слово «роман» (ст.-фр. «romanse» – «повествование по-французски, не по-латыни») употребляется в комедии «Победа невинности или Любовь хитрее осторожности» в значении «любовные отношения, связь»; в других комедиях встречаются его производные «*романныя (беремя); романтические (мысли)*» – Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 80; «*романтически (заболтала)*» – Клушин А.И. «Смех и горе», с. 86, связанные со словами «роман, романтика». Характерно, что в САР¹, САР² эти слова не зафиксированы. Исследователь И.Ю. Елисеева рассматривает слово «роман» в кругу формирующейся литературоведческой терминологии XVIII в. [Елисеева, 1984: 21].

Слово «оригинал», употреблявшееся в русском языке начала XVIII в. в значении термина из сферы литературоведения «подлинник литературного произведения», в дальнейшем начинает развивать и новое значение – «человек со странностями, чудака», что способствует снятию с него терминологичности. Оно имело разнообразные варианты. В исследуемых комедиях это слово употребляется в двух значениях, отмеченных в словаре, например, в комедии А.П. Сумарокова «Чудовищи» в значении – «подлинник»: «*Критициондиус. То какого-нибудь великого автора оригинал*» (Сумароков А.П. «Чудовищи», с. 318), а у Крылова в «Проказниках» реализуется его словарное значение «человек со странностями, чудака». В САР¹, САР² слово не отмечено.

Из *театральной* сферы в живое употребление входят слова-синонимы «буффон» – «актер, пользующийся приемами шутовства, буффонады» (1738 г., ит. «buffo, buffone») и «гаер» (20-е гг. XVIII в., нем. «Geyer») – «балаганный шут». Эта лексика является предикативно-характеризующей, обозначает особенности поведения человека – «тот, кто балагурит и ведет себя на потеху другим». Отметим, что данные слова являются заимствованиями нового времени: «*Модстрих. Конечно, ты буффон?*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 152). В комедии Н.Р. Судовщикова слово «гаер» звучит в репликах дворника Асмодея как ответ на вызывающее поведение служанки: «*Стрела. (дразнит.) Хоть потанцуем*

мы. *Асмодей. Ты, вишь ли, скалозубка, А я не гаером достался ведь твоим*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 225). Характерно, что слово «буффон» отсутствует в САР¹, САР², а «гаер» толкуется как «лицедей, в простонародных игрищах представляющий шуточные деяния и речи» [САР², Ч. 1: 1076] без указания этимологии. СРЯ XVIII отмечает все значения этих заимствований: «Буффон – комич. актер, актер-певец в опере-буфф; шут, забавник; комич. персонаж (в ит. комедии); «Гаер – актер в народных игрищах; шут».

Расширение значения можно проследить и у термина из сферы танцев – «па» в составе деепричастного оборота («делав разныя па») в одном из диалогов комедии. Это слово в танцевальном номере означает «шаг», «движение» или какую-либо составную часть танца. Время его появления в русском языке – 1733 г. (от фр. «pas» – шаг), хотя САР¹, САР² его не фиксируют. Это слово неизменяемое, отражающее важные процессы русификации лексем, в дальнейшем укоренившихся в речи, – «бюро, экю, колибри» и др. В комедии слово «па» характеризует особенности поведения девушки, которая при неожиданном появлении ее возлюбленного хочет скрыть смущение различными движениями, приплясыванием: «*Милон. Что, сударыня! Не выдав меня неделю, принять так холодно, так равнодушно, распевая, и делав разныя па?*» (Левшин В.А. «Мнимые вдовцы», с. 13).

Широко распространенным в комедиях является слово «театр», это приводит к некоторой утрате его терминологичности. Многоконтakтность и одновременность языкового посредства явились причинами появления фонетического варианта «феатр», передающего французскую словоформу «théâtre». Чередование *т/ф* было связано с разными чтениями французского начертания [th], в котором видно и греческое влияние («*θεατρο*»). В русском языке это слово употреблялось в нескольких значениях: 1) здание театра; 2) сцена, подмостки; 3) зрелище, представление; 4) место, поле действия; 5) место для обозрения чего-либо. Академические словари данного времени отмечают лишь два значения слова «феатр» – 1) «Здание, в коем представляются зрелища» и 2) «Собрание феатральных сочинений» [САР¹, Ч. 6: 1065]. Позже у этого слова образуются омонимы, которые бу-

дуют употребляться и в современном русском языке. В исследуемых комедиях чаще всего встречается словоформа «театр», а «феатр» – довольно редко (в основном, в комедиях Екатерины II), хотя эти дублеты имеют идентичные значения: *«Театр представляет деревенскую горницу Гура с лежанкой»* (Копиев А.Д. «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка», с. 486); *«Театр представляет комнату, убранную по-деревенски»* (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 297); *«Плаксин. Театра берегись, и берегись собраний»* (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 33). Помимо помещений, слово «театр» в XVIII в. могло обозначать разнообразные декорации, пейзаж, на фоне которых происходило действие (*«Театр представляет луг, окруженный лесом; Театр представляет регулярный со всеми отношениями сад»* – Николев Н.П. «Розана и Любим», с. 172–206; *«Феатр представляет берег Невы реки»* – ремарка из комедии «Лжец»), а также непосредственно «зрелища, представления в специальных помещениях»: *«Театры, балы, маскарады»* (Клушин А.И. «Алхимист», с. 468).

Широкие сферы применения в то время имело слово «тон», заимствованное в нач. XVIII в. (через нем. «Ton» или фр. «ton» из лат. «Tonus» от греч. – «натяжение», «натягиваю»). Первоначально оно обозначало понятие из сферы «музыка» – «музыкальный звук определенной высоты». В результате переосмысления значения данная лексема начинает употребляться как «оттенок голоса»: *«Анюта. Тон привлекательный, взгляд нежный, вид, покорство»* (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 102); и в значении «манера говорить, принятая в высшем свете»: *«Жеманиха. Милена светского совсем не знает тону!»* (Хвостов Д.И. «Русский парижанец», с. 178). В комедии В.А. Левшина «Мнимые вдовцы» встречается музыкальный термин – «полутон». В САР¹, САР² эти слова не отмечены.

В сценах из комедии В.А. Левшина употребляется и другой музыкальный термин – «такт» («Такт» – нем. или фр. «takt», от лат. «Tactus» – «прикосновение, осязание»), обозначающий, в отличие от его значения в языке-источнике, «метрическую музыкальную единицу, ритмичность». Слово отмечено в академическом словаре со значением «музыкальное слово; частица музыкального сочинения; мера песни относительно скорости пения» [САР², Ч. 6: 666]. Это иноязычное слово

создает особую тональность диалогических реплик наряду с другой музыкальной терминологией («*такт, фортопиано, дискант, бас, компонист*» и др.), в кругу которой имеются новые заимствования – «компонист» и «дискант», 1763 г., – «*высокий певческий голос (мужской или детский); певец, поющий дискантом*» [СРЯ XVIII]. Форма «фортопиано» отмечена как итальянское заимствование, 1785 г., через западноевропейские языки. Новая музыкальная терминология органично входит в диалоги и других авторов, см. комедию А.И. Клушина «Смех и горе», в которой встретилось заимствование «минуэт», варианты «менуэт, меновет, минаввея» в значении «*танец с плавными движениями, поклонами и реверансами; мелодия, музыка этого танца*» [СРЯ XVIII]. А также комедию В.А. Левшина, И. Фр. Керцелия «Король на охоте», содержащую термины «симфония», 1727 г., и новое итальянское заимствование 1794 г. «ритурнел» («музыкальный эпизод»). Следует отметить, что слова «проба» (через польск. «proba» – «проверка, испытание» или нем. «Probe» – «проба», от лат. «испытывать, проверять») и «экспрессия» относятся в комедии Клушина к сфере «музыка». Слово «музыка», греческое заимствование, также демонстрирует переносное употребление в разных комедиях, в СРЯ XVIII оно отражено в ряде значений: «*вид искусства, основанный на гармонии звуков (инструмента, голоса); произведение этого вида искусства; исполнение, звучание муз. произведений; о мелодии, мотиве; муз. сопровод., аккомпанемент; оркестр, музыканты, муз. инструмент; приятное для слуха звучание стихов, речи и т. п.; благозвучие; о звуках, издаваемых птицами, насекомыми*». Надо отметить, что акцентологическая форма «му́зыка» отмечена в словарях лишь с 1800 г., и данная лексема могла быть заимствована через посредство австр.-нем. «Músik» – «кандалы», вероятно, от их звона [Фасмер, Т. 3: 328]. В комедиях это слово получает образное применение, конкретизируется в значении и употребляется либо как «субъект» действия, «непосредственно музыканты» («*Музыка разъезжала*» – «Лжец», с. 63), либо как «оркестр на лодке» («*музыка иллюпочная*» – там же, с. 87). Помимо рассмотренных примеров, слово «музыка» участвует в создании образности диалогического высказывания – «*Патан. Потчивать песнями и музыкою*» (там же: 54).

Различным семантическим преобразованиям в комедиях подвергаются иноязычные слова из других терминосистем – «история», «философия», «инквизиция», «предика» и др. Так, греческое слово «история», варианты «гистория», «гиштория», заимствованное еще в допетровскую эпоху, было весьма распространенным в комедиях второй половины XVIII в. и развило ряд переносных значений, в том числе стилистически маркированных. Характерно, что в комедии Д.И. Фонвизина слово «история» употребляется в двух значениях, а его лексический повтор, с одной стороны, служит средством произвольно возникающего каламбура, основанного на словесном недоразумении, с другой – создает шутиливо-ироническую тональность диалогических реплик. Автор показывает, что слово «история» как наука, изучающая прошлое человеческого общества, неизвестно ни госпоже Простаковой, ни ее сыну, зато они хорошо знают разговорное значение этого слова – «происшествие, случай»: *«Правдин. В грамматике он силен. Милон. Я думаю не меньше и в истории. Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник. Правдин. А далеко ли вы в истории? Митрофан. Далеко ль? Какова история. В иной залетишь за тридевять земель, за тридешато царство»* (Фонвизин Д.И. «Недоросль», с. 183). В комедиях других авторов это слово употребляется в значении «рассказ, повествование о каком-либо случае». Например, в одной из сцен комедии Сумарокова «Опекун» речь идет об исцелении Сикста Пятого, и дворянская дочь Сострата употребляет это слово, спрашивая у Чужехвата: *«Да к чему вы эту историю привязываете?»*. В исследуемых комедиях нашло отражение еще одно значение этого слова – «жизненный путь, какие-либо события»: *«Княгиня. Расскажи мне всю свою историю. Сорванцов. Она коротехонька. Я нарисую всю картину моей жизни»* (Фонвизин Д.И. «Добрый наставник», с. 183). В академическом словаре приводится общее значение слова «история» – «повествование о деяниях, происшествиях или вещах достопамятных» [САР¹, Ч. 3: 317–318]. Исследуемые комедии позволяют проследить расширение значения этого слова, отраженное в СРЯ XVIII – *«прошлое человечества; наука о прошлом человечества; ход, течение, развитие какого-л. явления; происшествие, приключение, случай (чаще неприятные); эпизод»*. Так, на-

пример, в комедии А.П. Сумарокова слово «история» отражает значение – «случай, происшествие»: «**Сержанин**. *Бросились в реку и чуть было не утонули, часто едакие **истории** бывают*» (Сумароков А.П. «Тресотиниус», с. 300). У слова «история» в данной комедии встретилось еще одно значение – «прошлое, сохраняющееся в памяти человечества»: «**Брамарбас**. *Имя твое век в **истории** останется и будешь ты в **истории** жить вечно*» (там же: 301). Далее следует шутливо-иронический поворот темы диалога со словом «история»: «**Кимар**. *Я лучше лет тридцать проживу еще на свете, нежели вечно в **истории**. Какие у жителей в **истории** забавы, я не ведаю, а как весело жить на свете, то у меня наизусть*» (там же: 301).

Переносные значения формируются и у слова «философия», известного еще в древнерусскую эпоху (ц-слав., др.-рус. «философъ» – «ученый человек, богослов»). Своеобразие его употребления в комедиях состоит в том, что оно проявляет способность к расширению значения, метафоризации, контекстуальной трансформации. Так, в комедии Я.Б. Княжнина «Чудаки», острие сатиры которой направлено против идей просветительской философии, равенства людей, слово «философия» означает «передовые взгляды людей», прежде всего, *филозовствующего* чудака Лентягина: «**И философии** я этим честь обижу»; «**Я странный человек – так свет о мне болтает. Но филозофия** те враки презирает» (Указ. соч., с. 73). В другой сцене персонаж Пролаз, в продолжение всей комедии обманывающий Лентягина, но словесно поддерживающий его в корыстных целях, под словом «философия» подразумевает «ученые разговоры о высоких материях». Жене «философа», г-же Лентягиной, которая вмешивается в их разговор, он говорит: «**И филозофию** не нарушай ты нашу!» (там же: 75). Слова «филозоф» и «филозофский» имеют необычный характер сочетаемости, например, «филозоф» сочетается со словом «очень», создавая разговорный характер реплики: «**Пролаз**. *Есть некий у меня знакомец без примера. И очень «филозоф», зовут его Семен*» (там же: 77). Далее в этом же диалоге слово «филозоф», создавая смысловое единство смежных реплик, употребляется в составе лексического повтора: «**Про-**

лаз. И очень философ, зовут его Семен. Лентягин. Вот прямо философ!» (там же: 77).

В некоторых диалогических репликах слово «философия» метафоризируется, выступая в качестве олицетворения: *«Пролаз. Вот философскому какая честь уму! Что я, хоть философ, однако ж человек; И если у меня терпенья не достанет, То философия моя со стула встанет»* (Там же, с. 75–76). В этой же комедии Я.Б. Княжнина встречаем употребление слова «философия» в подтексте, основанном на тайных намерениях Пролаза жениться на служанке Марине (*«Пролаз. От философии моей хочу я плод с Мариной показать»*, с. 82).

Еще больший стилистический эффект возникает в диалоге-ссоре из комедии А.П. Сумарокова, перерастающем в драку, – «философию». Целое явление комедии строится на метафорическом употреблении слов «философия» и «философ», их противопоставлении другим понятиям: *«Критициондиус. Я тебя поцелую. Арликин. Ба, ажно и философы-то такие ж, как и мы, люди. Видно по лицу, что ты философ. Критициондиус. Я философ, да еще и великий философ»* (Сумароков А.П. «Чудовищи», с. 311). В следующих репликах персонаж Арликин употребляет слово «философия», под которым подразумевает «искусство любви, страстные поцелуи»: *«Арликин. Только эту философию я не меньше тебя знаю. А ты, философ, меня не замай. Критициондиус. Эдакие твари рождаются для философов, а не для арликинов. Арликин. А эдакие вещи у нас для философов (о шпаге)»*. В ходе дальнейшего развития диалога «Арликин» бьет «философа», приговаривая: *«Вот тебе моя философия! Критициондиус. Философа бить! Арликин. Вот тебе философия. Критициондиус. Философа бить! Вот тебе философия!»* (Там же, с. 319).

Метафоризация, контекстуальная трансформация значения слова «философия» наблюдается и в комедии А.И. Клушина, в которой под словом «философия» подразумевается пристрастие персонажа к спиртному: *«Андрей. Ну, философия, ей-богу хороша! Ей укрепляется и тело и душа. – Теперь лишь я о ней понятие имею: Нельзаль в философы меня просить вас смею?»* (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 86). И в другой сцене персонаж рассуждает о вине, называя его

словом «*философия*»: «*Андрей. Я смертный, слабый, бранный, Так философия мне силы придала...И философия как прочее изходит (показывает на пустую бутылку). А Плаксин не дурак, И в философии его приятный смак*» (там же: 86–89). Любопытно, что в комедии Н.Р. Судовщикова встретилось похожее выражение, по-видимому, распространенное в литературном употреблении того времени: «*Кривосудов. И этот философ нашел в любви смак!*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь» с. 211). Следует отметить, что в комедиях других авторов часто встречаются различные обороты со словом «философия» и его дериватами – «*Философия моя исчезает*»; «*Философский образ мыслей*» (Левшин В.А. «Мнимые вдовцы», с. 46–49), что дает основание предположить их широкую употребительность в речевой практике, приводящую к снятию терминологичности.

Говоря о детерминологизации значений иноязычных слов из разных научных сфер в комедиях, в качестве примера можно привести еще одно словоупотребление. Это термин из судебной-правовой сферы – «инквизиция», связанный с церковью, СРЯ XVIII толкует его значения как «*учреждение римско-католической церкви, имевшее целью розыск, суд и наказание еретиков; перен. розыск, расследование, следствие*». В средние века это был следственный и карательный орган католической церкви, крайне жестоко преследовавший ее противников. В комедии Н.Р. Судовщикова слово «инквизиция» употребляется метафорически в значении «муки любви, душевные страдания»: «*Кривосудов. Два года ты почти не ела, не пила, Все в инквизиции любовной пребыла*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 218).

Еще один любопытный пример. Слово «*продика*» служило названием одного из жанров протестантской проповеди, было распространено в русском языке уже в начале XVIII в. и имело семантический аналог – «*проповедь*». В комедии Н.П. Николева это слово употребляется переносно, сочетаясь с разговорным словом «*болтать*», участвует в создании непосредственности речевого общения персонажей, его экспрессивности: «*Панфил. Как продикку болтает!*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 137). Словом «*продика*» Панфил называет слыш-

ком длинную и *гладкую* речь служанки Марины, в которой она пытается убедить Милану, что ее любит Модстрих. В САР¹, САР² слова «инквизиция» и «предика» не отражены.

Переносное употребление, приводящее к детерминологизации значения, наблюдается в слове французского происхождения «партия» (от лат. «Partata» – «делить»). Данная лексема известна в русском языке с начала XVIII в. и с течением времени развила целую серию значений. В комедии Крылова реализуется значение – «жених, невеста, брачная партия» от французского «partie» – «партия»: *«Таратора. Нажив себе партию избавит меня лишних хлопот!»* (Крылов И.А. «Проказники», с. 234). Карточный термин «партия», употребляемый в разных комедиях, происходит от фр. «partie» или нем. «Partie». В САР¹, САР² эти значения не отмечены.

Термины астрономии также дают выходы в контексты комедий. В одной из сцен пьесы А.И. Клушина встретился диалог, в котором персонаж Плаксин произносит заимствованное слово «астрономия» и одновременно поясняет его значение, ср. его толкование в академическом словаре («наука о положении и движении светил небесных» – САР², Ч. 1: 65): *«Плаксин. Вы разумеете течение планет? Астрономію?»* (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 59). Слово «астрономия» (из лат. и греч. «astronomia») было известно в русском языке еще с конца XVII в., в нач. XVIII в. появляются дериваты «астроном», «астрономический», образованные уже на русской почве, свидетельствующие о семантической адаптации иноязычного слова. Еще один термин из сферы «астрономия» – «комета» (от фр. «comete» из лат. Cometa – «носящий длинные волосы; и волосы вообще») также вносит свой вклад в развитие образной системы русского языка XVIII в., метафорически употребляясь в сочетании с русской лексикой: *«Сын. Мы созданы друг для друга. Советница. Без сомнения, мы рождены под одною кометою!»* (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 312). Данное слово отражено и в СРЯ XVIII: *«Астр. Комета есть чрезвычайная звезда на небеси».*

Семантическим преобразованиям в комедиях подверглись также слова из специальных сфер – «формат» и «магнит». Заимствованный из немецкого языка в

1734 г. термин «формат» первоначально обозначал понятие типографского дела (через нем. «Format» от лат. «formātum» – «оформленное»). Однако в драматическом диалоге это слово приобрело новое значение – «сложившийся порядок, обычай»: *«Кривосудов: Ты пой что хочешь тут, а наш такой формат: бери да прячь концы – не будешь виноват!»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 195). Академический словарь определяет слово «формат» как «речение типографское: величина книги» [САР², Ч. 6: 1118].

Слово «магнит» (от лат. «magnas», «magnus» – «большой»), используемое в разных технических сферах, минералогии, давнее заимствование в русском языке, но и оно на фоне новых иноязычных единиц создает образность диалогических реплик, к примеру, в комедии И.А. Крылова. Персонаж Рифмокрад сравнивает трагедию, которую написал его собеседник, со словом «магнит»: *«Рифмокрад. Этот магнит достоин такого железа, как вы»* (Крылов И.А. «Проказники», с. 234). Переносное значение этого слова – «то, что обладает особой притягательной силой, влечет к себе» – возникло на базе прямого – «магнит – железная руда, имеющая свойство притягивать к себе железо» [СРЯ XVIII].

Глагол «выполировать», встретившийся в комедии «Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности», употребляется в переносном значении. Это слово появилось в 20-е гг. XVIII в. как производственно-технический термин, через немецкое «polieren», от фр. «polir», лат. «polire» – «полировать, чистить»: *«Ветромысла. Моя дочь такой рабенок, которому долго еще надобно учиться, чтобы познавать цену людей; однако я ее **выполирую**»* («Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности», с. 29). Контекстуальное значение данного слова – «сделать опытным, научить поведению в свете».

Помимо рассмотренных иноязычных единиц, относящихся к различным терминосферам, можно привести примеры переносного употребления слов, обозначающих общенаучные понятия и явления, их вхождение в образные контексты драматического диалога. Так, например, слово «диссертация», вошедшее в русский язык в 1727 г., через фр. «dissertation», из лат. «Dissertatio» и считавшееся неологизмом в данное время, имело русские эквиваленты – «разглагольствие»,

«рассудительные слова», «беседования», «рассуждения». Показательно, что это слово служит толчком к появлению комично звучащих высказываний шута Арлика в ответ на слова «философа» Критициондиуса: *«Он привел меня в размышление. Я об этом напишу диссертацию. Арликин. На что марасть бумагу?»* (Сумароков А.П. «Чудовищи», с. 316). Оно отражено и в СРЯ XVIII: *«Диссертация – ученое рассуждение, научный трактат, доклад»*.

Общенаучный термин «система» (от греч. и лат. «systema» – «целое, составленное из частей; соединение», через западноевропейские языки) употребляется в комедии Я.Б. Княжнина. В русском языке XVIII в. он известен с 1707 г., варианты «систима», «системат», «систем» возникали вплоть до 1724 г., в САР² слово не отмечается. Особенностью его функционирования в комедиях считается появление у слова переносного значения, весьма распространенного в русском языке современной эпохи, – «обычай, нравы, общепринятые правила»: *«Пролоз. При нравах сих развратных? Системы нашей мне страдальцем должно ль быть?»* (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 75). В комедии А.И. Клушина данное слово употребляется в репликах с подтекстом, *«Плаксина система»* – это «способ залить печаль вином»: *«Андрей. Благополучен тот, кто Плаксиной системы! Науки прочия пред ней так немы! Она божественна»* (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 88–89).

В связи с большим интересом, который проявляло дворянское общество к картам и карточным играм, слова из данной сферы стали широко употребляться в комедиях, и не только в прямом своем значении, но и в переносном. Они обозначали новые понятия и явления, сочетались с широкого круга лексикой. Так, в одной из комедий И.А. Крылова княжна Тройкина словами «тузы» и «короли» называет своих кавалеров, и в этой же реплике она обращается к картам, олицетворяя их: *«Княжна Тройкина. Все тузы и короли меня оставили. Любезные тузы! На вас моя надежда!»* (Крылов И.А. «Проказники», с. 185). Надо отметить, что слово «туз» было заимствовано через посредство польского языка – «tuz» – из ср.-в.-н. «tus», которое, в свою очередь, восходит к южнофранцузским диалектам. В некоторых сценах комедий данный термин «оживает» в стилистической функции олицетворения: *«Ненавистник. Мне туз добра не кажет... Ну! Злого мне те-*

перь винновой туз не кажет» (Херасков М.М. «Ненавистник», с. 39). В комедии «Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности» встречается фразеологизм «дать туза», семантически связанный уже не с картами, а со словом «тузить» – «бить», первоначально «бить тузом»: *«Ветромысла. И если бы один раз не дала мне матушка туза»* («Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности», с. 20). Характерно, что в академическом словаре эпохи слово «туз» имеет лишь одно значение – «карта, имеющая одно в середине око», а выражение «дать туза» – «ударить кулаком» квалифицируется как простонародное [САР², Ч. 6: 805].

Азартная карточная игра «фараон» («фаро») – пользовалась большой популярностью в русском обществе, в конце XVIII в. название этой игры изменилось – «банк», «штосс». Характерно, что наименование «фараон» свободно употребляется в различных контекстах комедий метафорического характера: *«Добров. Другой себя к игре так страстно пристрастил, Что душу бы свою на карту посадил, В суде по чермному с ним фараон гуляет»* (Капнист В.В. «Ябеда», с. 474). В данном примере слово «фараон» (из нем. «Pharo», 1728 г., от «pharao» – «фараон, червоный король»; «фараонный банк», «фаро» – азартная игра «фараон» – СРЯ XVIII) также олицетворяется, употребляясь со словом «гуляет». Встречается переносное употребление этого слова от прямого значения – «титул древнеегипетского царя» в реплике-антитезе: *«Крутон. Какого к черту он твердит тут фараона? Да полно, братец, врать, не фараон, Фома!»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 113). Образное употребление в этой же комедии слова «карты», заимствованного из лат. при посредстве западноевропейских языков, ср. нем. «Karte», ит. «carta» – «лист бумаги» («карта для игры, гадания» и др. – СРЯ XVIII), во фразе *«Что душу бы свою на карту посадил»* свидетельствует об умении автора мастерски включать иноязычную лексику в метафорический контекст.

Слово «карты» в комедии А.П. Сумарокова употребляется и с разговорным уменьшительно-ласкательным суффиксом: *«Хавронья. Не изволите ли в карточки позабавиться?»* (Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 399). В других комедиях слово «карты» обозначает «гадание на картах»: *«Советница. И ес-*

твли верить *картам*, то брак твой не очень удачен» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 31); *«Новомодова. Все утро ворожила о тебе в карты»* (Крылов И.А. «Сочинитель в прихожей», с. 197). Следует отметить, что в исследуемых комедиях употреблялись дериваты слова «карты» с отрицательной оценочностью – «картеж», «картежник» (*«Проклятые картежники»* – Крылов И.А. «Проказники», с. 213; *«Бригадир. Ба! Здесь и картеж завели»* – Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 29). Любопытно, что в САР¹ слово «картежник» отмечено как стилистически нейтральное, но с течением времени лексема «картеж» приобретает простонародный характер.

В сценах других комедий, связанных с карточными играми, почти вся терминология носит образный характер, сочетаясь с исконно русской лексикой: *«Паролькин. Фальшива талия. Атуев. Мои две пароли. Хватаев. Мне за туза с транспортом. Радбын. И ба-ба-банк чи-чист»* (Капнист В.В. «Ябеда», с. 488). Слово «талия» (от фр. «*tailleur*» – «метать банк» – «круг карточной игры») французского происхождения, заимствованное при немецком посредстве, в словарях отмечается с 1806 года. Г.Р. Державин отмечает это слово в списке слов для VI тома САР², но оно не вошло туда. Лексема «банк» (от ит. «*banco*») известна в русском языке с 1708 г., терминологическое же значение, связанное со сферой карт («*banque*» – «колода карт; род азартной игры»), возникает и широко распространяется к концу века. Аналогичная история и у слов «пароль» (от фр. «*parole*», от лат. и греч. «парабола») и «транспорт» (от фр. «*transport*» – «перевозка»), развивших некоторую терминологичность. К французским заимствованиям нового времени, 1759 г., относится специальный термин – «валет» (от фр. «*valet*», карт. «винновой валет», ср. «*хлан, холон*» – СРЯ XVIII): *«Хватайко. Авось мне вывезет валет»* (Капнист В.В. «Ябеда», с. 69).

Появлению новых значений иноязычных слов способствует развитие у них омонимических отношений с другими словами. Примером может служить слово «капот», 1746 г. (от фр. «*sapot*» – «термин карт. игры; взятка, выигрыш; предикат. в проигрыше быть» – СРЯ XVIII): *«Наумыч. Да что; беда, сударь! и я уже капот. Праволов. Смелей; лови секурс!»* (Капнист В.В. «Ябеда», с. 486). Слово

«капот» обозначало и предмет женской одежды, употреблялось в комедиях Лукина, Крылова, Фонвизина, Судовщикова. Характерно, что в САР¹, САР², СРЯ XVIII этих слов нет.

В образный контекст комедий входит еще один термин из сферы карт – «бет», или «лабет» («бет», 1766 г., от фр. «bete» – карт., то же, что «лабет» – СРЯ XVIII). Вот примеры его употребления в комедиях: «**Сын. Madame! мы оба беты**» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 26); «**Кохтин. Но под шумок ат я без бета, как без шляпы**» (Капнист В.В. «Ябеда», с. 485). Слово «лабет» более раннее – 1763 г. Помимо указанного значения, оно обозначает и переносное – «промах; неудача, конфуз»: «**Судья. Ни для чего, нет, нет, Чрез драку не введу моей души в лабет**» (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 90). В комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир» также находим карточные термины – «веты, матедоры, сапрандер, марьяж, рекиз, медиатор, пасовать», в кругу которых – новые заимствования. Это «матедор», вариант «матедор», 1759 г., от исп. «matador», непоср. и через фр. «matador», англ. «matador» – «старшая козырная карта; перен. влиятельное лицо в обществе; первый, главный» [СРЯ XVIII], «трефовый (король)» от слова «трефы» (от фр. *trefle* – «трилистник»), употребляющийся переносно, применительно к человеку; «пасовать» (от фр. *passer* – «воздерживаться, идти»), «марьяж», 1727 г., от фр. «*marriage*» – «брак, свадьба; карточная игра; в карточных играх – король и дама одинаковой масти на одних руках» [СРЯ XVIII]. Следует отметить, что один из карточных терминов – «матедоры» – служит средством создания каламбура, который только начинает использоваться в русской литературе как особый прием словесного изображения, приводящий к комизму диалогической ситуации: «**Сын. Сапрандер шесть матедоров. Бригадирша. Что, мой батюшка, что ты сказал, мададуры? Вот нынче стали играть и в дуры, а, бывало, так все в дураки игравали**» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 14).

Примером вхождения иноязычных слов в образную систему диалога является терминология из сферы *точных наук*. Так, заимствование Петровского времени «арифметика» приобретает необычное контекстуальное значение – «подсчет любовниц»: «**Лоботряс. Он всех женицин считает. Прельщалова. Пусть счита-**

ет; я всю *арифметику* оставляю в полную его волю!» (Левшин В.А. «Свадьба г-на Волдырева», с. 115). Форма «арихметика» более поздняя, 1729 г., употребляется в комедии Д.И. Фонвизина: «*Цыфиркин. Мало толику арихметике маракую*» (Фонвизин Д.И. «Недоросль», с. 29). В комедиях XVIII в. мы встретили еще более раннее заимствование, известное в русском языке с конца XVII в., – «математика», и его производные «математик», «математический» (от лат. «mathematica»). Характерно, что прилагательное «математический» расширяет свою сочетаемость, употребляясь переносно в словосочетании «*математический ум*» из комедии Д.И. Фонвизина «Выбор гувернера». В некоторых контекстах термины «математика» и «арифметика» существуют как смысловые параллели, равнозначно употребляемые: «*Граф. Слава богу. Спрошу я племянника о математике: ты учился арифметике? Фома. Учился*» (Кропотов П.А. «Фомушка, бабушкин внучек», с. 376). Некоторые математические и технические термины проявляют способность к сочетаемости с оборотами разговорно-просторечного характера, экспрессивная тональность которых передается всей драматической реплике. Так обстоит дело со словом «логарифма». В академическом словаре данного времени оно приводится в форме «логарифм» – «греч. речение математическое: число показывающее степень каждого члена в ряду чисел произшедших от возвышения перваго до разных степеней» [САР¹, Ч. 3: 1257]. В XVIII в. это слово имело несколько вариантов – «логарифм, логарифма, логаритимус». В стихотворной комедии Н.П. Николева персонаж Крутон употребляет данное слово в составе оборота, имеющего разговорный характер. Комическая тональность диалога-воспоминания передает специфику художественного образа персонажа, уровень его интеллекта и отношение к наукам: «*Крутон. Но ты опять уткнул свой нос, я вижу, в рифму? Вот так-то нос уткну, бывало, в логарифму*» (Николев Н.П. «Самолубивый стихотворец», с. 115). Можно привести пример еще одного специфического значения математического термина, сложившегося на базе его основного значения. Слово «нуль», известное во многих языках (нем. «Nul», голл. «nul», лат. «nullum»), употреблялось преимущественно в специальных учебниках, технической и научной литературе уже с конца XVII в. и имело орфографический вариант «нулль», в сло-

варях данного времени не зафиксированный. С начала XVIII в. слово «нуль» входило в синонимический ряд «он (ик), цифра, нуль», позднее остаются лишь два последних термина. И слово «нуль» развивает переносное значение, которое в XIX–XX вв. будет широко употребляться, оно относится к сфере «человек», служит наименованием нравственно-интеллектуальных качеств людей. В комедии Н.П. Николева слово «нуль» («ничтожный, пустой, бесполезный») служит характеристикой петиметра Модстриха: *«Марина. В цифири лишь одной не можно без нуля, А гостем принимать ну кто его захочет?»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 94). В другом диалоге слово «нуль», сочетаясь с прилагательным «модный», также служит номинацией отрицательного образа петиметра: *«Надмен. Хоть царь скажи стократно, Но ты все модный нуль»* (там же: 167).

В исследуемых текстах встретился еще один термин из этой сферы – «механика», употреблявшийся в русском языке с Петровской эпохи («механика», 1708 г., от греч. «mechaniké», лат. «mechanica», непоср. или через нем. «Mechanik», – «часть прикладной математики имьющая предметом законы движения»; об учебн. предмете; сложное устройство чего-л., механизм» – СРЯ XVIII). Однако в комедии Н.Р. Судовщикова данная лексема выступает в широком обобщенном значении – «наука, ученость»: *«Правдин. Любовь есть чувство...Кривосудов. Прочь с механикою, прочь! Я слушать не хочу ученых доказательств!»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 218). В дальнейшем данная лексическая единица приобретет значение, связанное со словом «махинация», распространенное в речевом обиходе XIX в. – «подстроить, подводить механику», хотя Словарь 1847 г. фиксирует лишь одно его значение – «наука выгодного приспособления сил», как и САР² – «часть прикладной математики, имеющая предметом законы равновесия и вообще движения» [САР², Ч. 3: 761].

Прослеживая пути семантического развития и формирования переносных значений терминов, относящихся к другим специальным отраслям, наукам, можно привести примеры из сферы «медицина, анатомия» – названия болезней человека, его физического состояния, строения и т.п. К примеру, слово «эпихондрия» употребляется в комедии М.И. Прокудина в составе метафорического оборота:

«**Андрей.** От всех нынче начинает эпохондрией пахнуть. Что это за новопррезжая немочь?» (Прокудин М.И. «Добродетель, увенчанная верностью», с. 36). Академический словарь определяет его как врачебный термин греческого происхождения, обозначающий болезненное состояние человека: «Ипохондрия, дрии с. ж. реч. врачебн. Есть степень меланхолии и зависит от неких в чревных внутренностях завалов» [САР¹, Ч. 3: 311]. В русском языке XVIII в. существовало несколько вариантов этого слова: «ипохондрия», 1747 г., «гипохондрия», 1710 г., «похондрия», 1705 г., «ипохондриум», 1719 г. В словарях не отмечен лишь вариант «эпохондрия» с обобщенным значением – «душевное состояние персонажей, меланхолия», употребляющийся в исследуемых комедиях.

Снятию терминологичности иноязычного слова способствует его употребление в составе фразеологизмов. Так, «пилюля» – «лекарственная форма для приема внутрь в виде шарика, содержащая лекарство», используемая в медицине для лечения заболеваний, встречается в русском языке с 1711 г. (от лат. «pilule» – «шар», посредством фр. языка). С середины XVIII в. данный термин начинает широко употребляться в переносно-образных контекстах. В комедии Н.П. Николева фраза, произносимая одновременно персонажами Милоном и Елизой, содержит фразеологизм «проглотить пилюлю», обозначающий «что-либо неприятное»: «**Милон и Елиза.** Но должно по неволе, **Пилюлю проглотить**» (Николев Н.П. «Опекун профессор, или Любовь хитрее красноречия», с. 60). Комедия Я.Б. Княжнина также представляет переносное значение данного слова, контекстуально обусловленное («пилюли» – неприятные известия, специально сообщенные служанкой): «**Марина.** Вот как она уныла. **Пилюли** действуют, которы я дала, что вы печальны так?» (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 103). В комедии М.И. Веревкина семантическая валентность слова «пилюля» еще более расширяется, оно употребляется в сочетании со словами «горький», «подавиться», создающими речевую экспрессию драматической реплики: «**Лукерья.** Едакою горькою **пилюлею** и я бы подавилась» (Веревкин М.И. «Имянинники», с. 213). Характерно, что академический словарь данного времени, помимо прямого значения этого слова («лекарственный состав, катышками делаемый»), отмечает и переносное – «какая-

либо неприятность, досада» [САР², Ч. 4: 1073], но в цитатном материале словаря фразеологизм не приводится.

Примером переносного употребления в комедиях может служить медицинский термин «рецепт», хотя в прямом значении оно тоже встречается. Слово появилось в русском языке в Петровскую эпоху (через нем. язык из лат. «*recertum*» – «принятое») и обозначало «предписание врача о составе лекарства, способе его изготовления и применения». В контексте комедии А.И. Клушина «Смех и горе» оно употребляется в довольно специфическом значении – «совет, способ действовать определенным образом», которое появится в словарях более поздней эпохи: «*Андрей. Кто дьявольски влюблен, сивуха утешенье! Анюта. Не дурен ваш рецепт*» (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 83). Характерно, что в академическом словаре «рецепт» отмечается лишь в значении «*прописка лекарства*» [САР², Ч. 5: 1039].

В комедиях второй половины XVIII в. употребляется слово «шкилетно», образованное от медицинского термина «скелет», заимствованного из фр. языка (фр. «*squellette*» или нем. «*Skelett*» от греч. «остов, скелет» – «высохший, сухой»). Оно входит в образный контекст комедии Н.Р. Судовщикова как наименование человека худого телосложения: «*Провор (шутя). Нимало не приметно; вы притворяетесь. Кривосудов. О, здание шкилетно!*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 228). Следует отметить, что в САР¹, САР² это слово не зафиксировано.

В XVIII в. получают семантическое развитие и переосмысление не только современные заимствования, но и слова давнего происхождения. Примером может служить слово «óрган», относящееся к медицинской сфере, анатомии, однако известное еще в старорусском языке в значении «музыкальный инструмент» – «оргáн». Тогда же оно могло употребляться переносно («óрган») как «средство, орудие вещания, сообщения», т.е. «словесный орган, горло». Именно в этом значении употреблено слово «óрган» в комедии И.А. Крылова: «*Ужима. Это правда, что мой óрган с некоторого времени стал чувствительнее и мягче*» (Крылов И.А. «Пирог», с. 235). Судя по месту ударения в данном слове («óрган»), оно мог-

ло проникнуть в русский язык через польский «organ» из лат. «organum», от греческого слова. В дальнейшем слово «óрган» приобретет новое значение – «орган чувств», фиксируемое в САР¹, САР², и более общее значение – «часть тела». Слова «óрган» и «орга́н» развивают омонимические отношения, однако четкого акцентологического разграничения в словах нет даже в середине XIX в.

Расширение первоначального значения слова «кастрат» («человек, которому произведена операции удаления половых желез») наблюдается в комедии В.А. Левшина «Мнимые вдовцы». Семантическое развитие данного термина произошло под влиянием итальянского «castrato» из лат. «castratus» – «кастрированный мужчина, скопец»: в Италии XVI–XVIII вв. певцы в театрах и в церкви подвергались этой хирургической операции с целью получения хорошего высокого голоса. В СРЯ XVIII данное переносное значение отмечено: «*Об итальянских певцах-кастратах с высокими голосами*». В указанной комедии слово «кастрат» употребляется именно в этом значении: «*Прибыли к нам **кастраты** из Италии*» (Левшин В.А. «Мнимые вдовцы», с. 36).

В комедии А.П. Сумарокова медицинские термины также широко употребляются в образных контекстах, выполняя функции тропов, средств создания комизма: «*Пульс не обманывает никогда! А что ты бездельник, это я **по пульсу** знаю; По чему ты узнал ее имя? – **По пульсу**; **Практика** по русски – наука моришь людей*» (Сумароков А.П. «Приданое обманом, с. 357). Глагол «анатомить» в этой же комедии также характеризуется переносным употреблением – «рассматривать, разбирать»: «*Пасквин. Только надобно тебя **анатомить**. Салидар. **Анатомить?** Пасквин. Да, **анатомить** и посмотреть души твоей*» (там же: 358). Этимология этих иноязычных слов такова: «пульс» – заимствован в XVIII в. из фр. «pouls», от лат. «pulsus» – «удар, толчок». Слово «анатомить» происходит от слова «анатомия», известного в русском языке с эпохи Петра I («анатомикус»), из лат. «Anatomia», «anatomicus» – «разрезаю», слово «практика» исследователи относят к новым заимствованиям XIX в. из нем. языка, передающих значение лат. слова «practica» [Шанский и др., 1971: 360]. В контексте комедии данное слово подвергается процессу детерминологизации, семантической трансформации.

Характерно, что в некоторых комедиях используются, своего рода, смысловые параллели иноязычных терминов, образуя аналого-синонимические ряды. Их появление, по мнению В.В. Виноградова, отражало существовавшую в данную эпоху традицию и поразительную тягу к Лексиконам и словарным комментариям. Вот пример употребления таких форм – «медика» – «дохтурство» – «медициния», использующихся в стилизованном разговорном диалоге: *«Кривосудов. А разве медики ваш будочник учился? Крючкомстрой. Всю хиромантию и дохтурство он знал, И медицинии препропасть насмотрелся»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 237). Надо отметить, что слова «медика», «медициния» появились в Петровскую эпоху через польское «medycyna» из лат. «Medicīna». В САР² отмечается слово «медицина» («врачебная наука») и новая форма «доктор» (слова «дохтор», «дохтурство» были известны еще в XVII в.) [САР², Т. 4: 76–77]. Характерно, что в указанной комедии встречаются сразу два варианта этого слова: *«Крючкомстрой. На прошлой, помнится, объявлено седмице, Что новый дохтур здесь находится в столице. Кривосудов. Заморски доктора для знатных лишь годятся»* (Там же, с. 236). Представлено в САР² и новое значение слова, не связанное со сферой «медицина», – «доктор», это «звание, придаваемое получившим степень в науках философических, в науке о нравах, и в науке врачебной» [САР², Ч. 2: 151].

Слово «госпиталь» – медицинский термин, появившийся в русском языке в начале XVIII в. из голландского «Hospitaal», толкуется в САР² следующим образом: «Госпиталь – Зри: Больница» [САР², Ч. 1: 1214]. В репликах персонажа Тигрова из комедии А.П. Сумарокова данная лексическая единица создает подтекст диалогического высказывания: *«Тигров. Зачем едаких людей сюда пускать; вить здесь не госпиталь ради бешеных!»* (Сумароков А.П. «Три брата совместники», с. 96).

Способность другого медицинского термина – «карантин», 1726 г., буквально, – «сорок дней» (от ит. «quarantana» (-ena), непоср. и через фр. «quarantaine» – *«Времен. изоляция прибывающих из зараженных мест людей, судов и товаров; срок такой изоляции; помещ., место для временной изоляции лю-*

дей и пр.» – СРЯ XVIII) употребляться с разговорно-просторечным глаголом «засадить» приводит к частичной нейтрализации его специального значения и служит свидетельством выхода термина в обиходную речь. Один из персонажей комедии «Лжец» – петербургский ассессор Баланцов, пообщавшись с больным Флоровым, испуганно произносит: *«Баланцов. Флоров глаза открывает. Опасаюсь подойти; в карантин засадыт»* («Лжец», с. 138).

В комедии Д.И. Фонвизина встретилось словосочетание «мозольный оператор», в котором слово «оператор» служит названием медицинской профессии, применительно к французу-гувернеру: *«Княгиня. Он же еще и мозольной оператор»* (Фонвизин Д.И. «Выбор гувернера», с. 197). Данное слово известно в русском языке с 1721 г., из лат. «operator», через фр. «l'opérateur» (мед.). Характерно, что САР¹, САР² это слово не отмечают, а в современном русском языке слово «оператор» в одном из своих значений является устаревшим и имеет значение «хирург, делающий операции». В СРЯ XVIII представлено значение данного слова – «Тот, кто производит операции, хирургическое вмешательство в лечебных целях». Характерно, что заимствование начала XVIII в. «операция» (от лат. «operatio», через фр. «operation»), первоначально употреблявшееся в общем значении «целенаправленное действие», к 1750 году начинает развивать терминологические значения в разных сферах («боевые действия; химический опыт; хирургическое вмешательство; финансовая, торговая сделка; математическое действие»), в наших материалах не встретившиеся. Однако, доктор Ланцетин из комедии И.А. Крылова, в силу своей профессии употребляющий этот термин, переносит его в плоскость человеческих отношений, что создает особенности речевого портрета данного персонажа: *«Ланцетин. Что ж тебе надобно? рецепт, или кровь пустить? Тянислов. Совсем нет; мне надобно, чтобы ты уговорил к тому ея мать. Ланцетин. Это самая трудная операция»* (Крылов И.А. «Проказники», с. 169).

В процесс метафорического употребления вовлекаются и некоторые прилагательные, образованные от иноязычных слов, а также глаголы, часто употребляемые в контекстах комедий, связанных с той или иной специальной сферой.

При этом характер их необычной лексической сочетаемости обусловлен авторским идиостилем, спецификой драматического образа: «*публичной вор*» (Крылов И.А. «Проказники», с. 175); «*философский модник*» («Лжец», с. 82); «*бумажная фабрикантша*» (Дашкова Е.Р. «Гоисоиков», с. 272); «*здание шкилетно*», «*фундаментальна сила*», «*лицом такой фатальный*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 212–227); «*бриллиантовые глазки*» (Матинский М.А. «Санкт-Петербургский гостинный двор», с. 407); «*наше дело мизирное*» (Левшин В.А. «Милозор и Прелеста», с. 162); «*шлюпочная музыка*» («Лжец», с. 55); «*целует руки комическим образом*» (Левшин В.А. «Свадьба г-на Волдырева», с. 217); «*басурманский язык; платье*» (Вязмитинов С.К. «Матросские шутки», с. 73–75); «*Кофейницана жизнь*» (Крылов И.А. «Кофейница», с. 50) и др. Можно привести множество примеров переносного употребления глаголов из комедий – «*философствовать, морить, штурмовать, аркебузировать, штукарить*» и др., сочетающихся с лексикой различных генетических источников.

Таким образом, материал исследуемых комедий показал, что заимствованная лексика, входя в систему русского литературного языка, подвергается процессам семантической адаптации. Происходит формирование и развитие новых переносных значений и их оттенков у слов, обозначающих отвлеченные понятия, наименований лиц и конкретных предметов; стилистическая перекалфикация слов, формирование у многих из них разговорно-просторечных значений, развитие деривационных рядов, синонимических, омонимических и др. видов отношений. Важной ступенью семантической адаптации иноязычных слов является детерминологизация, терминологизация и метафоризация значений заимствованных слов, относящихся к различным сферам – военной, торгово-финансовой, научной и др., в ряде случаев перекалживающихся, их активное взаимодействие в структуре диалога с исконной лексикой. Происходят процессы расширения и сужения значений, семантического наслоения, вторичного заимствования из разных языков. Многие иноязычные слова, их новые, переносные, значения не отражены в академических словарях эпохи.

2.3. Особенности функционирования заимствований в драматургическом диалоге комедий второй половины XVIII в.

2.3.1. Стилистические функции иноязычных слов в комедиях различных авторов, жанров

Исследование лексических заимствований в диалогах комедий также предполагает рассмотрение особенностей их функционирования в конструктивно-семантическом и стилистическом аспектах. Семантическая адаптация иноязычных слов привела к выходу многих из них за рамки одной комедии, отдельно взятого автора, образа, а также к развитию новых переносных значений, их разнообразных оттенков. И контексты комедий подтверждают это.

Как известно, основная функция комедии, предначертанная А.П. Сумароковым в «Эпистоле о стихотворстве», – сатирическая: «издевкой править нрав, смешить и пользовать – прямой её устав». И в различных комедиях (лирических, слезных, морализующих, антикрепостнических, политических) высмеивались пороки русской действительности – галломания, невежество дворян, «лихоимство», ведь «основным оружием и сатирической стрелой комедии XVIII в. был яд, составляющий ударную силу русской комедиографии» [Янковский, 1964: 18].

Так, непререкаемым объектом сатирического изображения служила галломания. В пьесах А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, В.И. Лукина, И.А. Крылова, А.И. Клушина, Д.И. Волкова, Д.И. Хвостова и др. подвергались осмеянию петиметры (фр. «petit – maitre» – «петиметр, щеголь»), у которых был русско-французский жаргон, «смешенье языков французского с нижегородским», следование во всём французской моде. Распространению галломании, как известно, способствовала европеизация русского быта, проникновение французской культуры, литературы, и особенно французских пьес на сцену театра. В популярном журнале «Живописец» даже был помещён «Опыт модного словаря щегольского наречия»,

в котором приводились и сатирически толковались модные выражения, а петиметров высмеивали за франтовство, нравственную пустоту (известна «Сатира на употребление французских слов в русских разговорах» И.С. Баркова и мн. др.). Один из героев комедии А.И. Клушина даёт им такую характеристику: *«Плаксин. Вы с ног до головы похожи на машину, Котора действует через свою пружину. Когда ту заведут, лепечет и визжит, И франт теперешней так точно говорит. Bon jour mon bien, madam! ma cher! Coman vous va! Дрягает, корчится, французски врёт слова, А русского совсем не понимает. Науки, ум его: в жаботах и манжетах; Неустрашимой дух: в рисованных желетах. Кто это, спросите? все франты таковы!»* (Клушин А.И. «Смех и горе», с. 79). И в приведенных репликах используется, в основном, новая иноязычная лексика («франт, жаботы, манжеты, желеты; машина» и др.), французские вкрапления, типичные для этих персонажей. Отметим, что слово «франт» вошло в русский язык через славянские языки (от фамильярного образования «Frantisek», равнозначного фр.), вероятно, еще в XVII в., в значении «шут, скоморох». В XVIII в. оно развило новое значение и стало близким к слову «петиметр» – «щеголь, модник», вытеснив его. В современном русском языке слово «петиметр» является устаревшим. Слова «жаботы, желеты, манжеты» являются французскими заимствованиями, о чем свидетельствуют данные словаря («жабо, жабот», 1790 г., от фр. «jabot» – «кружевной или кисейный галстук, мужской шейный платок»; «желет», 1792 г., от фр. «gilet» – «мужская одежда без рукавов»; «манжета», 1764 г., от фр. «manchette» – «полотняное или кружевное украшение на обшлагах или у воротника; брыжи») [СРЯ XVIII]. Слово «машина» в репликах Плаксона выступает в новом, переносном значении – «о ком -, чем-л., действующем по чужой воле». В сатирических репликах другого персонажа из указанной комедии А.И. Клушина также отражается неприязнь к петиметрам, и лексика иноязычного происхождения обязательно присутствует в диалоге: *«Хохоталкин. Что мода идол их, французы – божество. Что франт премерзкое на свете существо»* (там же: 79). Резко сатирическая тональность высказываний свойственна речи и других персонажей, высмеивающих «Ветронов»: *«Старон. Им пища: туалет; Рассудок: модны лавки. А блеск ума:*

батист, митколь, лино, булавки. Вот школа их наук!» (там же: 74). В репликах Старона мы находим новые иноязычные слова – «туалет, батист, лино» («батист», 1746 г., от фр. «batiste»; «лино», 1786 г., от фр. «linon» – «серпанка, лино, род тонкого полотна») [СРЯ XVIII]. Характерно, что сам петиметр в комедии считает себя образованным («педантом») и знает, что его образ вызывает антипатии окружающих: *«Ветрон. Но оба мы педанты, Я знаю то, что вам не нравимся мы, франты!»* (там же: 79). Слово «педант», 1742 г., от ит. «pedante» (лат. «воспитатель, ученый человек»). В речевых партиях других петиметров – Ветрона и Вздоровой – также широко употребляются новые иноязычные слова со специфическими значениями – *«клуб, маскарад, рандеву, дансер, контроданс, брильян, фижбины, лиф»*. Интересна история слова «фижбины», 1740 г., – «каркас из китового уса для платья, шляпы», оно имело разные формы («фижмы, фижымы, фишбины»), являясь результатом освоения из разных этимологических источников – нем. и др. Форма «клуб», в отличие от «клуб» – новый вариант, это редкое для данной эпохи английское заимствование 1784 г. – от англ. «club» – *«общество, члены которого собираются для развлечений, деловых встреч и т. п. (в России сначала об иностр.)»*; *«помещение, здание такого общества»*; «лиф», 1780 г., от голл. «Lijf» – *«перехват на платье около поясницы; верхняя часть платья»* [СРЯ XVIII]. Слова «маскарад, рандеву, дансер» также относятся к лексическим новациям данного времени (1730–1750 гг.).

В комедиях А.П. Сумарокова высмеиваются русские «галантомы», портящие язык, и с этим явлением необходимо бороться как с общественным бедствием. Так, в комедии «Пустая ссора» представлен шаржированный образец жаргона галломанов с обилием французской лексики. Диалог петиметров Дюлижа и Деламиды, о которых автор сказал, что «петиметерка петиметра далеко видит», представлен в гротескно-сатирическом виде: *«Деламида. Вы мне так флатируете, что уж невозможно. Дюлиж. Вы мне не поверите, что я вас адорирую. Деламида. Я этого, сударь, не меритирую»* (Сумароков А.П. «Пустая ссора», с. 344.). В другой комедии Сумарокова также употребляются слова, обычные в жаргоне франтов: *«Минодора. Что во мне манкирует и что тебе меня любить ампеши-*

рует?» (Сумароков А.П. «Мать – совместница дочери», с. 92). Слово «манкировать», 1756 г., от фр. «manquer», жарг. – «пренебречь чем-л.; недостать, не хватить чего-л.» [СРЯ XVIII]. Характерно, что реплики петиметров, обращенные к разным персонажам, выдержаны в таком же стиле: «*Дюлиж. (Кимару) Я тебе нос касирую. Деламида. (матери) Мамер, я имею интенцию ваш диспут финировать*» (там же: 96). Щегольской жаргон широко используется и в комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир», отразившей нравы русского мелкопоместного дворянства. Персонаж Иван смешон со своей страстью ко всему французскому, доходящей до полного дурачества, это интернациональный образ офранцузенного молодого человека с чертами отечественного Иванушки-дурачка (по определению Д. Благого). Вот примеры его реплик: «*Сын. Dieu! Сколько прекрасных комплиментов; Je vous pris, не льстите мне; я помышляю его менажировать; блонды составляют голове наилутчее украшение; Матушка! довольно видеть вас с батюшкою, чтоб получить совершенную аверсию к женидьбе*», (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 12). В дворянской среде культивировался подобный жаргон, и комедия «Бригадир» это хорошо отражает: «*Советница. Переменим речь, je vous en pris. Словом, он мне делает свой кур. Сын. Как? Он мой риваль?»* (там же: 16–17). Употребленные в приведенных репликах слова «блонды», «аверсия» и выражение «делать кур» – заимствования второй половины века, отмеченные в СРЯ XVIII: «блонды, 1759 г., от фр. «blonde» – «кружева из шелка-сырца»; «аверсия», 1767 г., от фр. «Aversion» – «отвращение, неприязнь к кому-л., чему-л.». Разговорно-просторечные выражения «делать кур; строить кур, куры», о которых А.С. Шишков говорил, что они из большого света переселились к купцам и купчихам, также отмечены в СРЯ XVIII: «кур, куры», 1763 г., от фр. «cour»; «делать, строить (кур, куры)» – «ухаживать за дамой (вначале в жаргоне щеголей)». Слово «риваль» («соперник») является примером одного из иноязычных словоупотреблений, присущих определенным языковым группам (дву- и многоязычным дипломатам; в шаржированном языке петиметров).

Следует подчеркнуть, что вопрос о заимствованиях был актуальным ещё и потому, что наплыв иноязычных слов в то время требовал быстрого осмысления

нового, подчас хаотического языкового материала. И спектр его использования в комедии был необычайно широк – от употребления слов в прямом значении – до имитации иноязычной, в первую очередь французской речи, – явления, которое еще не получило своей квалификации в рамках теории взаимодействия кодов. По мнению А.А. Бурыкина, это своего рода соприкосновение кодов или системная кодовая аттракция, характерные для жаргона и более поздних периодов (к примеру, сленг хиппи). От этого явления надо отличать факты собственно переключения кодов – иноязычные вставки или имитации иноязычной речи в русской графике, также имеющие место в нашем материале.

Комедия Я.Б. Княжнина «Чудаки» пронизана сатирическим пафосом, направлена против галломании, идей просветительской философии, равенства людей. Автор создаёт целую галерею отрицательных образов дворян. Это сентиментальный «вздохатель» Прият, любящий трогательные романы, чудак Лентягин, легкомысленный Ветромах и др. персонажи, в репликах которых встречаем все тот же русско-французский жаргон: *«Ветромах. Je vous jure мадам? Что русский мне язык как будто кляп во рту, Притом же очень вреден. Вы не поверите, я сколько с русским беден! По-русски разум мой так узок, невелик. А по-французски, ol que le diable m`emporte! Выходит разум мой par une grande porte»* (Княжнин Я.Б. «Чудаки», с. 36). Существенным достижением этой комедии является легкий, живой и остроумный диалог с обилием иностранных слов: *«Пролоз. В такое время бы оделась и кокетка; Чтоб барин мой в сюртук был серенький одет! Он и теперь одет, как филозофский модник! Лентягина. Мне должно бы, позвав лакеев штатных»* (там же: 70–75).

В комедиях В.И. Лукина, «теоретика русской драмы», также воспроизводится речь петиметров. Это оригинальная комедия «Мот, любовь исправленный» и «Щепетильник» – перевод комедии французского драматурга Патю. Осуждая галломанию, автор стремится к использованию разнообразных французских слов и выражений, составляющих основу жаргона щеголей. Речь персонажа Верховлядова похожа на реплики сумароковского Дюлижа: *«Верховлядов. А пар дие! Рад я, что тебя вижу в добром здоровье, господин Щепетильник. О! проклятый*

твой титул колет и дерёт уши. Пожалуй, брось это варварское имя, а называйся галантерейщиком. Это будет тре-галан, и ты сам галантомом почитаться станешь» (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 214–215). Щепетильник возражает ему, и тогда Верхоглядов выдаёт ему новую тираду: «О, фидом! на нашем языке! Вот ещё какой странный экскюз! Наш язык самой зверзской и коли бы не мы его чужими орнировали словами, то бы на него добрым людям без ореру дискутировать было не можно. Кель диабле! Уж нынче не говорят риваль, а говорят солюбовник. Ха, ха, ха! Какое униоранство! Ах! эти слова умертвят меня» (там же: 215). В приведенных примерах много лексических новаций эпохи, в том числе «галантерейщик», «галантом, галантон»; «галантерейщик», 1765 г. – «хозяин галантерейной лавки, продавец галантереи; щепетильник»; «галантом», 1765 г. – от фр. «galant homme» – «светский человек; щеголь, преимущ. в щегольском жаргоне»: «**Модстрих.** Фу! как ево фасон для галантонов стар! (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 136). В речевых партиях других персонажей иностранная лексика употребляется уже не в утрированном виде, а как обычная составляющая разговорной речи: «**Безотвязный.** А я тебя услужу пятью **империальцами** и на парочку **пирюенского грызету**; **Добросердов.** Я в **конторке** буду вас дожидаться; **Докукин.** Уже **векселю** седьмой месяц срок минул; **Княгиня.** Ты постоишь у моего **туалета**» (Лукин В.И. «Мот, любовь исправленный», с. 455–470); «**Старосветов.** Я куплю их для **близиру**» (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 221). Слова из самых разных сфер входят в речевые партии персонажей («**салфетка, хранчуские болванчики, купидоны, бутик, маскарад, моралист, петиметр, канане, идея, алабюшерон, менюет, контротанс, миниатюрный, сформировать**» – Там же, с. 240–275), ремарки («**Вынув групп купидонов, изображающих художества и науки, смеётся**» – Там же, с. 274). И большинство из них – лексические новации эпохи («купидон», 1730 г.; «петиметр», 1750 г.; «канане», 1760 г.; «групп, группа» – квантитативное, впоследствии вызвавшее стилистическое смещение слова «партия», 1764 г.; «миниатюрный», 1770 г.; «контротанс», 1789 г.), так же, как и в комедиях других авторов – «грезет, империалец, туалет» – «процесс одевания», «кокетка», «блезир» и др.» – заимствования второй половины XVIII в.

Комедии И.А. Крылова «Кофейница», «Модная лавка», «Урок дочкам», «Пирог», «Проказники» также дают показательные примеры использования иноязычных слов в самых разных стилистических функциях. *Галломанствующая* помещица Новомодова в экспрессивных, и даже бранных репликах широко употребляет заимствованную лексику: «*О, проклятые лакеи; дюжина столовых ложек; ни на одной бестии живого места не оставляю; Я шельму вора в гроб прибую; кофей*» (Крылов И.А. «Кофейница», с. 18–25). И название этой комедии, просторечное слово «Кофейница» – «гадалка на кофейной гуще» – образовано от иноязычного слова «кофе». Его варианты – «кофей, кофь, кафе, кафа», от тур. «Kahve» – «семена кофейного дерева; напиток из молотых кофейных зерен – кава»; «кофейница» – «сосуд для хранения кофе; простореч. и простонар. гадалка на кофейной гуще» [СРЯ XVIII].

Отметим, что этимология слова «кофе» – благородного напитка, входящего во вкусы дворян, довольно неоднозначна. Существует мнение, что первоисточником слова «кофе» могло быть араб. «qahwa» – «кофе»; «в русском языке «кофе» восходит, вероятно, к голл. «koffie» – «кофе», ср. также англ. «coffee» [Черных, 1993, Т. 1: 436]. Попытки городского просторечия придать слову благообразный русский вид удалась не совсем, и слово сохранилось без окончания – «кофе» [Колесов, 1991: 168–169]. Многие авторы не решались употреблять его, а Тургенев в письме к Фету писал, что если невозможно обойтись без слов «карамель» и «кофе», то лучше употребите «марципан» и «баваруаз».

В комедиях И.А. Крылова «Урок дочкам», «Пирог», «Модная лавка» и «Проказники» иноязычная лексика, помимо обличительной функции, призвана передавать особенности разговорной речи дворянской среды, а также служить средством речевой характеристики героев, в том числе иностранцев, передавать особенности их эмоционального состояния, чувства: «*Фатюев. Мой карикль, скотина! Джокей, карикль! Джоке! проводи немножко лошадей; Вспышкин. Да ведь мы с тобою не роман*»; «*Ужима. Так поступать с дамами! Ах варвар!*» (Крылов И.А. «Модная лавка», с. 235–237). Показательным является употребление редкого для данной эпохи английского заимствования «жокей, жак, джоке»,

1799 г., от англ. «jockey» – «мальчик при лошадях; для верховой езды» [СРЯ XVIII]. Дворянская среда накладывает свой отпечаток и на речевое поведение персонажей комедии И.А. Крылова «Урок дочкам». Так, в репликах дворянина Велькарова и его дочерей, и даже их горничной, употребляются такие модные в свете выражения, как «на последний манер; модные лавки; с дюжину отбоярили; выписала мадам Григри» (Крылов И.А. «Урок дочкам», с. 295–303). Характерно, что персонаж Велькаров, запрещающий дочерям разговаривать по-французски, сам употребляет иноязычные слова в диалоге-споре: «Я выгоню из вас желание сделаться маркизами; Ваша любезная мадам Григри» (Крылов И.А. «Урок дочкам», с. 322). В комедии И.А. Крылова «Проказники» употребляется французское заимствование конца XVIII в., 1790 г., – «анонсировать» (от фр. жарг. «annoncer» – «объявлять, сообщать»): «Плутана. Я сам анонсирую, что я умен» (Крылов И.А. «Проказники», с. 183). В комедии «Модная лавка» употребление иностранной лексики также обусловлено социально-речевой характеристикой персонажей-дворян («Лестов. И об этом отнесутся формально правительству. Сумбуров. И напечатают в газетах» – Крылов И.А. «Модная лавка», с. 292) и диалогической ситуацией, например, во французской лавке («Сумбурова. Покажи мне тули и пекинеты. Маша. Там, на окне, картон с петинетовыми воальми» (там же: 253). И в ряду новой лексики – слова «картон», 1763 г., «воаль», 1805 г. и др.

Широкое употребление иноязычных слов и выражений изображается и в купеческой среде. В комической опере М.А. Матинского «Санкт-Петербургский гостинный двор», изображающей быт купечества, даже музыкальные партии дам-покупательниц и продавцов содержат иноязычные слова: «атлас, гас, ост-индские платки, аграменты, тафты, канифасы, каркасы, флоренты, позументы». Среди них много новых слов, в том числе «каркас», утратившее терминологичность и вошедшее в сферу «мода» из военной сферы в значении – «тонкая проволока в виде остова, упора для матерчатых изделий – шляп, платьев». Показательно, что это слово не включено в словари XVIII – и даже XIX вв.

В комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» также реально представлена разговорная стихия дворянской среды, речь героев глубоко характерологична, иноязычные слова обычны в репликах самых разных действующих лиц: *«Стародум. Табакерке цена пятьсот рублей. Г-жа Простакова. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин... Митрофанушка ещё в недорослях, nota его и понежить... нашей же фамилии Простаковых»* (Фонвизин Д.И. «Недоросль», с. 65).

Особый интерес представляет изображение речи иностранцев. В их диалогах отмечается множество иноязычных слов и разного рода вкраплений из их родного языка (речевые партии Лафлера из комедии Е.Р. Дашковой «Тоисиоков», Мосье Трише и Мадам Каре из «Модной лавки» И.А. Крылова, Трумфа из «Подщипы», немца Вральмана из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» и др.). Яркой чертой речевого поведения этих героев является иностранный акцент, «ломаная», комично звучащая русская речь. Так, например, в комедии Д.И. Фонвизина учитель Вральман говорит с акцентом, и его речь послужит образцом для изображения немецкого акцента в литературной традиции будущего: произношение *-с-* на месте *-ц-*, пропуск *-в-* в начале слова, оглушение согласных *б, в, г, д, ж, з* в сильной фонетической позиции. Вот его реплики: *«Ай! Теперь-то я физжу. Уморить хотят репенка! Сшалься нат сфаей утрупой, котора дефять месесоф таскала, так скасать, асмое тифа в сфете»* (Фонвизин Д.И. «Недоросль», с. 109). Другие авторы похожим образом имитируют речь немцев: *«Крючкострой. «Ни шнаит это мой!»; «Ни шнай мой нишаво, фамилия мой Питер», «Ну только и твердит проклятый немчура»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 239). Широко передавались и особенности акцента французов. В комедии Е.Р. Дашковой «Тоисиоков» такая манера – один из способов речевой характеристики француза Лафлера: *«Лафлер. Кочешь са мной ехать а Paris? Я шенитса на тебе и ми будем шить, слов слово, как смеятса. Пожалиста, кочешь?»* (Дашкова Е.Р. «Тоисиоков», с. 298). В данном отрывке переданы такие явления французского языка в русской речи, как оглушение согласных, смешение заднеязычных, смягчение звуков, при этом происходит искажение фонетического

облика русских слов. Имитация акцента другими персонажами может служить даже одним из средств создания словесной игры персонажей: *«Лафлер. Я думай, ти лучше люби шаловек, котори деньги имеш? Машиа. Да и то не худо, коли шаловек-то того стоит. Лафлер. Карош ли такой, как я? Машиа. Очень карош. Ты велика плут!»* (там же: 297). Ещё одной составляющей речевого портрета иностранцев являются отдельные лексические вкрапления как на его родном языке, так и переданные средствами русской графики. Перевод иноязычного слова, как правило, автор приводит: *«Вральман. Ступай! Форт!»*; *Форт!* – нем. *Прочь!*» (Фонвизин Д.И. «Недоросль», с. 111); *«Лафлер. Eh bien (хорошо)»* (Там же, с. 288). Персонажи-иностранцы чаще всего употребляют слова, связанные со сферой «человек» – *«компания, амур, дама, монсьор, гаер, патрон, кавалер»*, и отвлеченную лексику. В монологических размышлениях-обращениях героя к самому себе иноязычные слова и выражения составляют их основу, ср. ломаную речь Лафлера из указанной комедии Е.Р. Дашковой со словами: *«monsier, фортун, мосье, мамзель, превенировать, интриг, барыш, а Paris, famille»* (там же: 288).

В шуто-трагедии И.А. Крылова подвергается осмеянию принц Трумф, в каламбурных репликах которого акцент смешивается с грубыми выражениями, бранью, искажаются немецкие слова: *«люпи мене, коль пиль не хочешь польна польна пиль, коль пиль не хочешь жон, так мой ты путешь прашка!»* (Крылов И.А. «Подщипа»).

Включение иноязычной лексики в диалоги персонажей мотивируется также профессией персонажей, родом их занятий. Многие пьесы содержат слова-термины из самых разных сфер, и это не случайно. В данную эпоху в России активно развивались науки, а героями комедий были люди самого широкого круга деятельности. Вот пример из комедии Екатерины II «Обманщик», в которой персонаж-доктор произносит иностранные слова – медицинские термины: *«Доктор. Подобные пароксизмы подвержены различным обстоятельствам. Спазматическая, спазматическая боли делириум силы придает. Гипококвана, минеральная воды»* (Екатерины II «Обманщик», с. 23–24) И некоторые из них являются лексическими новациями эпохи. Это слова «спазматическая» (от «спазма, спазм»,

1789 г. из греч., лат. «spasmus» – «судороги», через фр. «spasme») и «пароксизмы», 1730 г., вошедшее в русский язык в период усиления нем. влияния в русском языке, имеющее западную форму суффикса со звонким согласным, но к концу века пуристы употребляли его с глухим согласным (-исм-). В комедии А.П. Сумарокова язык персонажей-докторов также характеризуется употреблением иностранной терминологии, особенно в их письменной речи: *«Пасквин. Инструкция, инклинация и иллюминация. (Пишет.)»* (Сумароков А.П. «Приданое обманом», с. 356). В репликах Пасквина встретилось и новая форма иноязычного слова «иллюминация» – «люминация», 1748 г., от нем., фр. «illumination» – *«праздничное, яркое освещение, обычно с разноцветными огнями»* в репликах Афросиньи Сысоевны из комедии М.И. Веревкина: *«К чему, мать моя, едакая люминация?»* (Веревкин М.И. «Так и должно», с. 21). В опере-шутке Н.П. Николева «Опекун профессор, или Любовь хитрее красноречия» концентрация научных терминов в репликах профессора «елоквенции» Старона весьма высока: *«Риторика, тропы, метафора, синекдоха, антономасия, номатония, катахрис, металипс, аллегория, перифрас, иперват, ирония»* и др. Он даже в любовном диалоге употребляет слова из гуманитарной сферы («*моя елоквенция*», «*метафора*») и др. Одни термины («*риторика*» и др.) известны в русском языке еще с древности, другие – «*ирония, антономасия, метафора, синекдоха*» и др. стали активно употребляться с Петровской эпохи. Слова «*аллегория*» и «*металипс*» – более новые, употреблялись с 1750-х гг. В другой комедии Н.П. Николева – «Самолюбивый стихотворец» иноязычная терминология, связанная с литературным творчеством, типична для реплик поэта Надмена и служащего типографии, печатающего его стихи: *«Надмен. Как будто рифм мешки... Трагедия моя поспела бы конечно!; Наборщик. Вот тут элегия, А в рифму лучше лажу. Взлезу на Парнас... Сатиришка ж, когда родилась, беззаконно»* (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 83–85).

Заимствованные слова являлись неременной составляющей речевых портретов положительных и, как правило, образованных персонажей у разных драматургов. Так, в комедии П.А. Кропотова «Фомушка, бабушкин внучек» реплики офицера Остромыслова, в противовес речам невежественных Фомушки и старухи

Слюняевой, содержат книжные обороты, общественно-политическую терминологию: *«Остромыслов. А все парламент верхней и нижней; – в верхнем судятся политические дела; Голландия есть республика, которая управляется штатами; Всякой город выберет у себя депутатов и пошлет в провинцию»* (Кропотов П.А. «Фомушка, бабушкин внучек», с. 375–380). Заметим, что данные реплики напоминают речь сегодняшнего политика, но для XVIII в. это было своеобразным изображением вольнодумства.

Другому положительному герою этой же комедии – графу Чистосердову свойственно речевое поведение, близкое речи Остромыслова. Он употребляет слова «юриспруденция, диспуты, манер, критиковать», как и положительные персонажи комедий других авторов, умные и образованные (*«Правдин. Я был послан от иностранной коллегии к министру в Турин»; «Куда девался во мне мизантроп?»* – Копиев А.Д. «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка», сс. 501, 527). В этой же комедии положительные персонажи употребляют иноязычные слова в бытовых сценах, данная лексика обозначает названия продуктов питания, напитки, различные постройки, вошедшие в моду в XVIII в.: *«Дмитрий. Князь прислал вам из своей ранжереи артишоков и дыню, ренскова»* (Там же, с. 492). Слово «ранжерея» является народно-разговорным вариантом слова «оранжерея» (из фр. «orange» – «апельсин», «orangerie», возможно через нем. «Orangerie»), первоначально «аранжерея», и означает «застеклённое помещение для разведения или зимовки южных вечнозелёных, цветочных и др. растений, обычно без отопления». Слова «артишоки» и «ренскова» означают следующее. Артишоки – («артишоки», 1717 г., «артишоки», 1737 г., от ит. articiocco < араб., непоср. и через гол. artisjok, нем. Artischocke – «огородный овощ» – СРЯ XVIII) – «очищенные черешки травянистых растений, а также жилки, листья и корень, употребляемые в пищу». Слово «ренскова» от «Рейнское» – сорт вина, известного в России с Петровской эпохи («рейнвейн» – впервые у Петра I, из немецкого «Rheinwein» – «рейнское вино») [Фасмер, Т. 3: 463]. Характерно, что в репликах «недоучившегося» семинариста Кутейкина из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», в некоторой степени образованного, также встречается иностранная тер-

минология, заимствованная из классических языков («семинария», 1726 г., «консистория», «резолуция»): *«Кутейкин. Семинарии здешняя епархии. Ходил до реторики. Подал в консисторию... резолюция вскоре воспоследовала»* (Фонвизин Д.И. «Недоросль», с. 126).

Иноязычные слова встречаются в большом количестве и в комедии А.И. Клушина «Алхимист» с ее «прогрессивным» содержанием («колба», 1768 г., «унция, гален, комплекция, аптека» и др.), органично вписываясь в эмоциональные реплики Вскипятина, человека ограниченного, но увлекающегося наукой – алхимией, желающего найти свой *философский камень*. Да и само название этой комедии является заимствованным словом – «алхимист» от «алхимия» (лат. «alchimia»). В комедии В.В. Капниста «Ябеда» на сцену выводится с сатирически-обличительной целью «шайка» чиновников суда – от председателя палаты – до её секретаря. Их речь наполнена специальной лексикой из «судейской» среды («регламент, процесс, апелляция, прокурор, репорт, протокол, патрон»), проникающей даже в любовные сцены, что создает комический эффект.

Появление иноязычной лексики в данную эпоху было связано также «со стремлением отделить старые формы жизни и восприятия мира от новых, с новыми тенденциями в речевом употреблении» [Сорокин, 1965: 44]. Поэтому в репликах самых разных персонажей, независимо от их социального происхождения (дворяне, купцы, слуги, подрядчики, приказчики, матросы, крестьяне и др.), находим иноязычные слова и выражения, раскрывающие черты новой жизни, быта, и как дань речевой моде: *«Флена Дробина. Ларнит, как ли называют?»* (Екатерина II «Шаман Сибирской», с. 222); *«Олимпияда. Никово адоратеров вокруг не будет»* (Екатерина II «Имянины госпожи Ворчалкиной», с. 196); *«Подщипа. Ванеры да мигрень»* (Крылов И.А. «Подщипа», с. 194); *«Провор. Не думаешь ли, брат, свернуться здесь на балах? Подрядчик. Скажите, нужда здесь в каких материялах?»* (Судовщиков Н.Р., с. 188); *«Приказчик. Платье французского бальи»* (Княжнин Я.Б. «Несчастье от кареты», с. 461); *«Викул. Стал вступать в дела да в кредиты, стал банкротом; в коммерции она смышление имеет»* (Плавильщиков П.А. «Сиделец», с. 510–511).

Следует отметить, что широкое употребление иноязычных слов, в том числе и новых заимствований («каймак» – «сливки», 1769 г.), характерно не только для комедий, но и для комических опер. Вот строки из песни, которую поет персонаж «из народа»: *«В народе во калмыцком кушают каймак, сульях и турмак, табак курят, кумыс варят.»* (Екатерина II «Февей», с. 40).

Таким образом, стилистические функции иноязычных слов в комедиях весьма разнообразны, основная из них – сатирическая, изображение общественных пороков, галломании. Заимствованная лексика также служила важным средством создания образа персонажа – его речевой характеристики, образованности, профессии, передавала особенности языковой ситуации, речевой моды общества, культурно-бытовых реалий того времени. Существенным фактором является авторское своеобразие, жанровая направленность комедии, определяющие способы вхождения иноязычной лексики в различные типы диалогов.

2.3.2. Заимствованное слово как важнейший структурно-семантический компонент диалога комедий

Основной формой языкового выражения в комедии является диалог, в структуру которого органично входит и иноязычная лексика как полноправный компонент русского литературного языка нового времени.

Диалог – особая функционально-стилистическая форма речевого общения, предполагающая наличие двух и или нескольких участников коммуникации, на фоне динамизма и эллиптичности речевого потока, имеющая особые приемы взаимосвязи реплик. Комедии предназначались для постановки на сцене, а такая форма диалога имела ещё более сложную организацию – передачу сущности сценического образа, раскрытие сюжета, действия, ситуации, подтекста исключи-

тельно репликами самих же персонажей; существовали и известные условности жанра. Следовательно, в рамках данной работы представляется целесообразным рассмотреть формы и типы диалогического сцепления реплик, в которые входят заимствованные слова, способы их включения в диалоги разных типов, отражающие разговорную речь данного времени.

Одной из разновидностей конструктивно-семантической взаимосвязи реплик являются вопросно-ответные единства, имеющие большой удельный вес в структуре комедии. И иноязычные слова являются непременной их составляющей. Например, в одной из комедий Н.П. Николева относительно небольшая по объёму реплика-ответ содержит сразу два иноязычных слова, обозначающих предметы, причём одна из лексем («стул») участвует в организации рифмы стихотворного диалога: «*Модстрих. Да с кем же это? Марина. С стулом. Вы шпагою его, а он вас двинул дулом*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 102). Реплики-вопросы часто содержат иноязычные прилагательные, употребляющиеся даже в роли субстантиватов: «*Советница. Вы не можете шутки отделить от сурьёзного?*» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 68). «Сурьёзный» – новое заимствование, 1740 г. (фр. «sérieux» – то же), имеющее несколько значений. Эволюция и усложнение формы драматургического диалога приводят к употреблению конструкций, в которых реплика-вопрос с иноязычным словом порождает ответ со встречным вопросом. При этом спектр выражаемых значений самый разный, в данном случае – это передача эмоций персонажа, недовольного вопросом: «*Каре. Ваш, конечно, из дальна провинс? Сумбуров. А что? разве здесь эдак и думать в диковинку?*» (Крылов И.А. «Модная лавка», с. 273). Встречаются примеры, в которых иноязычные слова входят в структуру реплик-вопросов, продолжаемых ответом персонажа, и стимулирующих, в свою очередь, возникновение экспрессивных переспросов: «*Простодум. Какого ж, секретарь Полистушка, ты чина? Губернский ли? или?.. Полист. Не знаю, я какой, А только ведаю, что самый я большой. Простодум. Коллегский?.. Сенатский?*» (Княжнин Я.Б. «Хвостун», с. 389).

Одним из диалогических средств конструктивно-семантической связи реплик являются и разнообразные повторы – лексические и синтаксические. Повтор в диалоге – это построенная по правилам разговорной речи вторая реплика, выражающая определенную реакцию на сказанное другим. В качестве структурной основы она обязательно содержит компоненты словарного состава первой реплики, подчиняется её форме. В результате возникает сложное диалогическое единство. Иноязычная лексика широко употребляется в таких конструкциях, являясь в диалоге комедии элементом новизны и необычности, речевой экспрессии и, самое главное, – она служит связующим элементом диалога. При этом смысл и интонация высказываний могут быть разными, – передавать специфику драматической ситуации, особенности речевого поведения героя, его характер. Так, например, в одной из сцен комедии Д.И. Фонвизина слово «пакет» (фр. «paquet», нем. «Paket») передает, с одной стороны, удивление персонажа Правдина, с другой – недовольство по поводу того, что ему не сообщили о предмете, крайне важном для него в настоящий момент: *«Госпожа Простакова. К тебе несут какой-то пакет. Правдин. Ко мне пакет?... И мне никто об этом не скажет»* (Фонвизин Д.И. «Недоросль», с. 164). История слова «пакет» показательна тем, что оно развило в данную эпоху три синонимичных значения: «обертка, конверт для пересылки писем, деловых бумаг, книг»; непосредственно сами «письма, деловые бумаги» и «связка, сверток упакованных вместе предметов». В указанной комедии слово «пакет» употребляется в значении «письмо».

В некоторых сценах повтор иноязычного слова, употребленного в предикативно-характеризующем, бранном значении, может служить началом ссоры персонажей, а реплика-ответ носит характер угрозы: *«Роза. Я тебя, шельма, хотела видеть. Илья. Как?! Я шельма? Постой... Это тебе даром не пройдет»* (Левшин В.А., Керцелий И. «Король на охоте», с. 37). В других сценах комедий иноязычная лексика призвана служить семантической доминантой, отправной точкой развития функционального типа диалога-разоблачения, уличения одного из персонажей во лжи: *«Сидорка. Маркиз Глаголь, ваша комната готова. Велькаров. Маркиз Глаголь!.. Так вас называют маркиз Глаголь? Господин маркиз Глаголь,*

ты плут. Ну говори ж, **маркиз** Глаголь! **Семен**. Ах! Простите кающегося грешника. Я не **маркиз**, а просто вольный человек» (Крылов И.А. «Урок дочкам», с. 321). В некоторых комедиях встречаются так называемые двойные повторы, построенные на столкновении разных значений иноязычных слов, создающих лексико-синтаксический параллелизм реплик: «**Полист**. Как видно, то с пути её **романы** сбили. **Чванкина**. **Романы!** Я её поотучу от них! **Романы!** Слушаться таких людей дурных» (Княжнин Я.Б. «Хвастун», с. 390). В повторе иноязычных лексем может отражаться целая гамма смысловых оттенков, как правило, эмоционально-экспрессивных, раскрывающих внутреннее эмоциональное состояние героя. Например, в репликах Чванкиной звучит угроза, а в речи Лукерьи – протест, негодование по поводу предстоящего замужества: «**Фекла**. Куда это умно, ты, сестрица, будешь майоршею, а я ассессоршею! **Лукерья**. **Майорша!** **Ассессорша!** **Фи!** Гадость! Нет, нет, как изволит батюшка, я лучше в девках останусь» (Крылов И.А. «Урок дочкам», с. 57). Встречаются многократные повторы иноязычных слов, создающие атмосферу иронично-шутливого полилога, участники которого разоблачают обман, служащий ключевым моментом в развитии действия: «**Мидас**. А вот **портрет** её мне дали (Показывает **портрет** с ослиными ушами). Посмотри сам, хороша ли? И подписано: **портрет** Душенькин. **Мом**. **Мидас**, **Мидас!** по этому **портрету** ты сам Душенька, это твой **портрет**. **Бахус**. Это его **портрет**. **Силен**. Кто-нибудь тебя дурачил, и на смех дурацкий **портрет** дал тебе вместо **портрета** Душенькина. **Мидас**. **Ба!** **ба!** **ба!** **ба!** то не Душенькин **портрет**, надо мной подшутили» (Вязмитинов С.К. «Радость душиньки», с. 124). Таким образом, многократно повторяющееся слово «портрет» служит не только конструктивно-семантическим средством связи реплик, но и стимулом развития конфликта героев. В комедии Н.Р. Судовщикова это же слово «портрет» служит предметом развития диалога-обмана. Дочь, пытаясь скрыть свои истинные чувства к возлюбленному, плачет, в это время появляется её отец, и она притворно произносит: «**Милена**. Я с слезами, Глядела лишь на матушкин **портрет**» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 181). Примером многократных повторов иноязычных слов может служить и диа-

лог-беседа из комедии А.П. Сумарокова: *«Нуса. Ежели бы только таких людей в регистраторы посвящали, которые хорошо писать умеют, так бы не было на Руси ни одного регистратора. Ни один регистратор писать не умеет»* (Сумароков А.П. «Рогоносец по воображению», с. 378).

Иноязычные слова, взаимодействуя с другими лексическими средствами в диалогическом единстве, активно участвовали в создании его подтекста – внутреннего аллегорического смысла высказывания, за которым скрывались слова и мысли персонажа. Это был новый приём, обогативший структуру и сюжет русской комедии конца XVIII в., получивший свое развитие в дальнейшем: *«Мавра. А того не скажем, что лошади не кованы, у колес чек нет, и что упряжка скверная! Вестникова. Что ты ворчишь, Мавра? Мавра. Ничего, сударыня, я о полиции говорю!»* (Екатерина II «О время!», с. 29). Мавра недовольна плохим экипажем, но пытается скрыть это словом «полиция». Подтекст диалога в другой комедии создаётся в результате употребления заимствованного в XVIII в. слова «табакерка» (фр. «tabatiere», 1724 г.), повтор которого в смежных репликах диалога образует далеко идущее смысловое противопоставление, обнажающее сущность образа петиметра Верхоглядова: *«Верхоглядов. Мне надобно табакерку разумную. Ты меня, я думаю, разумеешь? Щепетильник. В голове нет разума, так ищет в табакерке!»* (Лукин В.И. «Щепетильник», с. 287).

Следует подчеркнуть способность заимствованных слов употребляться и в другой разновидности конструктивно-семантической связи реплик – подхватах, природа которых кроется в разговорной речи. При этом грамматическое строение последующей реплики является дальнейшим развертыванием, дополнением или окончанием предыдущей. Подобные конструкции передают различный смысл высказываний, участвуют в создании многообразия композиционно-функциональных типов диалога, и иноязычные лексемы играют в них роль связующих элементов реплик. Перед нами диалог-унисон из комедии Н.П. Николева (*«Милана. Хотя навек!.. ушел! Панфил. Ушел наш фон!»*) – Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 172), в котором высказывания персонажей Миланы и Панфила представляют единое целое, образуемое репликой-подхватом Панфила с иноязычным

словом «фон». Помимо употребления в конструкциях с подхватами, иноязычная лексика может входить и в ряды однородных членов, являющихся средством лексико-грамматической связи диалога, в состав которого входят и исконно русские слова. Все эти вместе взятые лексические средства, дифференцирующие или конкретизирующие друг друга, образуют единство диалога: «*Надмен. То враль, то грубиян, то петиметр негодный*» (там же: 165). В комедиях Н.Р. Судовщикова, Я.Б. Княжнина заимствованные слова, образующие ряды однородных членов, создают лексико-синтаксический параллелизм стихотворных реплик, в результате которого создается экспрессивно-эмоциональная тональность реплик: «*Да навезет туда помады да духов, да новомодные дал черт голотереи*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 230); «*Провал возьми весь свет, где столько бед – то от карет, то от манжет*» (Княжнин Я.Б. «Несчастье от кареты», с. 258).

Отличительной чертой заимствованной лексики в комедиях является и её способность образовывать антитезу диалогического высказывания, передавая контраст понятий и художественных образов. В комедии Н.П. Николева противопоставление иноязычных слов служит средством характеристики персонажа («*Надмен. Хороший он солдат, а автор пренегодный*» – Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 147); у Н.Р. Судовщикова – передает эмоциональное состояние героя, его жалобы («*Подрядчик. Профиту нет совсем, а курс весьма пренизкой*» – Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 229). Причем, иноязычная лексика обозначает самые разные понятия, связанные как с конкретно-бытовой сферой, так и с научной. Например, в комедии И.А. Крылова звучит контрастная реплика, содержащая голландское заимствование, относящееся к сфере «продукты питания» («*Подщипа. Ты любишь устрицы, а их не терплю*» – Крылов И.А. «Подщипа», с. 197), а в комедии В.И. Лукина являются противоположенными наименованиями жанров («*Самохвалов. Начну я писать тебе похвальный эпитр, а на молодых вралеи комедию*» – Лукин В.И. «Щепетильник» с. 293). Включение иноязычной лексики в диалоги с антитезой служит средством создания диалогической ситуации. Например, в комедиях М.М. Хера-

скова и А.П. Сумарокова создается ситуация обвинения человеческих пороков («*Грублон. Кто вырос, может быть, над ржавой ветчиной, Тот самых лучших вин и ананасов просит*» – Херасков М.М. «Ненавистник», с. 41); («*Турса. Харя и с брильянтами харя, а красавица и без прибора красавица*» – Сумароков А.П. «Нарцисс», с. 111). Следует отметить, что слова «ананас» и «брильянт» (фр. «brillant» – «блестящий») – новые заимствования 1720–1740 гг.

Многие иноязычные слова употребляются в стилизованных разговорных конструкциях – релятивах, являющихся ярко выраженной реакцией на ситуацию или высказывания других персонажей. Так, в комедии А.Д. Копиева реплика-релятив носит характер переспроса, выражает сильное удивление персонажа («*Еремеевна. Как, батюшка! Неглеже?*» – Копиев А.Д. «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка», с. 508); в комедиях Н.П. Николева и Н.Р. Судовщикова их роль – оценочно-характеризующая («*Кривосудов. О, здание шкилетно!*»; «*Подрядчик. Предивная курьёза!*» – Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 227–231; «*Надмен. И он ещё меня монсьором называет*»; «*О гнусный петиметр!*»; «*Модстрих. Какой афронт!*» – Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 82–89). Иногда реплика-релятив носит характер эмоционального лексического повтора (речь Ворчалкиной): «*Некопейков. Кем этот проект сочинен, что вы выдаете дочь? Ворчалкина. О!.. Какой, батюшка проект?*» (Екатерина II «Имянины госпожи Ворчалкиной», с. 216). Употребленное в переносном значении иноязычное слово «проект» («план, замысел») служит началом возникновения конфликта: «*Ворчалкина. Поди, пожалуйста, из дому моего вон!*» (там же: 218). Иногда релятивная реплика может содержать повтор целой фразы, содержащей иноязычную лексику: «*Дюлиж. Если б он не был отец моей метрессы, я б его, конечно, не почитал человеком. Хабзей. Как? Отец моей метрессы?*» (Сумароков А.П. «Чудовищи», с. 321).

Яркой чертой комедийных диалогов является их функционально-стилистическая и семантическая неоднородность, разнообразие. Драматическая реплика есть всегда «выпытывание, выведывание, расследование, допрос, уговаривание, увещевание, просьба, вымогательство, оболъщение, соблазн, лесть, упрек, обви-

нение, обида, оскорбление, вызов, нападение, предостережение, совет, защита, оправдание» [Волькенштейн, 1960: 67]. И данный список можно продолжать, буквально, до бесконечности, – живая разговорная речь давала богатый материал для создания диалогов самых разных типов. Материал комедий показывает, что иноязычные слова на равных правах с русскими входили в разнообразные виды диалога, участвовали в развитии сюжета, создании русских типажей. Вот пример диалога-спора из комедии Судовщикова, в котором экспрессивно-окрашенные эмоциональные реплики с иноязычными словами из военной сферы носят характер угрозы: *«Крючокстрой. Да чем я вам не мил? Прямиков. Мне темна грубого не смей ты показать...по эфес палаш в тебя всажу»* (Судовщиков Н.Р. «Неслышанное диво, или Честный секретарь», с. 58). Можно привести пример диалога-объяснения в любви, комично звучащего из-за столкновения русского и немецкого слов: *«Крючокстрой. Милена! Жизнь моя! Души полицеймейстер!»* (Там же, с. 50). Диалог-беседа, содержащий большое количество иноязычных слов, обусловлен статусом персонажей-дворян, речевой модой общества: *«Княгиня. Как кому по натуре. Боюсь, чтобы вдруг не обезуметь и при всей публике не потерять благопристойности. Пока я за туалетом, расскажи мне всю свою историю. Сорванцов. Я нарисую всю картину моей жизни. Служил я отечеству гвардии унтер-офицером, батюшка и матушка выхаживали мне всякой год паспорт»* (Фонвизин Д.И. «Добрый наставник», с. 183); *«Остромыслов. Записали меня в морской кадетский корпус, в оном корпусе обучил науки морские и пожалован мичманом, а потом через три года получил я чин лейтенанта»* (Кропотов А.П. «Фомушка, бабушкин внучек»). Следует отметить, что в приведенных примерах встретилось новое, английское, заимствование, редкое для данного времени («мичман», 1720 г., от англ. «midshipman» – «первый офицерский чин на флоте; лицо, имеющее этот чин») [СРЯ XVIII].

В комедиях исследуемой эпохи начинают проявляться тенденции эволюции драматического диалога, зарождающегося психологизма. Как специальный прием появляется полифонизм реплик, подтексты, столкновение несовместимых слов и понятий. Всеобщей становится установка на разговорность в речи персонажей

разных социальных групп, и новая иноязычная лексика становится неотъемлемым компонентом семантически обновлённого диалога. Показательным является диалог из комедии В.В. Капниста «Ябеда», в котором персонаж Наумыч, надеясь на благополучный исход *дела*, одновременно обращается и к председателю гражданской палаты Кривосудову, и к его жене. Он подробно перечисляет подарки и рассказывает о судебной тяжбе своего хозяина. Председатель же, внешне равнодушный к перечислениям, на самом деле, внимательно слушает его и положительно решает исход судебного разбирательства благодаря количеству подарков: «**Наумыч.** (Фекле) *На роброн атлас. На кафтан тут бархатец косматый ...Швейцарский сыр, В бутылках эрмитаж*» (Капнист В.В. «Ябеда», с. 495–496). В приведенных репликах употреблены и новые иноязычные слова – «роброн», 1769 г. (от фр. «roberonde»), означающее «просторное верхнее женское платье», и слово «эрмитаж» в значении «дорогой сорт вина», 1730 г. (от «Ermitage» – место производства вина на северо-востоке Франции). Название открытого в 1765 г. при Екатерине II Эрмитажа – собраний произведений искусств (фр. «ermitage» – «приют отшельника, пустыня») в комедиях не встретилось.

Обновлению драматического диалога способствовало использование средств речевого этикета, вошедшего в свет в связи с распространением западно-европейской культуры, литературы. Это были галантные обращения, приветствия, обороты вежливости: «**Пардон, француз! Пардон!** *Что выйдет из себя, затопает ногой, кто скажет «мон ами» наместо «друг ты мой»*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 138–139); «**Мамзель Машенька!**» (Дашкова Е.Р. «Гоисиоков», с. 299); «**Душа моя, adieu, ta reine**» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 53).

Обновление диалога коснулось языка и структуры ремарки, в которую заимствованная лексика входит наряду с исконной, русской. Большое место в ремарках занимала *пантомима* (*пантомина*), само это слово является новым классическим заимствованием, 1758 г. Больше всего иноязычных слов в обстановочных ремарках, ремарках-декорациях. Например, в комедиях Д.И. Фонвизина («Добрый наставник», «Бригадир») и И.А. Крылова («Пирог») иноязычная лексика называет конкретно-бытовые предметы – мебель, посуду, одежду, продукты

питания и пр., а также служит номинацией лиц: «*Княгиня сидит на канаве, на которой стоит картон с лентами*»; «*Театр представляет комнату, убранную по-деревенски*»; «*Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак*»; «*Ванька входит, неся в салфетке пирог*». Характерно, что иноязычная лексика, в кругу которой и новые заимствования («дезабилье», 1766 г. от фр. «deshabillé» – «домашнее платье»; «канаве», 1760 г., от фр. «canapé» – «софа, диванчик» [СРЯ XVIII]), может употребляться в совокупности с диалектно-просторечными словами. Например, со словом «кобениться» – «кривляться, ломаться»: «*Сын его, в дезабилье, кобенясь, пьёт чай*» (Фонвизин Д.И. «Бригадир», с. 163). В комедиях встретила совершенно новая для данного времени «ремарка в ремарке», имеющая характер поясняющей вставки, содержащая иноязычные слова: «*Те ж и Микеша (бежит, подавившись артишоком)*» (Копиев А.Д. «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка», с. 511). В дальнейшем ремарка становится настолько связанной с действием, что в смежной с ней реплике появляется лексический повтор иноязычного слова. Это тоже один из примеров эволюции диалога (ср. нем. «фляга», от «Flasche» – «бутылка»): «*Мельник. А я ещё покамест выпью. (Между тем пьет и, на фляжку любуюсь, говорит). Какая это добрая фляга*» (Аблесимов А.О. «Мельник – колдун, обманщик и сват», с. 390). Встречаются ремарки, в которых иноязычные слова служат отправной точкой развития действия, заключают в себе подтекст. Так, персонажи Фалалей и Леон спорят о женских головных уборах, разыскивая двух девушек: «*У обеих на голове флеровые большие и частые капоры; обе в тафтяных сапогах и весьма закутаны*». *Фалалей. Я думал, право, что барыни покинули носить фаты. Леон. Это не фаты, а капоры от солнца. Фалалей. Дорого бы я дал, если б у меня деньги были, чтоб поднялась и сия фата*» («Лжец», с. 98). Запутанная интрига этой комедии не помешала неизвестному автору с помощью иноязычной лексики достоверно изобразить в ремарках картины современного ему екатерининского Петербурга: «*Театр представляет берег Невы-реки; на реке шлюпка или рябик виден с музыкою; они играют на рожках*». Данные сведения являются весьма актуальными в лингвокультурном отношении. Во-первых, конкретизируется значение нового заимствованного слова «шлюпка»

более распространенным для той эпохи – «*рябик*». В этимологическом словаре [Фасмер, Т. 3: 534] это слово объясняется как «рабочая одежда рыбака», происходящее от эстонского «*räbik*», образованного, скорее всего, от русского слова «рябой». В академическом словаре данного времени данное слово толкуется как «гребное судно с крытою беседкою и острым носом» [САР², Ч. 5: 1133]. Вероятнее всего, это русское «гребик» – «небольшое гребное судно», заимствованное эстонским языком с утратой первого из двух начальных согласных (по мнению А.А. Бурькина). Во-вторых, проясняется значение слова «музыка», которое могло обозначать как небольшой оркестр на судне, так и самих музыкантов, о чем говорит употребление в ремарке местоимения «они» применительно к слову «музыка». Данная ремарка проливает свет и на время появления роговой музыки в России, ввезенной в 1751 г. музыкантом С.В. Нарышкина – чехом Марешем.

Некоторые авторы, создавая интерьер и декорации дворянского быта, настолько «увлекаются» употреблением заимствованной лексики в ремарках, что можно считать подобное словоупотребление спецификой их идиостиля: «*Театр представляет сад; куртины и аллеи освещены; во всю ширину театра, великолепной иллюминированной дом; Розана сидит в креслах. Бросается на дерновое канapé*» (Николев Н.П. «Розана и Любим», с. 206). Любопытно, что в структуре самого диалога этой комедии иностранные слова используются довольно умеренно.

Иноязычная лексика в комедиях служила также важнейшим версификационным средством, участвующим в создании метро-ритмического и рифменного единства стихотворного диалога. Способность к рифмованию обнаруживают слова, относящиеся к разным лексико-семантическим группам, но чаще всего – связанные по значению с человеком: «*кавалер-манер; ассессóром-сенатóром; агенту-резиденту*» (Княжнин Я.Б. «Хвастун», с. 390–420). Много примеров, в которых новые иноязычные слова рифмуются с исконно русскими: «*Модстрих. Нет к ближнему любви! Стой тут, бездельник! стой! я стану визави!*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 100). Слово «визави» квалифицируется как заимствование 1775 г. («визави», 1775 г., от фр. «vis-à-vie» – «супротив, против»), с

течением времени оно развивает омонимические отношения со словом «визави» («визави», 1757 г., от фр. «vis-à-vie» – «двухместная коляска, в которой сидят лицом друг к другу») [СРЯ XVIII]. В других сценах указанной комедии Н.П. Николаева встречается большое количество подобных рифм – *«шпажйща – пища; фон – он; фузея – злодея; тиранка – басурманка; парик – старик»* и др. Столкновение исконно русских слов, имеющих разного рода оценочность, со словами заимствованными приводит к ярко выраженному комическому эффекту, созданию эмоциональности диалога. В этом отношении типичными являются реплики персонажа Кривосудова из комедии Н.Р. Судовщикова, в которых рифмуются слова «чёрт» и «паспóрт»: *«Кривосудов. Кому ж ты угрозишь? угодьем будешь чёрту, И прямо в ад пойдешь, не надо и паспóрту!»* (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 220). Слово «паспорт» имело и новый вариант «пачпорт», 1792 г., употребляемый в разных комедиях. В этой же комедии рифмуются русские и заимствованные слова («дуру» – «фигуру»), употребленные в переносных значениях. Под словом «дура» персонаж подразумевает иноязычное слово «палаш» («холодное оружие с прямым обоюдоострым клинком»), комментарию же по поводу «безносой фигуры» излишни: *«Прямиков. Рекомендую я себя и эту дуру. Она состроит вмиг безносую фигуру!»* (Там же, с. 270). Рифмы в комедиях И.А. Крылова также богаты и разнообразны, особенно в репликах персонажей-иностранцев (*«фикур – телай кур; генералов – капралов; на рынке – вольники; день – мигрень; движим – фижем; давал – танцовал; табаком – не знаком; фикур – телай кур; парики – потники»*). В комедии В.В. Капниста лексика иноязычного источника создает рифменную созвучность стиха, его единство, сами персонажи пытаются сказать *в рифму*: *«Добров. О! Прокурор, Чтоб в рифму мне сказать, Существеннейший вор»* (Капнист В.В. «Ябеда» с. 474). Здесь можно встретить большое количество иноязычных рифм: *«протоколы – крамолы; протоколы – глаголы; добрó – на фурó; он – патрон; закон – миллион; капот – Федот; Федотом – комплотом; есть – манифест; нету – для комплекту»* и др. Капнист-драматург использует популярную в то время карточную терминологию иноязычного происхождения для рифмования с бранной лексикой – *«транспóр-*

том – чёртом». Рифма в комедиях других авторов (Хераскова, Княжнина и др.) также выполняет различные конструктивно-семантические функции: рифму стиха часто поддерживает ударение в иноязычных словах («*сенатёрства – проворства*»). Заимствованная лексика легко рифмуется с именами собственными («*секрет – Верховлет*»), в некоторых случаях характеризуется дистактностью.

Таковы особенности драматического диалога стихотворных комедий второй половины XVIII в., важную роль в которых играют иноязычные слова, в том числе и лексические новации данного времени, взаимодействующие с исконной лексикой. При этом традиционная русская рифма обогащается словами других генетических источников, укоренившихся в русском языке, получивших права гражданства в нем.

Как показал проведенный анализ, в исследуемых комедиях широко используются различные элементы разговорной речи, органично входящие в диалоги различных типов. Близость драматического диалога к живому проявлялась в употреблении иноязычных слов, фразеологизмов, ставших достоянием разговорной речи данной эпохи, и даже получивших статус разговорно-просторечных («*ни бельмеса; делать кур, лить пули*» и др.): «**Надмен.** *Не зная ни чего, не зная ни бельмеса, Катона ставят там, где должно Ахиллеса; Модстрих.* *Хоть я и делаю прекрасным дамам кур. Марина.* *Однако нет таких ещё на свете дур!*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», сс. 90, 155). Выражение «делать кур» – «ухаживать, увиваться» – является частичным переводом французской фразы «faire la cour». Надо отметить, что в комедиях разных авторов данный оборот весьма употребителен, он является ярким стилеобразующим средством комедий этого времени: «**Плутана.** *Нет, ничего, а этова Тянислова, который, кажется, вам кур делает*» (Крылов И.А. «Проказники», с. 193). Помогают воссоздать специфику живого общения разного рода переспросы, обрывы, незавершенные высказывания, свойственные разговорной речи, передающие тонкие смысловые оттенки реплик: «**Милана.** *Нынче мать не обнимают, это не в моде... не в моде? как это не в моде мать обнимать?*» («Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности», с. 23). В данном диалоге в составе типично разговорной

конструкции с многочисленными повторами-переспросами употреблено французское заимствование «мода».

Как явление живой разговорной речи широко употребляются разного рода обращения, в кругу которых заимствованная лексика, в том числе и новые слова, – «джокей» и «алгвазил» («алгвазил», 1758 г., от исп. «alguacil» < араб. «полицейский или судебный служащий в Испании» – СРЯ XVIII): «**Прямиков.** *Послушай-ка ты, брат, почтенный алгвазил*» (Судовщиков Н.Р. «Неслыханное диво, или Честный секретарь», с. 252); «**Фатюев.** *Джокей! проводи лошадей!*» (Крылов И.А. «Пирог», с. 231). Используются и свойственные разговорной речи «ослышки» – «неправильное понимание сказанного», основу которых составляет иноязычная лексика, создающая атмосферу непринужденности разговорного диалога: «**Модстрих.** *Когда употребить не вздумаю лорнета. Крутон. Корнета? Вот те на, какой еще фуфляй!*» (Николев Н.П. «Самолюбивый стихотворец», с. 152). Типичными являются разговорные конструкции с союзом *-а-*, начинающие строку («**Прямиков.** *А члены? А заседатели? А прокурор? А о секретаре?*» – Капнист В.В. «Ябеда», с. 489). Соответствует ситуации живого общения и употребление в диалоге окказионального глагола «французить», не отмеченного в словарях: «**Маша.** *Я выду замуж за Лафлера и поеду с ним во Францию. Андрей. Полно французить-то!*» (Дашкова Е.Р. «Тоисиоков», с. 299). И подобных примеров из комедий, содержащих разнообразные элементы стилизованного живого диалога, встречается огромное количество. Они дают возможность судить о реальной разговорной речи того времени и роли в ней лексических заимствований. Умение слышать живую речь, мастерски воспроизводить ее позволяет драматургу обойтись без дополнительных характеристик и пространных реплик, изображения предситуаций, затрудняющих развитие и течение диалога.

Итак, заимствованная лексика является важнейшим структурно-семантическим компонентом драматургического диалога комедии: служит одним из средств его лексико-семантической и конструктивной связи, входит в обновленные функциональные типы диалогов, отражающих реальную разговорную речь, в систему ремарок; может создавать рифму и ритм стиха.

2.4. Выводы по 2 главе

Таким образом, материалы данной главы показывают, как широк и разнообразен круг иноязычных слов, употреблявшихся в русских комедиях, существенно обогативших словарный состав русского литературного языка XVIII в., его семантическую систему. Многообразие лексико-семантических групп заимствованных слов показывает расширение сфер иноязычного влияния, по сравнению с началом века. Главенствующее положение занимают слова, связанные по значению с *человеком*, причем состав такой лексики значительно увеличивается за счет заимствований, вошедших в русский язык именно во второй половине XVIII в. Это названия по полу, возрасту, различным взаимоотношениям, по профессии, воинским чинам, особенностям характера и поведения и др., а также отвлеченная лексика, обозначающая различные морально-этические понятия, связанные с человеком. Широко употребляется административно-правовая и государственная лексика, научная терминология, слова из сферы искусства, театра, музыки, а также конкретно-бытовая лексика с разнообразной семантикой.

Следует подчеркнуть, что круг иноязычных слов в комедиях пополняется новыми лексемами и формами, вошедшими в русский язык во 2-й половине XVIII – нач. XIX вв.: *аванс, аверсия, адажио, адоратор, адресоваться, алгвазил, аллегро, альбом, ангард, анонсировать, антики, бакенбарты, балансер, бальи, бет, бильярд, близир, блондин, блонды, брюнет, бульон, бусы, бутик, буфон, ваза, галантерейщик, валет, ваперы, вокзал, вуаль, галантон, гений, гирлянда, гласс, гранитур, групп, гурия, дактиль, десерт, диван, дискюрировать, диссимюляция, джокей, жокей, дистракция, драма, жаботы, желет, имажинация, интермеция, ипохондрия, ирония, кабалист, канане, капот, картон, квит, керы, кларнет, клейстер, колба, комплемировать, конфект, клоб, клуб, комиссионер, Купидон, куплемент, кухмистр, компонист, контрабанда, контравалюция, контроданс, контузия, крахмал, кулиса, кулисы, курьеза, лаж, лино, лино-батист, лино-петимет, ло-*

гарифма, ломбер, лорнет, мадемуазель, мадригалл, манжета, манифик, манкировать, мартинист, маскарад, мебель, менюет, матедор, метонимия, мигрень, миниатюра, модерато, модистка, монолог, мораль, мосье, мусье, пальевой, пароксизмы, пароль, пасьянс, пачпорт, пекинет, перифрас, персонаж, петиметр, петиметерка, пикник, политик, практика, престо, ретироваться, риваль, ритурунел, роброн, робронд, ситец, роль, спазматический, трефовый, туалет, фрак, фронт» и мн. др.

Лексическим заимствованиям, употребляемым в комедиях, свойственны – дифференциация значений, развитие деривационных возможностей, появление дублетных форм и вариантов, – свидетельствующие об активных процессах их семантической адаптации в русском литературном языке XVIII в. Многие слова становятся принадлежностью нескольких сфер («*интерес, натура, характер, пай, история, картина, комедия, мебель*» и др.), развивают серии новых переносных значений, аналого-синонимические ряды, омонимические, антонимические и др. виды отношений (*визави, капот, талия, камердинер – вале-де-шама, маскарад – домино; интерес – профит* и др.), взаимодействуют с исконно русскими словами в структуре реплики. Результатом этих контактов являются существенные перемены в семантическом объеме заимствованных лексем, их функциональном статусе, экспрессивно-стилистических характеристиках. Иноязычное слово в русском языке может сохранять систему значений языка-источника (*штурм*), но чаще отмечается его семантическое расширение или сужение, сдвиг (*философия, куртина*), развитие многозначности (*картина, аппетит, процесс*), наложение (*характер*), вторичное заимствование (*прогресс, резон, интерес, курс*).

Происходят активные процессы семантической адаптации и дальнейшего семантического развития заимствованных слов из различных сфер (в кругу отвлеченной лексики – *картина, характер, аппетит, натура, процесс, политика, экономия, мораль, мода, деликатес, титул* и др.; наименований лиц – *фон, герой, француз, мадама, мадемуазель, антики, мусье, петиметр, компонист, мартинист, кабалист*; лексики конкретного характера – *мебель, винт, шуруп, машина* и др.). Отмечается участие этих слов в создании метафорических контекстов,

трансформации значений, обусловленных сюжетом, авторским влиянием и др. (*комиссия о пощечине; тактика, философия, мораль, фонарь, антики, конфиденциальная шапка, нарцисс, бурмицкий жемчуг* – «о людях» и др.). Наблюдается появление новых форм и вариантов иноязычных слов (*комиссия – коммиссион, буффон – буфон, мосье – мусье, пашпорт – паспорт – пачпорт, дискурировать – дискюрировать, риторика – реторика, пантомима – пантомина, банкрот – банкрот, тюль – тули, кулиса – кулисы, форма, артишоки* и др.), их сосуществование со старыми (*люминация – иллюминация; аллея – алея; аппетит – петит; фамилия – фамиль, хвамилля, фокус – хокус, роля, ролли – роль* и др.).

Как показал проведенный анализ, проникая в русскую языковую среду, лексическое заимствование проходит длительный процесс адаптации, при котором происходит становление и развитие его значений. Активному освоению слов способствуют многие факторы: актуальность и широкая распространенность реалии, обусловленная модой русского общества на что-либо, развитие деривационных возможностей слова, его способность выстраивать синтагматические и парадигматические отношения с исконно русской лексикой, подвергаться стилистическим преобразованиям и др.

Важным показателем семантической адаптации заимствованных слов является их стилистическая перекалфикация, формирование разговорно-просторечных и простонародных значений, участие в создании драматического образа (*талант, пай, мат, армия, миллион, курьеза, кураж, балясы, резонт, финты, финтыфанты, фигли, штуки, штукарить, амуриться, амуричик, грызет, хокус, барыш, хобар, бурда, брандахлыст* и др.). В результате переноса наименований ряд слов служит отправной точкой для возникновения новых смыслов, формирования широкого круга валентностей, стилистической маркированности. В некоторых случаях имеет место индивидуально-авторское словоупотребление или разговорное, соответствующее реальной языковой картине, моде общества, не отмеченное в словарях.

Другим важнейшим процессом семантической адаптации является *детерминологизация* заимствованных слов, сопровождающаяся не только изменением

сферы их употребления, но и смещением значений, чаще всего в сторону расширения или появления переносов, контекстуально обусловленных. В результате детерминологизации семантический объем иноязычного слова трансформируется: может происходить его расширение, наслоение на другое, сужение, дифференциация, конкретизация, формирование отвлеченного значения или полное изменение, переход в другую понятийную сферу. Данному процессу подверглись заимствованные слова, относящиеся к военной сфере (*фортеция, апроши, брешь, тактика, штурм, марш, каркас, куртина, муштровать, аркебузировать, залп, пуля, магазин, галерея* и др.), торгово-финансовой, экономической (*кредит, капитал, штраф, контрабанда, курс, монета, лаж, империял*), административно-государственной, канцелярской и др. (*архива, министр, магистрат, манифест, экстракт, апелляция* и др.) и научной – точные, естественные, общественно-философские, гуманитарные науки и др. термины – (*арифметика, логарифма, нуль; история, философия, инквизиция, партия; елоквенция, метафора, аллегория, деклинация, термин, комедия, сатира, эпиграмма, сатира, интермецция, Парнасс, епитафия, оригинал; система, формат, магнит, заполировать, комета* и др.), к сфере искусства – музыка, театр (*тон, такт, музыка; гаер, буфф, проба, роль, комедия*), карточным играм (*туз, фараон, капот, матедоры* и др.); анатомии и медицине (*анатомить, кастрат, оператор, орган, карантин, пилюля, эпохондрия* и др.). Следует отметить, что процесс терминологизации не был массовым для исследуемых комедий, он затронул лишь некоторые слова (*экономия, резон*), в кругу которых и карточные термины – *банк, транспорт, пароль*.

Важным фактором являются особенности идиостиля автора, его творческая манера средствами иноязычного материала передавать динамизм диалога, знание иностранных языков, а также жанровая направленность пьесы, ее тематика, специфика образа персонажа, его роль в драматической коллизии.

Анализ этимологических характеристик заимствованных слов показывает, что преимущественное положение в комедиях второй половины XVIII в. принадлежит западноевропейизмам – французским словам (*блондин, брюнет, близир, аверсия, адоратор, альбом, аллея, батист, балансер, балы, бет, эр, вуаль, букли,*

деликатес, жабо, блонды, кадрили, казакин, капот, контравалюция, (делать) кур, манкировать, мепризировать, мигрень, монолог, мусье, пардон, пасьянс, сурьезный, трефовый, брильян, аграманты, ангард, анонсировать, визави, балансер, грызет, букет и др.), преобладающим над всеми остальными, и немецким (*бургомистр, адъютант, анатомить, адресоваться, аптека, компонист, вахмистр, бутыль, гофмаршал, полицеймейстер, италмейстер, гильдия, егерь, дупелинен, картечь, кунсткамера, муштровать, практика, шельма* и др.). Далее следуют заимствования из классических языков – греческого и латинского, продолжающие в данное время пополнять словарный фонд русского языка, – *амбиция, апофегмат, вакансия, гармония, гений, тиран, мизантроп, дактиль, метонимия, декламировать, манифик, диссертация, грамматика, риторика, драма, комедия, империя, оракул, климат, пантомина, бестия, спазма, решпектовать* и др. Употребляются также слова из итальянского (*аллегро, адажио, престо, модерато, ария, миниатюра, ритурнел, брависсимо, бронза, гирлянда, буфон, домино, маскарад, пасквиль, мадригалл, контрабанда, дож, протестовать* и др.), голландского (*лиф, ситец, бострок, магазин, гавань, капор, бон, анкорок, апельсин*), шведского (*квартира*) и испанского (*алгвазил, матедор, шоколад*) языков. Встретилось эстонское заимствование – *рябик*, финское – *салакуша*, венгерское – *гусар*, польские слова – *капрал, каплун, балясы, аглицкий*, а также русские диалектные слова – *пигус* и *шмерц*, восходящие к немецким. Английских заимствований в комедиях встретилось мало – *мичман, вокзал, анчоус, джокей, жокей; пикник, парк, пикет, клуб (танц-клуб), клуб*. Слова восточного языкового фонда – тюркизмы – представлены лексемами *гурия, кади, бурда, бельмес, бирюк, башня, бахрома, босурманский, барыш, барабан, тулумбас, бирючи, каймак* и др.; встретилось позднее в русском языке заимствование из арабского – *бусы* и персидское из арабского – *гурия*; персидское слово – *диван*. Многие из них являются древнейшими, но встречаются и новые слова и их формы (*каймак, кофей, калмык*). Некоторые слова имеют неясную этимологию – *звено, ахинея, кутерьма, горностаи* и др., встретились *смешанные слова – танц-клуб, брандахлыст, еспаиллироваться, поведенция, миниатюрный*, неадаптированные формы – *дистре, емабль, мамер, avance, жу-*

жировать, манкировать и др., обычные в жаргоне петиметров, а также слова-каламбуры – *нажимація, мажинація* из *имажинація*, элементы ломаной речи иностранцев – *провинс* (провинция) и др. Некоторые слова, развивая свои значения, заимствуют их из разных языков и в разное время – *кредит* (1703 г. – фр.; 1722 г. – лат.), *роль* (1784 г., фр.), *роля, ролли* (1723 г., нем.), *план* (нем. и фр.), *фижбины (фижмы, фижымы)* и др.

Большинство этих заимствованных слов останутся в русском языке на правах полноправных лексических единиц, войдут в активный фонд лексики, в различные функциональные стили, расширив со временем круг своих значений (*аванс, мораль, блондин, бульон, аллегро, альбом, балансер, ваза, валет, гений, гирлянда, группа, план, дактиль, десерт, жокей, дистракция, драма, жабо, жилет, ирония, канане, капот, картон, кредит, колба, фрукты, клуб, салфетка, кредит, пикет, пикник, карантин, ситец, диссертация, комедия* и мн. др.). Другие слова – уйдут из языка или пополнят его пассивный фонд, архаизируются, станут достоянием диалектно-просторечной сферы (*бирючи, гурия, грызет, манкировать, лино-флер, петиметр, петинет, полицеймейстер, капор, фижмы, эр, балыи, блонды, пигус, шмерц* и др.). Статистический анализ данных по степени присутствия исследуемых заимствований XVIII в. в современном русском языке показал, что из 1420 лексических единиц, употребляемых в комедиях, 87,7 % слов войдут в словарный состав языка, и лишь 12,3 % не приживутся на русской почве или пополнят категорию редких, устаревших.

Далеко не все используемые в комедиях заимствованные слова, их новые переносные значения, варианты и контекстуальное употребление отражены САР¹, САР² (*акт, амур, балет, кавалерист, басурман, петиметр, кулиса, лакей, туалет, секрет, факт, фамилия, фланель, фатальный* и мн. др.) и СРЯ XVIII в. (*аллея, груп, каркас, кампания, мажинация, валахи, вале-де-шама, Батавия, деликатнее, жемчуг, конфидуратский*) и мн. др.

Заимствованная лексика в комедиях выполняет разнообразные стилистические и конструктивно-семантические функции. Важнейшей является сатирическая функция, раскрывающая «свойство комедии срывать маску с порока так, чтобы

тот, кто увидит себя в сем забавном зеркале нравоучения, во время представления смеялся бы сам над собою и возвратился бы домой со впечатлением, возбуждающим в нём некоторый внутренний суд, за коим следует по стопам исправление» [Плавильщиков, 1956: 505]. Взаимодействуя в структуре реплики с исконно русской лексикой, иноязычные слова являлись важным средством создания речевой характеристики персонажа – его образованности, профессии; передавали особенности живой разговорной речи с ее социальным расслоением, специфику жаргона. Важным фактором в отборе иноязычных слов является авторское своеобразие, особенности сюжета, композиционно-функционального типа диалога и роль художественного образа в структуре комедии, определяющие объем иноязычного языкового материала. Многие слова претерпели семантические изменения, адаптировались на русской почве, развили синтагматические и парадигматические отношения, обогатив лексико-семантическую систему русского языка.

Иноязычная лексика в структуре диалога новой комедии выполняет важные конструктивно-семантические функции – служит одним из средств лексико-семантической связи реплик диалога, выступая в составе повторов, подхватов, релятивов, ремарок; участвует в раскрытии своеобозразия того или иного функционального типа диалога, обусловленного развитием сюжета и диалогической ситуацией, подтекстом. В структуру диалога входит много новых заимствований второй половины XVIII в. – *анонсировать, франт, жаботы, манжеты, желеты, батист, педант, клуб, риваль, машкарад, аверсия, жокей, (делать кур); кокетка, Купидон, ваперы, мигрень* и мн. др.

Заимствованная лексика, органично входя в стилизованные разговорные конструкции комедий, приобретает просторечный статус, вовлекается в общий процесс демократизации русского литературного языка нового времени. Взаимодействуя в структуре реплики с исконно русскими единицами, иноязычные слова активно участвуют в создании метро-ритмического и рифменного единства стихотворного диалога комедий, существенно обогащая и обновляя его.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

В русском литературном языке второй половины XVIII в. продолжается начавшийся на рубеже XVII–XVIII вв. процесс активного заимствования и освоения иноязычных слов, многие из которых являются лексическими новациями эпохи, нашедший свое отражение в комедиях различных авторов.

Анализ теоретических вопросов заимствований в лингвистике показал, что при всем многообразии исследований и подходов проблема отражения и функционирования лексических заимствований в русском литературном языке второй половины XVIII в., – их состава, семантических особенностей, характера взаимодействия с исконно русскими лексическими средствами в комедиях различных авторов и жанровой направленности еще до конца не решена. Нет единства мнений и в определении терминологии заимствований. Иноязычное слово как компонент драматургического диалога новой комедии XVIII в., отражающей реальную речевую ситуацию, не было предметом детального рассмотрения.

Многообразие лексико-семантических групп заимствованных слов показывает все большее расширение сфер иноязычного влияния, главенствующее положение занимают слова, связанные по значению с человеком, отвлеченная лексика из разных сфер.

В кругу иноязычных слов происходят процессы семантической адаптации и семантического развития. Это – формирование новых, переносных значений, их оттенков с расширением, сужением или наслоением значений, развитием полисемии, синонимических, омонимических и др. отношений; детерминологизация и терминологизация значений, способствовавшие дальнейшему пополнению круга отвлеченно-абстрактных слов, их вхождению в метафорически-образные контек-

сты, обусловленные жанром, спецификой образа, автора. Иноязычная лексика, взаимодействуя с русской лексической системой, развивает деривационные связи, расширяет сочетаемостные возможности с исконно русскими словами различной стилистической принадлежности, входит в состав фразеологизмов, каламбуров. У многих слов отмечается вариантность, но наблюдается тенденция к ее преодолению. Семантические изменения в кругу заимствованных слов, вызванные потребностями номинации, речевой модой, авторским идиостилем, свидетельствуют о развитии русского общества, различных социокультурных, общественно-политических, экономических и научных процессах в XVIII веке.

Большинство семантических изменений проявляется в кругу отвлеченной лексики, а также у слов, обозначающих лиц, конкретные предметы, у некоторых прилагательных, глаголов и др., часто переходящих из одной сферы в другую. В ряде случаев заимствования, вовлекаясь в общий процесс демократизации русского литературного языка, приобретают разговорно-просторечный статус, стилистическую сниженность, бранный характер, обусловленные сюжетом комедии, становятся достоянием диалектов.

Заимствованная лексика опережает лексикографическую практику, многие слова, их значения, варианты не зафиксированы в САР¹, САР², Словаре русского языка XVIII в. и др. источниках.

Наблюдение над этимологией иноязычных слов показало, что в комедиях преобладают западноевропеизмы – французские и немецкие слова, а также заимствования из голландского, итальянского, испанского, венгерского и др. языков; лексика греческого и латинского источника. Слова «восточного» фонда и англицизмы представлены в небольшом количестве.

По времени вхождения в систему русского литературного языка преобладают слова, заимствованные в XVIII в., а также в конце XVII в. и более ранние; имеются слова, отмеченные в словарях лишь с XIX в. Лексика второй половины и конца XVIII в. представляет в комедиях довольно большой пласт, однако ее количество, по сравнению с Петровской эпохой, сокращается, наблюдается дифференциация и развитие ее значений. Важнейшими сферами теперь становятся искусст-

во, наука, общество, быт, а также сфера «человек», – его духовный мир, чувства. Большинство иноязычных слов, их разнообразных значений (87,7 %) в дальнейшем прочно обосновались в русском языке, обогатив и расширив его лексико-семантическую систему, и лишь 12,3 % утратились или архаизировались.

Иноязычная лексика в комедиях выполняет разнообразные стилистические и структурно-семантические функции, раскрывающие специфику и эволюцию жанра новой комедии, художественного образа, диалогической ситуации, композиционного типа диалога. Она отражает авторское мировосприятие, передавая своеобразие комедий Сумарокова, Клушина, Левшина, Фонвизина, Николева, Крылова и др., служит одним из экспрессивных средств создания поэтического диалога, взаимодействуя с исконно русскими языковыми средствами. Новая иноязычная лексика обогатила традиционную русскую рифму, наполнив ее новыми смыслами, тонкими оттенками и нюансами.

В итоге, сказанное дает возможность судить о развитии и обогащении русского литературного языка второй половины XVIII в., его лексико-семантической системы, о разнообразных смысловых преобразованиях, проявляющихся в следующем:

а) во включении заимствованных слов с различными значениями – номинативными, экспрессивно-синонимическими, предикативно-характеризующими, контекстуально-обусловленными;

б) во вхождении в язык лексем, различных по типу обобщенности, – конкретно-предметных, обобщенно-собирательных и отвлеченных, абстрактных;

в) в появлении синонимических, омонимических, антонимических и др. отношений, деривационных связей при дифференциации оттенков значений заимствованных слов;

г) в расширении семантического объема слова, в ряде случаев его трансформации, переходу в другую сферу, создании фразеологических единиц, переосмыслении значений, имеющих разного рода эмоциональную оценочность, стилистическую маркированность;

д) заимствованная лексика вовлекается в общий процесс демократизации русского литературного языка нового времени, что проявляется в приобретении словами разговорно-просторечных и простонародных значений;

е) в отражении особенностей авторского своеобразия в употреблении иноязычных слов, в ряде случаев с окказиональным значением, обусловленным спецификой образа, ситуации, сюжета, художественного образа и жанра.

Лексические заимствования всегда были и остаются важнейшим средством обогащения и развития русского литературного языка, его семантической системы, и дальнейшие изыскания в этом плане позволят обнаружить новые интересные факты, наметить перспективы исследования заимствований в русских комедиях XIX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова Н.С. Глаголы с иноязычной основой // Рус. речь. – 1970. – № 1. – С. 165.
2. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 246 с.
3. Акимова Г.Н. М.В. Ломоносов и становление языка русской нации // Вопросы стилистики. Функционально-стилевая дифференциация языка: Межвуз. научн. сб. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. – 1981. – С. 3–19.
4. Акуленко В.В. Существует ли интернациональная лексика // Вопр. языкознания. – 1961. – №3. – С. 16–21.
5. Анциферова О.Н. Иноязычная лексика в «Письмовнике» Н.Г. Курганова // Научный диалог. – № 9 (33). – 2014. – С. 6–13.
6. Арапов П. Летопись русского театра. – СПб., 1861.
7. Аристова В.М. К истории английских слов в русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – Самарканд, 1968. – 26 с.
8. Аркадьева Э.В. Из истории некоторых заимствованных слов в русском языке: карнавал, финал, финиш, конфета. – Рус. яз. в шк. – 1974. – № 2. – С. 106–110.
9. Асеев Б.Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII в. – М.: Наука, 1977. – С. 219–234.
10. Багрянцева Г.И. Названия государственных учреждений и отделов в «Регламенте камер-коллегии» как отражение административной реформы Петра I // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях: Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие», IX Кирилло-Мефодиевские чтения. – Москва – Ярославль: Ремдер, 2008. – С. 28–34.

11. Бадалич И.М., Берков П.Н. Комическая опера «Матросские шутки» и ее автор // XVIII век, выпуск 4: Сб. статей и материалов / Отв. ред. П.Н. Берков. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 422.
12. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Наука, 1961. – 394 с.
13. Барышникова С.В. Словари иностранных слов 19 в. и отражение в них семантической адаптации иноязычной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Южно-Сахалинск, 2010. – 21 с.
14. Баш Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологические и этимологические аспекты // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1989. – № 4. – С. 20–34.
15. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – Т.т. 1–13. – М. 1953–1959.
16. Белица Т.И. Проблемы освоения и лексикографического описания французских лексических заимствований в русском языке: на материале номинации денотативной сферы «Модные реалии»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. – 26 с.
17. Беляева С.А. Английские лексические заимствования в русском литературном языке 16–20 вв.: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – 27 с.
18. Берков П.Н. О языке русской комедии XVIII в. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1949. – Т. 8, – Вып. 1. – С. 29–56.
19. Берков П.Н. История русской комедии XVIII в. – Л.: Наука, 1977. – 391 с.
20. Биржакова Е.Э. Лексикографические источники и их использование в Словаре русского языка XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 94–106.
21. Биржакова Е.Э. Русская лексикография XVIII в. / Росс. Акад. наук; Институт лингвистических исследований. – СПб.: Нестор – История, 2010. – 212 с.
22. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.
23. Борев Ю.Б. О комическом. – М.: Искусство, 1957. – 232 с.

24. Борисова М.Б. Жанровая специфика семантики драматургического слова // Теория слова и функционирование словесных единиц. – Саратов: СГПИ, 1981. – С. 52–64.
25. Борисова М.Б. Проблемы стилистического анализа драматического текста // Материалы 3 -х Сарат. чтений по худож. тексту, 1994. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1994. – Ч. 1. – С. 6–13.
26. Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. – М.: Просвещение, 1988. – 222 с.
27. Бродский Н.Л. История стиля русской комедии XVIII в. // Искусство: Журнал Российской Академии художественных наук. – 1923. – № 1. – С. 18.
28. Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII в. – Л., 1940. – С. 92–95.
29. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1957. – 492 с.
30. Бурькин А.А. Иноязычные цитаты и иноязычные элементы в пьесах А.Н. Островского (некоторые новые опыты осмысления) // Щельковские чтения 2014. А.Н. Островский и культура конца XIX–XX вв.: Сб. статей / Науч. ред., сост. И.А. Едошина. – Кострома: Авантитул, 2015. – С. 91–103.
31. Бурькин А.А., Коробейникова О.Ю. Слова «калмык» и «калмыцкий» в русском языке XVIII в. (по материалам картотеки Словаря XVIII в.), *Mongolica*, 6. – СПб., 2003. – С. 19–29.
32. Валюсинская З.В. Вопросы изучения диалога в работах современных лингвистов // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – 178 с.
33. Варнеке Б.В. История русского театра. – СПб., 1913.
34. Василевская И.А. К вопросу о формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – М. – Л.: Наука, 1966. – С. 112–116.
35. Василевская И.А. К методологии изучения заимствования (русская лексикографическая практика XVIII в.) // Изв. АН СССР, ОЛЯ. – 1967. – Т. XXVI. – Вып. 2. – С. 170.

36. Василевская И.А. Лексические новшества в русской литературной речи XVIII века // Русская литературная речь в XVIII в.: Фразеологизмы, неологизмы, каламбуры / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1968. – С. 186–190.
37. Верещагин В. Женские моды Александровского времени // «Старые годы». – 1908. – №7. – С. 486.
38. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – нач. XIX в. – М.: Наука, 1972. – 319 с.
39. Взаимодействие жанров, художественных направлений и традиций в русской драматургии XVIII–XIX вв.: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. М.Д. Лозанской, Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. – 138 с.
40. Виноградов В.В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопросы языкознания. – 1956. – № 1. – С. 20.
41. Виноградов В.В. История слов. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 97 – 112.
42. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 105 с.
43. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М.: Учпедгиз, 1938. – 448 с.
44. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Наука, 1963. – 294 с.
45. Виноградов С.И. Черты разговорного словоупотребления в речи персонажей драматических произведений // Культура речи на сцене и на экране. – М.: Сов. писатель, 1986. – С. 65–89.
46. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 491 с.
47. Винокур Т.Г. О языке современной драматургии // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М.: Наука, 1977. – С. 130–197.
48. Войнова Л.А. Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII в. // Процессы формирования лексики РЛЯ (от Кантемира до Карамзина). – М. – Л.: Наука, 1966. – 248 с.

49. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. – 2002. – №4. – С. 96–117.
50. Волькенштейн В.М. Драматургия. – М.: Сов. писатель, 1960. – 338 с.
51. Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русский театр. От истоков до середины XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 262 с.
52. Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2001. – 19 с.
53. Габдреева Н.В. Французская лексика в переводном тексте XVIII в.: особенности функционирования // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.): Материалы Межд. филол. конференции / Отв. ред. С.Св. Волков, О.С. Мжельская. – СПб.: Наука, 2005. – С. 31-36.
54. Галиуллин К.Р., Сабиров Р.Л. Исследование татарской лексики, зафиксированной в русскоязычных текстах // Двужычие: типология и функционирование. – Казань, 1990. – С. 146–149.
55. Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. – М.: Наука, 1958.
56. Гимпелевич В.С. О роде слова «кофе» // Рус. речь. – 1972. – № 2. – С. 13.
57. Голиков Л.М. Юридическая терминология в русском языке XVIII в. // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. – СПб.: Наука, 2005. – С. 67–74.
58. Гончарова Л.М. Иноязычная лексика в сфере туризма // Рус. речь. – 2011. – № 5. – С. 16–21.
59. Гордеева Л.П. «Театр – феатр; фронт – фронт» // Рус. речь. – 2011. – № 5. – С. 73–78.
60. Горная П.Г. Изучение заимствованных слов в отечественном языкознании XX в. // Ученые записки Винницкого пединститута, 1962. – Т. 20. – С. 70–79.
61. Горшков А. И. О языке Фонвизина-прозаика // Рус. речь. – 1979. – № 2. – С. 15–20.
62. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. – М.: Наука, 1984. – 286 с.

63. Граннес А. Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII в. – Universitetsforlaget: Bergen-Oslo-Tromso, 1972. – 283 с.
64. Грановская Л.М. Заметки об усвоении иноязычных цветообозначений в XVIII – нач. XIX вв. // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. – М.: Наука, 1964. – С. 371–390.
65. Гребенюк В.П. Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром // Новые черты в русской литературе и искусстве: XVII – нач. XVIII вв. – М.: Наука, 1976. – С. 133–146.
66. Грот Я.К. Филологические розыскания. – Т. 1, СПб., 1885. – С. 78.
67. Грот Я.К. Филологические розыскания. – Т. III, СПб., 1899.
68. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII в. / Вступит. статья А. Зорина. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 453 с.
69. Данилов В.В. Латинские слова и выражения, вошедшие в литературную речь без перевода // Рус. язык в шк. – 1958. – №3. – С. 38–45.
70. Дементьев А.А. Фонетические и орфографические признаки нерусских по происхождению слов // Рус. яз. в шк. – 1968. – №3. – С. 65.
71. Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. Проблемы морфологической адаптации. – М.: Наука, 2001. – 409 с.
72. Державина О.А. Жанровая природа первых русских пьес // Новые черты в русской литературе и искусстве: XVII – нач. XVIII вв. – М.: Наука, 1976. – С. 62–72.
73. Дмитрук Л.А. Лексика произведения А.О. Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват» как источник изучения народно-разговорного языка конца XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2011. – 22 с.
74. Дружининская О.В. Особенности функционирования лексико-семантической группы «Наименования бальных танцев» в русском языке XVIII–XIX вв. // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. – СПб.: Наука, 2005. – С. 87–92.
75. Дьяконова И.В. Употребление иноязычных слов носителями русского языка // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: Сборник ста-

тей Всероссийской (с межд. участием) науч. конференции в 3-х т.т. – Т. 3. – Соликамск, 2004. – С. 162–168.

76. Евтушенко О.В. История слова «роман» и другой романической лексики // Рус. язык в шк. – 2011. – №2. – С. 45–50.
77. Елеонская А.С. Комическое в школьных пьесах конца XVII – нач. XVIII вв. // Новые черты в русской литературе и искусстве: XVII – нач. XVIII вв. – М.: Наука, 1976. – С. 73–88.
78. Елисеева И.Ю. Формирование литературоведческой терминологии в русском языке XVIII в.: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л., 1984. – 28 с.
79. Журавлев А.Ф. Иноязычные заимствования в русском просторечии. // Городское просторечие. – М.: Наука, 1984. – С. 69–75.
80. Замкова В.В. Специальная лексика в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. / Отв. ред. Л.Л. Кутина, Е.Э. Биржакова. – Л.: Наука, 1980. – С. 70–89.
81. Замкова В.И. Щеголь и щеголиха // Рус. речь. – 1973. – №4. – С. 151–152.
82. Зеленин А.В. Мультимедиа // Рус. речь. – 2004. – № 2. – С. 64–66.
83. Зорин А. Забытая словесность памятного века // Русская литература XVIII в. / Под ред. Гаспарова М.Л., Лихачева Д.С. и др. – М.: Слово / Slovo, 2001. – С. 5.
84. Ильина О. В. Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1988. – С. 41–49.
85. Иссерлин Е.М. Конкретная и абстрактная лексика в русском литературном языке 17 в. // Начальный этап формирования русского национального языка. – Л.: Наука, 1961. – С. 87–90.
86. История лексики русского литературного языка конца 17 – нач. 19 вв. / Под ред. Ф.П. Филина. – М.: Наука, 1981. – 374 с.
87. Какорина Е.В. Иноязычное слово в узусе 90-х гг. (социолингвистическое исследование) // Русский язык сегодня: Сборник статей. – Вып.1 / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Наука, 2000. – С. 137–155.

88. Калинин А.В. Лексика русского языка: Учеб. пособие. – М.: Наука, 1966. – С. 66–80.
89. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX в. – М.: Наука, 2005. – С. 590.
90. Карамзин Н.М. Сочинения. – 3-е изд. – М., 1820. – Т. 9. – С. 306.
91. Картоев М.У. Почему слово «кофе» мужского рода? // Рус. язык в шк. – 1991. – № 4. – С. 12.
92. Картотека Словаря русского языка XVIII в. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург) – рукописный фонд.
93. Катаева И.Н. «Пестрый фараон»: к истории одной группы карточных терминов // Русское слово в историческом развитии (14–19 вв.): Материалы Межд. филол. конференции / Отв. ред. С.Св. Волков, О.С. Мжельская. – СПб.: Наука, 2005. – С. 25–30.
94. Кимягарова Р.С. Типы и виды адаптаций заимствованной лексики в русском языке нового времени (XVIII–XX вв.) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1989. – № 6. – С. 23–31.
95. Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. – Л.: Наука, 1974. – 253 с.
96. Ковалевская Е.Г. Иноязычная лексика в произведениях Н.М. Карамзина // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в. – М. – Л.: Наука, 1965. – С. 97–104.
97. Ковалевская Е.Г. Интимные диалоги в переводных светских драмах петровского времени // Новые черты в русской литературе и искусстве: XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1976. – С. 119–133.
98. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1992. – 303 с.
99. Ковалевская Е.Г. Речевая характеристика героев в русских драматических произведениях XVII–XVIII вв. // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. – С. 25–32.

100. Ковтун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. – Л.: Наука, 1977. – С. 75–79.
101. Козельский Я.П. Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании. – Т. 1. – СПб., 1788. – С. 79.
102. Колесов В.В. Язык города. – Л.: Наука, 1991. – С. 168–169.
103. Коровушкина Е.В. Вариативность и синонимия в лексике кредитно-банковской сферы русского языка XIX века // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. – СПб.: Наука, 2005. – С. 97–103.
104. Костомаров В.Г. Русский язык в иноязычном потоке // Рус. язык за рубежом. – 1993. – № 2. – С. 66–107.
105. Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII в. – Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1972. – 335 с.
106. Крысин Л.П. Вопросы исторического изучения иностранных заимствований в лексике русского языка советской эпохи: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М.: Наука, 1965. – 25 с.
107. Крысин Л.П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Русский язык сегодня: Сб. статей. – М.: Наука, 2004. – Вып. 3. – С. 143–149.
108. Крысин Л.П. Иноязычное заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. – 125–134.
109. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996. – С. 142–161.
110. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука. – 1968. – 207 с.
111. Крысин Л.П. Лексикографическое представление иноязычного слова: Типы грамматической информации // Облик слова: Сб. акад. Д.Н. Шмелева / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Высш. шк., 1977. – С. 77–90.
112. Крысин Л.П. Новые иноязычные аналитические прилагательные и явление хиатуса // Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию М.В. Панова / Отв. ред. С.М. Кузьмина. – М.: Языки русской культуры. – 2011. – С. 89 – 123.

113. Крысин Л.П. Об одной модели грамматического освоения иноязычных слов // Язык: изменчивость и постоянство: к 70-летию Л.Л. Касаткина. – М.: Наука, 1998. – С. 76–87.
114. Крысин Л.П. Современный русский язык: лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография. – М.: «Академия». 2007. – С. 124–126.
115. Кузьмина В.Д. Русский демократический театр XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 207 с.
116. Куликова Г.С. Сигналы разговорности в сценической речи // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – С. 159–168.
117. Кузьмина В.Д. Русский демократический театр XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 207 с.
118. Кутина Л.Л. Развитие словарного состава русского языка XVIII в. – Л.: Наука, 1990. – 179 с.
119. Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. – М. – Л.: Наука, 1964. – С. 72–98.
120. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка: 10 – серед. 17 в. – М.: Высш. шк., 1975. – 327 с.
121. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII в. – М.: Наука, 2003. – 365 с.
122. Левин В.Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – нач. XIX вв. Лексика. – М.: Наука, 1964. – 407 с.
123. Леонтьев А.А. Иноязычное вкрапление в русскую речь // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 1966. – С. 14–19.
124. Линдеман И. Греческие слова в русском языке. Эскурс в область истории русского языка. – М.: Наука, 1985. – С. 32.
125. Листрова Ю.Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе 19 в. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 162 с.
126. Литвинов Ю.В. Об иностранных заимствованиях в русском языке // Мир русского слова. – 2008. – №3. – С. 71–75.
127. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – Т. 7. – М., 1952. – С. 591–607.

128. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – нач. XIX вв. / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1994. – 415 с.
129. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX в. // Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб.: Искусство, 1995. – С. 786–814.
130. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в. – Отв. ред. А.М. Молдован. – М.: Азбуковник, 2006. – 262 с.
131. Макаров М.Н. Екатерина Вторая, императрица русская, на поприще драматическом. Репертуар и пантеон, 1844. – Кн. 1. – С. 179.
132. Макеева Е.В. Заимствованная лексика западноевропейского происхождения в языке А.С. Пушкина: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2009. – 25 с.
133. Мальцева И.М. Заимствованная лексика интернационального фонда с типизированными формантами в русском языке XVIII в. // Развитие словарного состава русского языка XVIII в. Вопросы словообразования. – Л.: Наука, 1990. – С. 36.
134. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. – Л.: Наука, 1975. – 287 с.
135. Малышева И.А. Заимствования из германских языков в торговой лексике XVIII в. // Современная и историческая русистика на пороге XXI в. – Хабаровск, 2001. – С. 43–52.
136. Маргарян Б.А. Словарный состав повестей петровского времени: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Наука, 1956. – 28 с.
137. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца 20 – нач. 21 в.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: Наука, 2008. – 37 с.
138. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник / Е.В. Маринова. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 240 с.
139. Маркелова Г.В. «Язык чужой, не обратился ли в родной?» // Рус. речь. – 2004. – №2. – С. 84.

140. Марковский И.К. Из истории слов «аттестат» и «диплом» // Рус. яз. в шк. – 1973. – №4. – С. 87–88.
141. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 277 с.
142. Микитич Л.Д. Иноязычная лексика. – Л.: Просвещение, 1967. – 154 с.
143. Михайлова Е.В. Заимствование слов и лексико-семантический способ словообразования // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 7–15.
144. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии//В.М. Мокиенко. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука. – 2009. – С. 35–47.
145. Назарова Ж.А. Шесть названий клавишно-струнных инструментов: фортепиано, пианино, пиано; флигель, рояль, имперяль // Рус. яз. в шк. – 1979. – 2. – С. 94–95.
146. Немирович-Данченко В.И. Театральное наследие: в 2-х т. – М.: Искусство, 1952. – Т. 1. – 443 с.
147. Новиков Л.А. О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке // Рус. яз. в шк. – 1963. – № 3. – С. 61–65.
148. Огиенко И.И. Иноземные элементы в русском языке. – Киев, 1915. – С. 79–86.
149. Одинцов В.В. Язык персонажей и речевая индивидуализация // Рус. яз. в шк. – 1966. – № 2. – С. 22–28.
150. Одесский М.П. Очерки исторической поэтики русской драмы: эпоха Петра I. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 238 с.
151. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учебное пособие для вузов. – М.: Высш. школа, 1974. – С. 53.
152. Ожегов С.И. О языке купеческой комедии П.А. Плавильщикова // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т.2. – С. 135–151.
153. Опыт трудов Вольного российского собрания. – Т. 3. – М., 1776. – С. 35–36.
154. Орешкина М.В. Тюркские слова в современном русском языке (проблемы освоения) / Ин-т языков народов России. – М.: Наука, 1994. – 158 с.

155. Пауль Г. Принципы истории языка./ Пер. с нем. – М.: Наука, 1960. – С. 460.
156. Перехвальская Е.В. Языковые контакты и «прагматический код» // Лингвистические исследования, 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка. – М.: Наука, 1986. – С. 172–176.
157. Петрова З.М. Сложные прилагательные в поэзии второй половины XVIII в. // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – М. – Л.: Наука, 1966. – С. 259–285.
158. Плавильщиков П.А. Комедия // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / Сост. А.В. Кокорев. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 505.
159. Покровский В. Щеголи в сатирической литературе XVIII в. – М., 1903. – С. 12–87.
160. Полякова Н.Н. История наименования напитков в русском языке. – М.: Просвещение, 1983. – С. 6–19.
161. Приемьшева М.Н. «Все оттенки смысла... От дамской булавки к женскому образованию (о слове «дама»)» // Рус. яз. в шк. и дома. – 2010. – № 11. – С. 11–14.
162. Пушкин А.С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. – Т. 11. – М.: Худ. лит-ра, 1965. – С. 32–33.
163. Ранняя русская драматургия: XVII – первая половина XVIII в. Сб. статей. / Под ред. О.А. Державиной. – М.: Наука, 1975. – 734 с.
164. Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности 15–17 вв. – Л., 1963. Рукопись.
165. Рузметов С.А. Об иноязычных заимствованиях в экономической лексике современного русского языка // Молодой ученый. – 2015. – № 3. – С. 967–969.
166. Русская драматургия XVIII–XIX вв.: Межвуз. сб. науч. трудов. / Под ред. М.С. Силиной. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1986. – 108 с.
167. Русская драматургия XVIII–XIX вв.: Монографические очерки в 3-х т. / Под ред. Г.П. Бердникова. – Л.; М.: Искусство, 1962. – Т. 2. – 463 с.
168. Русская комедия и комическая опера XVIII в. / Под ред. П.Н. Беркова. – М. – Л.: Наука, 1950. – 654 с.

169. Русская литературная критика XVIII в.: Сб. текстов / Сост., ред., вступит. ст. и примеч. В.И.Кулешова. – М.: Сов. Россия, 1978. – С. 275.
170. Сахновский-Панкеев В.А. О комедии. – Л. – М.: Искусство, 1964. – 223 с.
171. Сендровец Е.М. Музей. Кунсткамера. Эрмитаж // Рус. яз. в шк. – 1973. – № 4. – С. 86–87.
172. Сендровец Е.М. О словах «музыка» и «концерт». – Рус. яз. в шк. – 1974. – № 2. – С. 95–96.
173. Серман И.З. «Драматический словарь» и литературно-театральная борьба 1780-х гг. // Основание национального театра и судьбы русской драматургии (к 250-летию создания театра в России). Материалы межд. конференции – СПб.: Наука, 2006 г. – С. 62–73.
174. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. – М.: Просвещение, 1983. – 80 с.
175. Скрыбина Н.В. Эволюция взглядов на хирургию до и после Н.И. Пирогова сквозь призму терминов хирургии «оператор» и «медикохирург» // Современная русская лексикография: Сб. статей. / Отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2010. – С. 59–65.
176. Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. / Под ред. Т.М. Николаевой: Инст-т славяноведения РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 556 с.
177. Словари и словарное дело в России XVIII в. / Отв. ред. Л.Л. Кутина, Е.Э. Биржакова. – Л.: Наука, 1980. – 169 с.
178. Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. – СПб., 1910.
179. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси 14–17 вв. – СПб., 1903. – С. 61.
180. Соболевский А.И. Русские заимствованные слова. Литографический курс. – СПб., 1891.
181. Современная русская лексикография: Сб. статей. / Отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2010. – 286 с.

182. Современная русская лексикография: Сб. статей. / Отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2011. – 218 с.
183. Соловьев С.М. История России. – М.: Просвещение, 1962. – Т. 7. – С. 114.
184. Сорокин Ю.С. К вопросу о сложении литературной нормы XVIII в. // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. – М.: Наука, 1976. – С. 190.
185. Сорокин Ю.С. О задачах изучения лексики в русском языке XVIII в. // Процессы формирования лексики РЛЯ (от Кантемира до Карамзина). – М. – Л.: Наука, 1966. – С. 8.
186. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90 гг. XIX в. – М. – Л.: Наука, 1965. – 565 с.
187. Сорокин Ю.С. Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – С. 118–134.
188. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке 11–17 вв. – Л.: Наука, 1970. – 143 с.
189. Стрельцов А.А. Русинглиш: дань моде или язык 21 века? // Рус. словесность. – 2010. – № 5. – С. 5.
190. Субботина М.В., Жданова Е.А. Функционирование и лексикографическая фиксация слов с актуальной семантикой (на материале новообразований с элементами квази -, лже -, псевдо -) // Современная русская лексикография: Сборник статей / Отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2011. – С. 191–201.
191. Супрун А.Е. Экзотическая лексика в русском языке // Филолог. науки, 1958. – № 2. – С. 23.
192. Сухомлинов М.И. История Российской Академии. – Вып. 8. – Сб. ОРЯС. – Т. 58. – СПб., 1888. – С. 127.
193. Тарланов З.К. О евразийских заимствованиях в русском языке // Рус. речь. – 2006. – № 5. – С. 72–76.

194. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. – М., 1887. – Т. 1.
195. Тимофеева Г.Г. Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографич. аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1992. – 34 с.
196. Томашевский Б.В. Стих и язык. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 62 с.
197. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 147–180.
198. Тузова М.Ф. Русская военная лексика 2-й пол. XVII – 1-й пол. XVIII вв.: автореф. дис.... канд. филол. наук. – М.: Наука, 1955. – 19 с.
199. Умурзакова А.Ж. Тюркизмы в словообразовательной системе русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1982. – 18 с.
200. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
201. Фалев И.А. Об иностранных словах в русском языке и их этимологии // Рус. яз. в шк. – 1955. – № 3. – С. 45–51.
202. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 324 с.
203. Ходакова Е.П. Каламбур в русской литературе XVIII в. // Русская литературная речь в XVIII в.: Фразеологизмы, неологизмы, каламбуры. / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1968. – С. 201–254.
204. Хютль-Ворт Г. О западноевропейских элементах в русском литературном языке XVIII в. // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков / Отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1974. – С. 231.
205. Шарандин А.Л. Словарь как отражение категоризации // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2005. – С. 302–310.
206. Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге. – СПб., 1803. – С. 366.
207. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. «Неисконная русская речь» в восприятии русских // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. / Отв. ред. Н.О.

- Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 213–224.
208. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение. – 1977. – С. 253–255.
209. Щербак А.С. Общая специфика имени собственного / А.С. Щербак // Вестник Тамб. ун-та. – Сер. Гум. науки. – Тамбов, 2005. – Вып. 3 (39). – С. 85–90.
210. Эфендиева А.Д. Языковые контакты: восточные заимствования в русском языке XVIII в. // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю.С. Сорокина. – СПб.: Наука, 1999. – С. 75–82.
211. Язык русских писателей XVIII в.: Сб. статей / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. – Л.: Наука, 1981. – 199 с.
212. Якубинский Л.П. Несколько замечаний о словарном заимствовании // Язык и литература. – Т. 1. – Вып. 1–2. – Л., 1926. – С. 4–12.
213. Якубович Т.Д. «Лексикон треязычный» 1704 г. Ф.П. Поликарпова – важное звено в истории русской лексикографии. – Л.: Наука, 1956. – 38 с.
214. Янковский М.О. Стихотворная комедия конца XVIII – нач. XIX в. (вступление) // Стихотворная комедия конца XVIII – нач. XIX в. – М. – Л.: Сов. писатель, 1964. – С. 18.
215. Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. Сб. статей к 70-летию Ж.Ж. Варбот: Редкол. А.Ф. Журавлев, Ю.М. Гизятуллина и др. – М.: Индрик, 2006. – 480 с.
216. Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2012. – Т. VIII, Ч. 3. – 712 с.
217. Chr. Möller. Zur Methodik der Fremdwortkunde. Akta Jutlandika. – V. Kobenhavn, 1933.
218. Y. Hütte–Worth. Der Berlicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert. – Wien, 1956. – С. 191.
219. Y. Hütte–Worth. Foreign words in Russian. – Los Angeles, 1963. – 178 с.
220. W. Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die Russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts, – Berlin, 1906. – 216 с.

221. Speck St. Die morphologische Adaptation der Lehnwörter im Russischen des 18. Jahrhunderts. – Bern, e. a, 1978. – C. 34–45.

СЛОВАРИ

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. – Вып. 3–5. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009–2011.
2. Большой академический словарь русского языка / Ин-т лингв. исслед. РАН; [Редкол: А.С. Герд (гл. ред.) и др.]. – СПб.: Наука, 2011. – Т. 21.
3. Брюс Я.В. Книга лексикон или Собрание речей по алфавиту с русского на голландский язык. – СПб., 1717.
4. Волчков С. Новой лексикон, содержащий в себе все слова французского языка, с немецким и латинским, предложенный на русский язык, с прибавлением многих слов и речений. – СПб., 1785–1787. – Ч. 3.
5. Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. – СПб., 1731.
6. Гейм И. Новый российско-французско-немецкий словарь. – М., 1799–1802.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т.т. – М.: Наука, 1978–1980.
8. Драматический словарь. – М., 1787.
9. Дрю дю Радье. Любовный лексикон. Перев. с фр. – СПб., 1768.
10. Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. – М.: Наука, 1997. – 179 с.
11. Еськова Н.А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX вв. Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. – М.: Рукописные памятники Древней Руси. – 2008. – 960 с.
12. Жданов П. Новый словарь английский и русский. – СПб., 1784.
13. Идеографический словарь русского языка: 4166 статей. – Сост. О.С. Баранов. – М.: ЭТС, 1995. – 820 с.
14. Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.: ил.

15. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык. – 1998. – 848 с.
16. Курганов Н. Словарь разноязычной, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке // Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. – СПб., 1769.
17. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Соч. В.Н. Татищевым. – Чч. 1, 2. – СПб., 1793.
18. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
19. Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1976. – С. 52.
20. Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами словарь. – СПб., 1780–1782. – Ч. 1–2.
21. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1978.
22. Поликарпов Ф.П. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. – М., 1704.
23. Полной французской и российской лексикон, с последняго издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный собранием ученых людей. – СПб., 1786. – Т. 1–2.
24. Редкие слова в произведениях авторов 19 в.: Словарь-справочник. / Отв. ред. Р.П. Рогожникова. – М.: Русские словари, 1997. – 127 с.
25. Розанов Ф. Латинский лексикон с российским переводом. – М., 1797.
26. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение. – 1976. – С. 131, 148.
27. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений, в 4-х т.т. / РАН, Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998.
28. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806 – 1822. – Ч. 1–6.

- 29.Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. – СПб., 1789–1794. – Ч. 1–6.
- 30.Словарь иностранных слов. / Под ред. И.В. Лехина и др. – 6-е изд. – М., 1964.
- 31.Словарь иностранных слов. / Под ред. Т.М. Капельзона. – М., 1933.
- 32.Словарь коммерческий. Перевод с фр. В.Левшина. – М., 1787–1792.
- 33.Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.:Русский язык, 1981–1984. – Т.т. 1–4.
- 34.Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю.С. Сорокин; Ред. Л.Л. Кутина (Вып.1–18), Е.Э.Биржакова. – Л.: СПб.: Наука, 1984–2015. – Вып. 1–21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://feb-web.ru/feb/s118/slov-abc/> (дата обращения: 25.07.2013).
- 35.Словарь русского языка XIX в.: Проект. – СПб.: Наука, 2002. – 209 с.
- 36.Словарь русского языка, составленный II Отд. Импер. Акад. наук. – СПб., 1891–1929. – Вып. 1–6.
- 37.Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II Отделением Академии наук. – СПб., 1847. – Т.т. 1–4.
- 38.Татищев В.Н. Полный французский и русский лексикон, с последнего издания Лексикона Французской Академии на русский язык переведенный. – СПб., 1798. – Т. 2.
- 39.Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т.т. 1–4: Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд. стер. – М.: Прогресс. – 1986.
- 40.Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык. – 1993. – Т.т. 1–2.
- 41.Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под. ред. С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
- 42.Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.

43. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известно. Ч. 1–3. – СПб., 1803–1806.

44. E. Richter. Fremdwortkunde. – Leipzig, 1919.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аблесимов А.О. Мельник – колдун, обманщик и сват // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / Сост. А.В. Кокорев. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 377–400.
2. Бабичев Д.Г. Училище дружества // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXV. – С. 145–296.
3. Веревкин М.И. Имянинники // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXI. – С. 187–306.
4. Веревкин М.И. Так и должно // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XIX. – С. 287–301.
5. Волков Д.В. Воспитание // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXI. – С. 73–89.
6. Вязмитинов С.К. Матросские шутки; Новое семейство; Радость душиньки // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXIV. – С. 55–195.
7. Горчаков К.Д. Калиф на час // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXVI. – С. 67–147.
8. Дашкова Е.Р. Тоисиоков // Дашкова Е.Р. Литературные сочинения / Сост., вступит. ст. и прим. Г.Н. Моисеевой. – М.: Правда, 1990. – С. 267–333.
9. [Гольдони]. Домашние несогласия // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1786. – Ч. XII. – Т. 5. – С. 205–390.
10. Екатерина II. Вот какво иметь корзину и белье // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XIV. – Т. 5. – С. 175–223.

- 11.Екатерина П. Госпожа Вестникова с семьею // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1786. – Ч. XI. – С. 221–263.
- 12.Екатерина П. Имянины госпожи Ворчалкиной // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1786. – Ч. XI. – С. 85–221.
- 13.Екатерина П. Невеста-невидимка // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1786. – Т. 3. – Ч. XII. – С. 3–51.
- 14.Екатерина П. Новгородской богатырь Боеславичь // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XX. – С. 101–153.
- 15.Екатерина П. Обманщик // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XIII. – С. 5–81.
- 16.Екатерина П. Оболецный // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XIII. – С. 81–175.
- 17.Екатерина П. О время! // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1786. – Ч. XI. – С. 3–85.
- 18.Екатерина П. Передняя знатного боярина // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Т. 6, – Ч. XI. – С. 221–263.
- 19.Екатерина П. Разстроенная семья осторожками и подозрениями // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XX. – С. 153–221.
- 20.Екатерина П. Февей // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XX. – С. 3–55.
- 21.Екатерина П. Храброй и смелой витязь Ахридеич // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XX. – С. 55–101.

- 22.Екатерина П. Шаман Сибирской // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XIII. – С. 175–223.
- 23.Злоумный // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXIII. – С. 69–271.
- 24.Капнист В.В. Ябеда // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / Сост. А.В. Кокорев. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 471–493.
- 25.Клушин А.И. Алхимист // Русская комедия и комическая опера XVIII в. / Под ред. П.Н. Беркова. – М. – Л.: Наука, 1950. – С. 466–483.
- 26.Клушин А.И. Смех и горе // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1793. – Ч. XL. – С. 3–151.
- 27.Княжнин Я.Б. Несчастье от кареты; Хвастун // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / Сост. А.В. Кокорев. – М.: Просвещение, 1956. – С. 458–471.
- 28.Княжнин Я.Б. Чудаки // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1794. – Ч. XLI. – С. 2–147.
- 29.Копиев А.Д. Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка // Русская комедия и комическая опера XVIII в. / Под ред. П.Н. Беркова. – М.: Наука, 1950. – С. 485–534.
- 30.Кропотов П.А. Фомушка, бабушкин внучек // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1790. – Ч. XXXV. – С. 183–272.
- 31.Крылов И.А. Кофейница // Крылов И.А. Полное собрание сочинений. – Т. 2. – М.: Худ. лит., 1946. – С. 19–38.
- 32.Крылов И.А. Подщипа; Пирог; Модная лавка; Урок дочкам // Крылов И.А.: Басни, комедии. – М.: Худ. лит., 2002. – С. 194–321.
- 33.Крылов И.А. Проказники // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1793. – Ч. XL. – С. 152–323.
- 34.Крылов И.А. Сочинитель в прихожей // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1794. – Т. 21. – Ч. XLI. – С. 151–228.

35. Левшин В.А. Милозор и Прелеста // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXVI. – С. 147–178.
36. Левшин В.А. Мнимые вдовцы // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1794. – Ч. XLIII. – С. 91–116.
37. Левшин В.А. Свадьба г-на Волдырева // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1794. – Ч. XLII. – С. 110–156.
38. Левшин В.А. Своя ноша не тянет // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1794. – Ч. XLII. – С. 164–197.
39. Левшин В.А., Керцелий Иван Фр. Король на охоте // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1794. – Ч. XLII. – С. 1–108.
40. Лжец, вольный перевод из Гольдониева театра Яновича // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1774. – Ч. XII – С. 51–205.
41. Лукин В.И. Мот, любовью исправленный. Награжденное постоянство. – Сочинения и переводы В. Лукина. – СПб., 1765. – С. 1–150.
42. Лукин В.И. Щепетильник // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / Сост. А.В. Кокорев. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 265–297.
43. Майков В.И. Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель; Пигмалион, или Сила любви; Любовник-колдун // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1777. – Т. XVIII. – С. 51–325.
44. Матинский М.А. Санкт-Петербургский гостиный двор // Русская комедия и комическая опера XVIII в. / Под ред. П.Н. Беркова. – М. – Л.: Наука, 1950. – С. 346–362.
45. Николев Н.П. Испытанное постоянство // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXIII. – С. 3–69.

- 46.Николев Н.П. Опекун-профессор, или Любовь хитрее красноречия // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788, Ч. XXIV. – С. 5–62.
- 47.Николев Н.П. Попытка не шутка, или Удачный опыт // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1790. – Т. XXXV. – С. 105–182.
- 48.Николев Н.П. Розана и Любим // Русская комедия и комическая опера XVIII в. / Под ред. П.Н. Беркова. – М. – Л.: Наука, 1950. – С. 169–216.
- 49.Николев Н.П. Самолюбивый стихотворец // Стихотворная комедия конца XVIII – нач. XIX в. – М. – Л.: Худ. лит., 1964. – С. 83–153.
- 50.Перепечин Н.И. Торжество добронравия над красотой // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXVI. – С. 3–67.
- 51.Плавильщиков П.А. Бобыль; Сиделец // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / Сост. А.В. Кокорев. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 105–464.
- 52.Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXV. – С. 5–82.
- 53.Прокудин М.И. Добродетель, увенчанная верностью // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXV. – С. 94–132.
- 54.Судовщиков Н.Р. Неслыханное диво, или честный секретарь // Стихотворная комедия конца XVIII – нач. XIX в. – М. – Л.: Худ. лит., 1964. – С. 180–255.
- 55.Сумароков А.П. Альцеста // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XVIII. – С. 8–32.
- 56.Сумароков А.П. Лихоимец // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XVI. – С. 71–152.
- 57.Сумароков А.П. Мать – совместница дочери // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XII. – Т. 9. – С. 253–297.

58. Сумароков А.П. Нарцисс // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XII. – Т. 9. – С. 107–155.
59. Сумароков А.П. Новыя лавры // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XVIII. – С. 85–99.
60. Сумароков А.П. Прибежище добродетели // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XVIII. – С. 99–128.
61. Сумароков А.П. Тресотиниус; Чудовищи; Пустая ссора; Опекун; Рогоносец по воображению; Вздорщица; Приданое обманом // Драматические сочинения. – Л.: Искусство, 1990. – С. 294–412.
62. Сумароков А.П. Три брата совместники // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XII. – Т. 9. – С. 71–107.
63. Сумароков А.П. Цефал и Прокрис // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XVIII. – С. 41–85.
64. Сумароков А.П. Ядовитый // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XVI. – С. 255–303.
65. Фонвизин Д.И. Бригадир; Недоросль; Добрый наставник // Фонвизин Д.И. Комедии. – Л.: Худ. лит., 1971. – С. 1–183.
66. Фонвизин Д.И. Недоросль; Бригадир; Выбор гувернера; Корион; Добрый наставник // Д.И. Фонвизин. Собр. соч.: в 2-х тт. / Сост. Г.И. Макогоненко. – Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1958. – С. 3–187.
67. Хвостов Д.И. Русский парижанец // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1787. – Ч. XV. – С. 149–260.
68. Хвостов Д.И. Хлор-царевич, или Роза без шипов, которая не колется // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1788. – Ч. XXIV. – Т. 9. – С. 195–233.
69. Херасков М.М. Безбожник; Ненавистник // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. – СПб., 1761. – Т. 1. – Ч. X. – С. 3–37.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. англ. – английское
2. араб. – арабское
3. голл. – голландское
4. гр. – греческое
5. ед. – единственное число
6. ж. – женский род
7. исп. – испанское
8. ит. – итальянское
9. лат. – латинское
10. м. – мужской род
11. мн. – множественное число
12. нареч. – наречие
13. неизм. – неизменяемое слово
14. нем. – немецкое
15. непоср. – непосредственно
16. нескл. – несклоняемое существительное
17. несов. – несовершенный вид глагола
18. перен. – переносное употребление
19. перс. – персидское
20. простореч. – просторечное слово
21. «Российский феатр» – Российский феатр, или полное собрание всех российских феатральных сочинений. – Ч. 1–43. – СПб., 1786–1794
22. САР¹ – Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. – СПб., 1789–1794. – Ч. 1–6
23. САР² – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806–1822. – Ч. 1–6

24. Словарь 1847 г. – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II Отделением Академии наук. – СПб., 1847. – Т.т. 1–4
25. ср. – средний род
26. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю.С. Сорокин; Ред. Л.Л. Кутина (Вып. 1–18), Е.Э.Биржакова. – Л.: СПб.: Наука, 1984–2013. – Вып. 1–20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://feb-web.ru/feb/s118/slov-abc/> (дата обращения: 25.07.2013)
27. сущ. – имя существительное
28. тат. – татарское
29. тур. – турецкое
30. тюрк. – тюркское
31. фр. – французское
32. эст. – эстонское

СЛОВНИК ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Данный Словник представляет собой толковый словарь, совмещающий принцип лингвистической характеристики иноязычного слова с национально-культурной информацией об этой реалии. Выделенные для описания иноязычные слова (в количестве 104 единиц), употребляющиеся в текстах исследуемых комедий, являются лексическими новациями эпохи, вошедшими в русский литературный язык непосредственно во второй половине XVIII века. Они дают нам определенное представление о некоторых чертах языковой картины данного времени, модном жаргоне светского общества, обогащении словарного состава языка иноязычной лексикой.

Выбор данных лексем обусловлен и тем фактором, что в настоящее время многие из заимствований не соотносятся с денотатом в сознании носителей современного русского языка, вышли из активного употребления, и это создает определенные трудности при прочтении драматургического текста.

Представленные в алфавитном порядке заимствованные слова разнородны в грамматическом и тематическом отношении. Это наименования лиц, бытовых предметов, различные термины, абстрактная лексика, характеризующиеся дифференциацией значений, в ряде случаев – многозначностью, омонимическими связями. Структура словарной статьи имеет следующий характер.

- Приводится вокабула в исходной форме. Встретившиеся слова-омонимы помечены цифрами слева.
- Даются некоторые грамматические признаки слов. При склоняемом существительном указываются окончания Р.п. ед. или мн. ч., род; при прилагательном – флексии женского и среднего рода; опорными формами для глаголов являются формы 1 и 3 л. ед.ч. настоящего времени, видовые характеристики. Со-

держится информация о несклоняемости и неизменяемости некоторых существительных, наречий; приводятся имеющиеся лексико-грамматические варианты.

- В словарных статьях также приводятся сведения этимологического характера: ближний источник заимствования, графический облик прототипа, в некоторых случаях указывается язык-посредник и первичный язык-источник.

- Толкование семантики иноязычных лексем осуществляется с помощью развернутой дефиниции, синонимов, словарные статьи содержат только те лексико-семантические варианты слова, выражения, которые имеют отношение к употреблению в текстах исследуемых комедий. Имеются также специальные пометы, указывающие на стилистическую маркированность иноязычного слова (просторечное), его употребление в светском жаргоне (в жаргоне щеголей), терминосистемах (финансовый термин), образное словоупотребление (переносно и образно).

- В словарной статье для вокабулы используется жирный шрифт.

Аверсия, -и, ж. (фр. «aversion»). Отвращение, неприязнь к кому-, чему-либо.

Аграманты, -о в, мн. (фр. «agrément»). Украшения для женского платья из плетеной тесьмы, бахромы.

Адажио, нескл., ср. (ит. «adagio», непоср. и через фр. «adagio», нем. «Adagio»). 1. Медленно, протяжно, плавно. 2. Музыкальное произведение или часть его в таком темпе.

Адоратор, -а, м. (фр. «adoreur»). Обожатель, поклонник (в жаргоне щеголей).

Адресоваться, суюсь, суется, несов., к кому (фр. «s'adresser à. .», нем. «adressieren sich an»). Обратиться к кому-л. с просьбой, делом, разговором.

Алгвазил, -а, м. (исп. «alguacil» < араб.). Полицейский или судебный служащий в Испании.

Альбом, -а, м. (лат. «album», фр. «album»). Тетрадь для вписывания на память о знакомстве автографов, стихов, изречений и т.п.

Анонсировать, рую, рует, несов. (фр. «annoncer»). Объявлять, сообщать (в жаргоне щеголей).

Антики, -о в, мн. (фр. «antique», ит. «antico» < лат.). О смешных своей старомодностью людях (простореч.).

Апропо, неизм. (фр. наречие «à propos»). Кстати, между прочим (в функции вводного слова).

Балансер, -а, м. (англ. «balancer»). Эквилибрист.

Бальи, нескл. (фр. «bailli (-if)'). Судья во Франции, разбирающий дела по тяжбам, разбою и др.

Бет, -а, м. (фр. «bête»). То же, что *лабет* (карточный термин).

Бильеду, нескл. (фр. «billet doux»). Любовная записка (в жаргоне щеголей).

Близир, -у, м. (фр. «plaisir»). Приятный вид.

Буфон, -а, м. (ит. «buffone»). Комический актер, актер-певец в опере-буфф.

Вержет, -а, м. (фр. «vergette»). Волосы надо лбом.

1. Визави, нескл., сущ. (фр. «vis-à-vis»). Двухместная коляска, в которой сидят лицом друг к другу.

2. Визави, неизм., нареч. (фр. «vis-à-vis»). Друг против друга (находиться).

Галантом, -а, м. (фр. «galant homme»). Светский человек; щеголь (в жаргоне щеголей).

Грезет, -а и -у, м. (фр. «grisette»). Шелковая однотонная материя с мелким тканым узором.

Гурия, -и, ж. (перс. < араб., через лат. и фр. «hougi»). Вечно юная красавица, улаждающая праведников в магометанском рае.

Дезабилье, нескл., ср. (фр. «déshabillé»). Домашнее платье.

Деликатес, -а, м. (фр. «délicatesse»). Нежность, тонкость; деликатность (в жаргоне щеголей.).

Дискур, -а и -у, м. (лат. «discursus» через фр. «discours»). Разговор, беседа (в жаргоне щеголей).

Диссимюляция, -и, ж. (фр. «dissimulation»). Скрытие, утайка (в жаргоне щеголей).

Дистракция, -и, ж. (фр. «distraktion»). Рассеянность, невнимательность, расстройство.

Домино, -а, м. (ит. «domino», через фр. «domino», нем. «Domino»). 1. Маскарадная одежда, плащ с капюшоном и широкими рукавами, маска. 2. Маскарад.

Дюшеса, -ы, ж. (лат. «ducissa», через ит. «duchessa», фр. «duchesse»). Жена дюка; герцогиня, княгиня.

Жабот, -а, м. (фр. «jabot»). Кружевной или кисейный галстук, мужской шейный платок.

Жокей, -я, м. (англ. «jockey», непоср. или через фр. «jockey»). Мальчик при лошадях; мальчик для верховой езды.

Идея, -и, ж. (гр. «ἰδέα», лат. «idea»). Мнение о ком-л. (в жаргоне щеголей).

Имажинация, -и, ж. (лат. «imaginatio», непоср. и через фр. «imagination»). Представление, воображение (в жаргоне щеголей).

Империял, -а, м. (лат. «imperialis nummus»). 1. Русская золотая монета достоинством в десять рублей, введенная в 1755 г. 2. Род карточной игры (от фр. «impérial»).

Индижестиума, -ы, ж. (лат. «indigestio», непоср. и через фр. «indigestion»). Несварение желудка.

Интермеция, -и, ж. (лат. «intermedium», ит. «intermezzo»). 1. Небольшая театральная сценка, часто с музыкой, пением и танцами, вставленная между действиями в спектакле. 2. Театр.

Ипохондрия, -и, ж. (лат. «hypocondrium», непоср. и через фр. «hypocondrie»). Болезненное, угнетенное состояние; болезнь, сопровождающаяся болями, судорогами.

Истмический, ая, ое, (гр. «Ἰσθμιακός», лат. «isthmicus»). Истмические игры, состязания в Древней Греции, происходившие раз в два года на Коринфском перешейке в честь Нептуна.

Кабалист, -а, м. (фр. «cabaliste», нем. «Cabalist»). Тот, кто занимается кабалистикой; маг, чародей.

Казакин, -а, м. (фр. «casaquin», непоср. и через нем. «Kasaquin»). Верхняя одежда, род полукафтана.

Каймак, -а и -у, м. (тюрк. «kaimak»). Сливки с кипяченого или топленого молока; сыр из таких сливок.

Канapé, нескл., ср. и ж. (фр. «canapé»). Софа, диванчик.

1. Капот, -а, м. (фр. «capot»). Мужская или женская свободная одежда.

2. Капот, -а и -у, м. (фр. «capot»). Термин карточной игры; взятка, выигрыш.

Каприциозный, ая, о е (ит. «capriccioso», через фр. «capricieux»).

Картон, -а, м. (фр. «carton»). Футляр из толстой бумаги; картонка.

Керы, мн. (фр. «coeur»). Карточная масть; черви.

Комиссия, -и, ж. (лат. «commissio, -onis», непоср. и через нем. «Comission»). Затруднительное, хлопотливое дело.

Комодной, ая, о е (фр. «commode»). Не причиняющий беспокойства, удобный (в жаргоне щеголей).

Контроданс, -а, м. (фр. «contredanse», нем. «Contre-tanz»). Бальный танец, исполняемый парами, располагающимися друг против друга.

Кур, нескл. и **Куры**, мн. (фр. «cour»); **делать [строить] кур (куры)** (кому). Ухаживать за дамой (в жаргоне щеголей).

Куриозный, ая, о е (лат. «curiosus», непоср. и через фр. «curieux», нем. «curios»). Примечательный, интересный, редкий.

Куртина, -ы, ж. (фр. «courtine»). 1. Часть сада, составляющая законченное целое. 2. Шпалера в саду.

Лабет, -а, м. (фр. «la bête»). Недобор взяток в карточной игре, влекущий денежный штраф; ремиз.

Лаж, -а, м. (ит. «l'aggio»). Разница, взимаемая при обмене одной монеты на другую (финансовый термин).

Лино, -а (фр. «linon»). Тонкое и прозрачное полотно, ткань.

Линобатист, -а, м. (фр. «linonbatiste»). Тонкий льняной батист.

Лиф, -а и -у (голл. «lijf»). Перехват на платье около поясицы; верхняя часть платья.

Ломбер, -а, м. (фр. «l'hombre»). Карточная игра.

Манкировать, рую, рует, несов. (фр. «manquer»). Пренебрегать чем-л.

Марказит, -а и -у, м. (лат. «marcasita», непоср. и через нем. «Marcasit», фр. «marcassite»). Колчедан в виде кристаллов правильной формы.

Маркизет, -а, м. (фр. «marquise»). Разновидность тонкой прозрачной хлопчатобумажной или шелковой ткани из крученой пряжи.

Мартинист, -а, м. (фр. «martiniste»). Последователь мартинизма; член масонского общества.

Марьяж, -а, м. (фр. «mariage»). Карточная игра.

Матедор, -а, м. (исп. «matador», непоср. и через фр. «matador», англ. «matador»). Старшая козырная карта в некоторых карточных играх.

Мебели, -ей и **Мебель**, -я, м.; -и, ж. (ит. «mobile», непоср. и через нем. «Mobilien», фр. «mobilier, meuble»). 1. Личные мелкие вещи или деньги, 2. Предметы обстановки, домашнего убранства, мебель. 3. О пожилом человеке (перен. и образно).

Мепризировать, рую, рует, несов. (фр. «mépriser»). Пренебрегать кем-л., относиться к кому-л. с презрением (в жаргоне щеголей).

Пай, -я, м. (тур., тат. «pai»). Счастье, удача (простореч.).

Пальевой, ая, ое (фр. «paille»). Светло-желтый, цвета соломы.

Папильота, -ы, ж. (фр. «papillote»). Бумажка для завивки волос.

Пароксизм, -а, м. (фр. «paroxysme»). Сильный приступ, внезапное обострение болезни.

Пароли, нескл., ср. (фр. «paroli»). Двойная ставка в карточной игре, которую обозначают, загибая угол карты.

Петиметр, -а, м. (фр. «petit-maitre»). Щеголь, франт, слепо следующий французской моде.

Политика, -и, ж. (греч. и фр. «politique»). Правила общественного поведения, умение вести себя вежливо, обходительно.

Престо, неизм., ср. (ит. «presto»). О темпе исполняемого музыкального произведения: очень быстро.

Реприманд, -а, м. (фр. «reprimande»). 1. Выговор. 2. Неожиданность.

Риваль, -я, м. (фр. «rival»). Соперник (в жаргоне щеголей).

Ритурнел, -а, м. (ит. «ritornello», фр. «ritournelle»). Вступительный или заключительный отыгрыш в танцевальной музыке; музыкальный эпизод.

Роброн, -а, м. (фр. «roberonde»). Просторное верхнее женское платье с кринолином.

Розет, -а, м. (фр. «rosette»). Алмаз, ограненный только сверху, а снизу плоский.

Рябик, -а, м. (эст. «rävik»). Гребное судно малого размера, ялик.

Сикурс, -а, м. (фр. «secours», нем. «Sukkurs»). Помощь (карточный термин).

Суфлитировать, рую, рует, несов. (фр. «souffler»). Подсказывать актерам слова роли во время представления.

Такелаж, -а и -у; м. (голл. «takelage»). Оснастка судна, приспособления для управления парусами; веревки.

Талия, -и, ж. (фр. «tailler»). Круг карточной игры до окончания колоды у банкмета или до срыва банка.

Тафта, -ы, ж., (ит. «taffeta»). Тонкая глянцевитая шелковая или хлопчато-бумажная ткань полотняного переплетения.

Трафить, флю, фит, несов. (нем. «treffen»). Попадать в цель, нападать; случаться.

Тупей, -я, м. (фр. «toupet»). Волосы на передней части головы, взбитые и зачесанные назад.

Фигли, -ей, ж. (нем. «vigilje»). Шутки, шалости, проделки, что-либо несущественное, обман; телодвижения.

Фижда, -ы, ж. (нем. «Fischbein»). В женской одежде: каркас в виде обруча, вставлявшийся под юбку у бедер; юбка с таким каркасом, кринолин.

Финт, -а, м. (ит. «finta», нем. «Finte»). Хитрая уловка, шалость, обман, трюки (простореч.).

Фрапировать, рую, рует, несов. (фр. «frapper»). Неприятно поражать, удивлять.

Фрукасе, нескл., ср., (фр. «fricassee»). Блюдо, приготовленное из мелко нарезанного мяса с соусом.

Фузея, -и, ж. (фр. «fusil»). Кремневое гладкоствольное ружье небольшого размера, винтовка; аркебуза.

Фуруферме, нескл., ср. (фр. «fourreau ferme»). Женское платье, плотно облегающее тело, длинное, с высоким разрезом, без рукавов и воротника; платье-футляр.

Фухтель, -я, м. (нем. «Fuchtel»). Широкий тупой клинок шпаги, тесака или палаша.

Цуг, -а, м. (нем. «Zug»). Шесть лошадей, попарно запряженных в повозке.

Шлафрок, -а, м. (нем. «Schlafrock»). Домашнее мужское платье, халат; капот.

Шмерц, -а, м. (нем. «Schmerz»). Насмешливое прозвище немца.

Шпицрутен, -а, м. (нем. «Schpießruten»). Длинные гибкие палки, прутья, которыми били солдат, прогоняя их сквозь строй.

Экзерциция, -и, ж., (фр. «exercice»). 1. Военные учения, строй. 2. Упражнение для развития, совершенствования техники исполнения танца, музыки.

Эконом, -а, м. (греч. и нем. «Ökonom»). 1. Домостроитель, смотритель за хозяйством. 2. Бережливый, хозяйственный человек.

Экспликовать, кую, кует, несов. (фр. «explication»). Разъяснять, представлять что-либо в явном, наглядном виде.

Эрмитаж, -а, м. (фр. «Ermitage»). Дорогой сорт французского вина.